

Г Л А В А III.

НАХОДКИ ВНѢ КУРГАНОВЪ И ВООБЩЕ ЗЕМЛЯНЫХЪ НАСЫПЕЙ.

Бронзовые шейные или головные обручи.—Рыцарская цѣпь — Различныя мнѣнія о принадлежащемъ къ цѣпи наплечникѣ. — Куфическая монета. — Находки противъ д. Кручери. — При д. Эгли.—Люцинскіе находки при фол. Фряжки и Шкельбатовѣ.—Каменные долота.— Древній обычай класть въ гробъ покойниковъ любимѣйшія ими вещи.—Символическій знакъ власти или достоинства, булава. — Мнѣнія о ней.— Ожерелье.—Перстни, съ изображеніемъ птицъ.—Рожанскія древности.—Находки при сел. Езерникахъ, люцинскаго уѣзда. — Серги, найденныя въ городокскомъ уѣздѣ.—Серебряныя гривны, найденныя въ витебскомъ уѣздѣ.— Находка монетъ, кольца и серебрянаго шарика въ лепельскомъ уѣздѣ — Серебряныя украшенія, найденныя въ динабургскомъ уѣздѣ.—Находки въ разныхъ мѣстахъ Витебской губерніи старинныхъ монетъ, съ 1873 по 1886 годъ. — Истуканъ Перуна и двухъ-голового идола.—Замѣчательная находка въ Могилевской губерніи.

Въ какую бы отдаленную эпоху не существовалъ человекъ, онъ долженъ оставить слѣды въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ жилъ, на той землѣ которую онъ топталъ ногами.

Луи. Филле.

Въ теченіи двухъ съ половиною тысячъ лѣтъ много племенъ и народностей жило и основалось на памяти исторіи въ предѣлахъ нашего отечества. И чѣмъ разнообразнѣе былъ самый племенной составъ, чѣмъ продолжительнѣе время претворенія его въ одно государство съ единымъ народомъ, тѣмъ обильнѣе былъ вкладъ въ общую сокровищницу русской древности.

Графъ И. Толстой и Н. Кондаковъ.

Какъ ни рѣдки въ Витебской губерніи находки древнихъ вещей кромѣ монетъ, внѣ кургановъ, валовъ и городищъ, однакожь и онѣ случаются. Это замѣчаніе не относится къ орудіямъ каменнаго вѣка исключительно находимыхъ при копкѣ канавъ, обработкѣ полей и огородовъ, въ лѣсахъ, болотахъ, по берегамъ рѣкъ и озеръ словомъ вездѣ, гдѣ только человекъ могъ заниматься работою, добывать себѣ пищу, строить жилища, бороться со зверемъ... Есть

впрочемъ мѣста, гдѣ особенно часто попадаютъ эти орудія, а есть и такіе гдѣ, покрайней мѣрѣ доселѣ, ихъ вовсе не находятъ. Объ этомъ подробнѣе мы скажемъ въ IV главѣ.

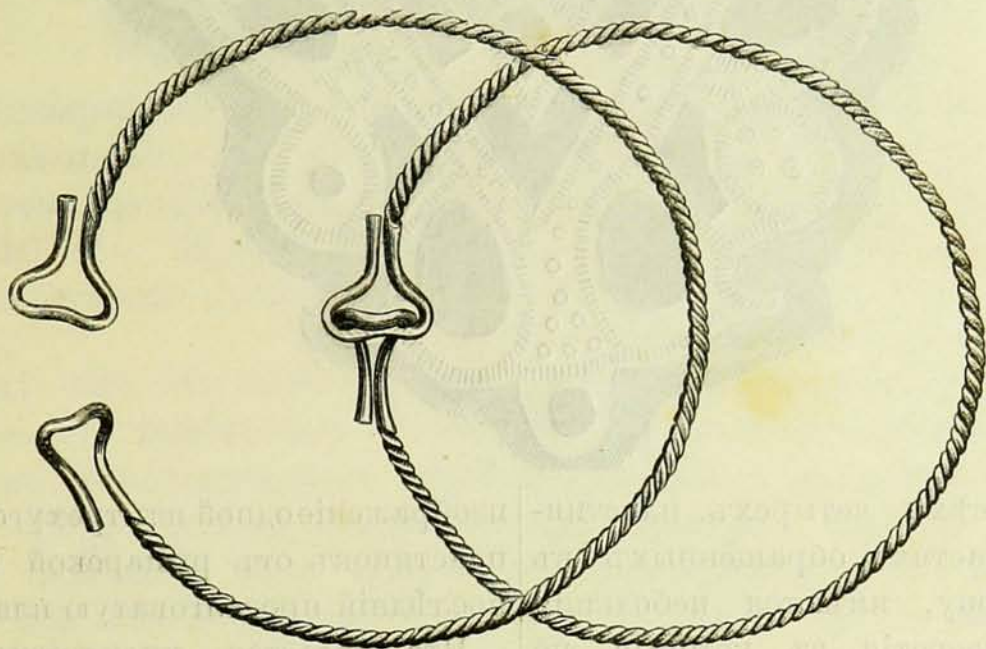
Изъ внѣ курганныхъ находокъ важнѣйшія произведены въ г. Динабургѣ и Лепелѣ, Динабургскомъ, Люцинскомъ, Лепельскомъ и Рѣжецкомъ уѣздахъ, а также на границѣ Витебскаго и Оршанскаго уѣздовъ, въ предѣлахъ Могилевской губерніи. Динабургская находка отно-

сится къ 1862 году. Она сдѣлана совершенно случайно, именно: при вырытіи рва подь домъ одного частнаго лица, строившійся возлѣ дамбы, рядомъ съ усадьбой дворянина П. М Будревича. Въ этой мѣстности, въ песчаномъ грунтѣ, не глубже 4 аршинъ отъ поверхности земли, вырытъ былъ скелеть чловѣка большаго роста, при которомъ, кромѣ совершенно истлѣвшаго оружія найдены:

(гривень) равна 1 дюйму въ окружности, а послѣднихъ $\frac{1}{8}$ дюйма. Эти головныя украшенія похожи на хранящіеся въ Копенгагенскомъ музеумѣ сѣверныхъ древностей. На этихъ именно частяхъ остова т. е. на черепахъ или близъ нихъ они и были найдены. Вотъ изображенія перваго и втораго вида найденныхъ въ г. Динабургѣ обручей или гривней. (рис. 33 и 34).

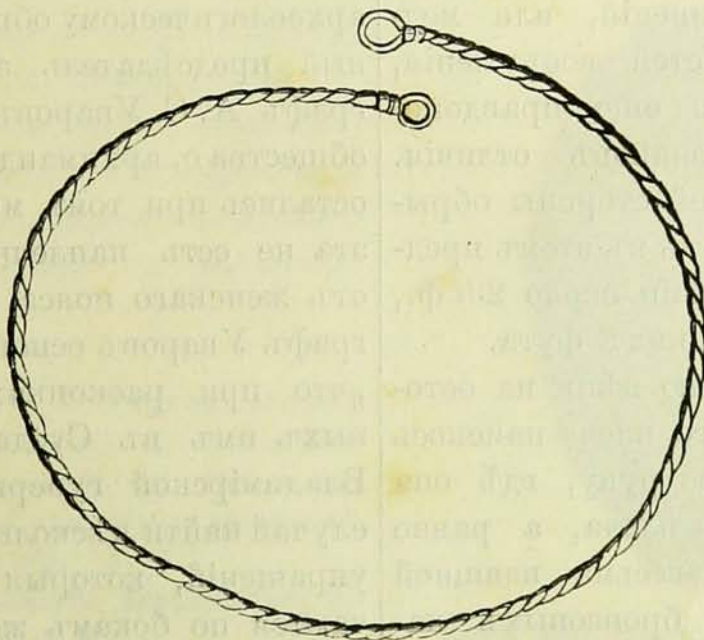
Цѣпь состоитъ изъ четырехъ брон-

Рис. 33.

Четыре бронзовыхъ витыхъ обруча (гривны) изъ которыхъ два, въ окружности до ушекъ, имѣютъ по 3 англ. фута, а вѣсомъ по 1 фунту $3\frac{1}{2}$ золотника, а остальные при величинѣ окружности въ 2 фута 9 дюймовъ, вѣсомъ по 78 золотн. Толщина свитка первыхъ двухъ обручей

Рис. 34.

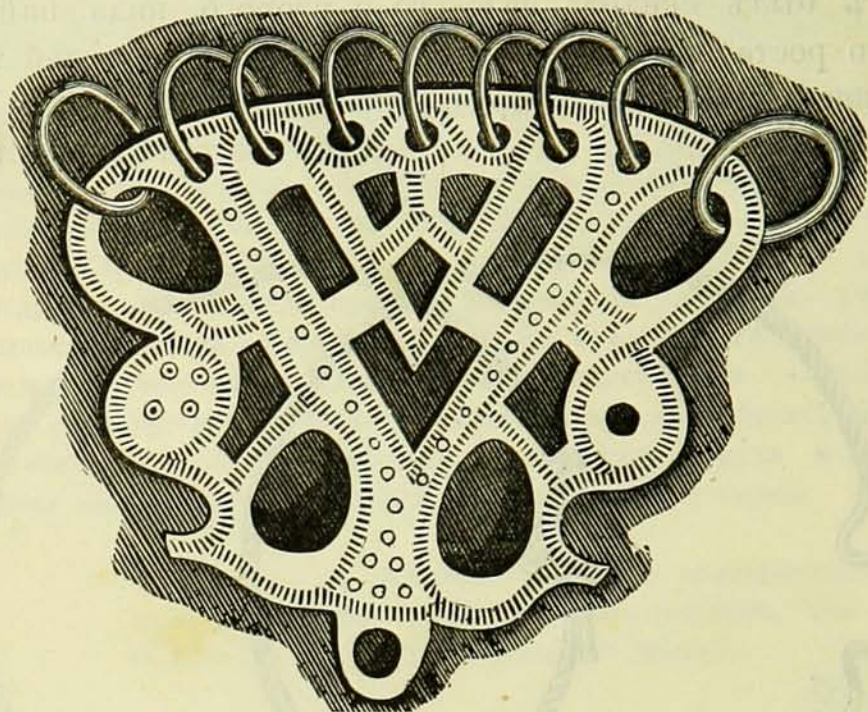

зовыхъ, массивныхъ, прорѣзанныхъ съ красивой насѣчкой вокругъ отверстій—пластинокъ, изъ которыхъ двѣ, находящіяся по концамъ цѣпи, имѣютъ форму какъ бы треугольника, съ вырѣзанными боками и закругленными углами; а двѣ помещающіяся между звеньями,

въ разстояніи отъ первыхъ на $3\frac{1}{2}$, англ. дюйма, продолговатыя и также съ вырѣзными боками, закругленными углами и чеканкой; всѣ четыре пластинки соединенныя девятью рядами прочныхъ, хорошо сохранившихся двойныхъ бронзовыхъ не спаянныхъ цѣ-

плечниковъ, должно предполагать, что цѣпь эта не составляя необходимой принадлежности рыцарскаго одѣянія, была знакомъ особаго достоинства или званія носившаго ея лица. Прилагаемые рисунки 35 и 36 представляютъ первый: точно

Рис. 35.

пей. На всѣхъ четырехъ пластинкахъ, въ частяхъ обращенныхъ въ одну сторону, имѣются небольшія круглыя отверстія, въ которыя, по всей вѣроятности, прикрѣплялись еще особыя цѣпочки, для подвѣски какихъ-либо украшеній, или мелкихъ принадлежностей вооруженія, или наконецъ, что еще правдоподобнѣе, особыхъ знаковъ отличія. Уцѣлевшій съ одной стороны обрывокъ цѣпи убѣждаетъ въ этомъ предположеніи. Всѣ цѣпи около $2\frac{1}{2}$ ф., а длина $3\frac{1}{2}$ англійскихъ фута.

Суда по положенію цѣпи на остовѣ, т. е. отъ лѣваго плеча наискось груди, подъ правую руку, гдѣ она достигала праваго плеча, а равно бывшихъ при ней весьма изящной чеканной отдѣлки бронзовыхъ на-

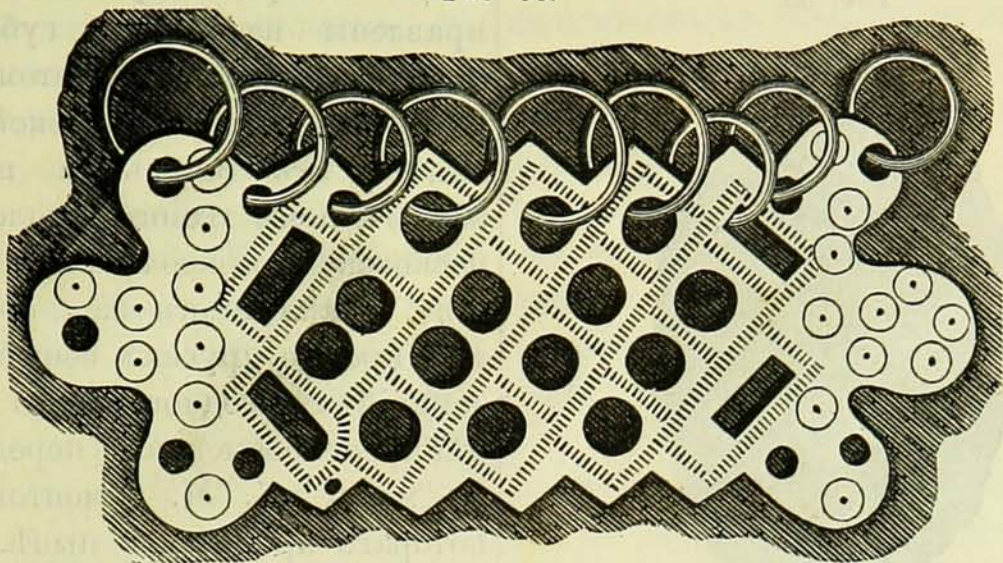
изображеніе одной изъ трехугольных пластинокъ отъ рыцарской цѣпи, а послѣдній продолговатую пластинку.

Что касается упомянутыхъ наплечниковъ, изъ коихъ, одинъ принесенъ мною въ даръ Московскому археологическому обществу, то покойный предсѣдатель этого общества, графъ А. С. Уваровъ, а также членъ общества о. архимандритъ Амфилохій остались при томъ мнѣніи, что вещь эта не есть наплечникъ, и пряжка отъ женскаго пояса. Это мнѣніе свое графъ Уваровъ основываетъ на томъ, „что при раскопкахъ, произведенныхъ имъ въ Суздальскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи, онъ имѣлъ случай найти нѣсколько подобныхъ украшеній, которыя всегда встрѣчаются по бокамъ женскаго костюма

у пояса, и у нѣкоторыхъ сохранились даже кожаные ремни“.

мы лично входили по этому предмету въ сношеніе, и который по тща-

Рис 36.

Въ подтвержденіе своего мнѣнія, графъ указываетъ на имѣющіеся внутри этого предмета слѣды пряжки (fibula) *). Ниже помѣщена оборотная сторона этого предмета. (рис. 38).

Въ виду того, что вещь эта весьма сходна съ хранящимся въ королевскомъ Копенгагенскомъ музеѣ подь № 422 бронзовымъ запястьемъ и ближе подходит подь запястья за №№ 419, 420 и 421-мъ, **) мы готовы согласиться съ приведеннымъ здѣсь мнѣніемъ покойнаго предсѣдателя Археологическаго общества, если бы вещь эта не была найдена вмѣстѣ съ прочими принадлежностями рыцарскаго одѣянія, совершенно такого же металла и характера. Затѣмъ и предположенія покойнаго Н. И. Костомарова, съ которымъ

тѣльномъ осмотрѣ другаго, совершенно такого же экземпляра этой вещицы, призналъ ее за наколѣнникъ или налокотникъ отъ древняго рыцарскаго панцыря... мы ужъ никакъ раздѣлить не можемъ, и скорѣе согласны, что вещь эта есть наплечникъ, составлявшій часть вышеописанной цѣпи, вмѣстѣ съ которой онъ найденъ, при мужскомъ скелетѣ, при которомъ находились часть разрушившагося оружія и другія вышеописанныя вещи.

Рис. 37.

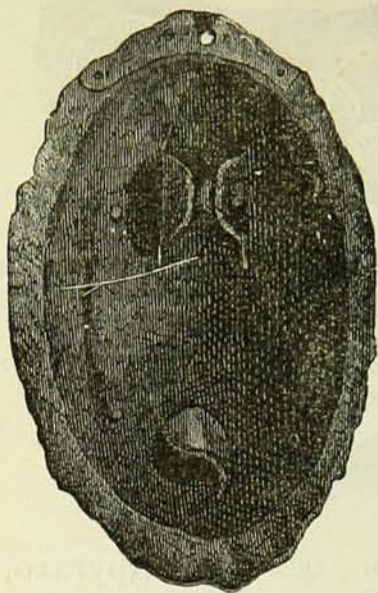
*) Мнѣніе графа А. С. Уварова сообщено мнѣ секретаремъ общества К. К. Герцемъ, 14 ноября 1865 года, за № 291. Оно потомъ напечатано въ одной изъ книгъ древностей, издаваемыхъ обществомъ. А. С.

**) Сѣверныя древности Королевскаго музея въ Копенгагенѣ. А. С.

Вотъ изображенія лицевой и обо-

ротной стороны описаннаго предмета (рис. 37 и 38).

Рис. 38.

Что на пространствѣ, занимаемомъ нынѣ Динабургомъ и его предмѣстьями, могъ быть схороненъ кто-либо изъ знаменитѣйшихъ военачальниковъ давно прошедшихъ вѣковъ, въ томъ нельзя сомнѣваться, припомнивъ, что основаніе этого города относится если не къ XII, то навѣрно къ XIII вѣку (именно къ 1278 году), что Динабургъ, въ теченіе почти пятисотъ лѣтъ, былъ постояннымъ театромъ военныхъ дѣйствій сосѣдственныхъ державъ и народовъ; что на поляхъ его вчастую сталкивались поляки, литовцы, шведы, датчане и русскіе, не говоря уже о битвахъ болѣе близкихъ къ намъ временъ. На груди скелета, на цѣпочкѣ, покоилась серебряная арабская куфическая монета. Какому вѣку принадлежитъ она — неизвѣстно; но, судя по хорошо сохранившимся на обѣихъ сторонахъ ея надписямъ, это легко можетъ быть опредѣлено опытнымъ нумизматомъ.

Розысканіе этихъ замѣчательныхъ памятниковъ старины, попавшихъ,

немедленно по вынутіи изъ земли, въ разныя руки, сдѣлано нами. Изъ числа четырехъ гривенъ, двѣ отправлены витебскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ Императорской археологической комиссіи, а всѣ остальные вещи, за исключеніемъ одного наплечника — московскому археологическому обществу. Наплечникъ же, попавшійся мнѣ прежде другихъ вещей и послужившій путеводною нитью для дальнѣйшихъ розысканій, переданъ брату моему К. М. Сементовскому, у котораго хранится и нынѣ.

Изъ уѣздныхъ мѣстностей наиболѣе оказались богатыми въ археологическомъ отношеніи окрестности м. Креславки. Здѣсь графъ Адамъ Плятеръ, на берегахъ Западной Двины находилъ много прекрасныхъ бронзовыхъ и серебряныхъ издѣлій, какъ напр. головные уборы, ожерелья, браслеты, проволочные поясы, кольца, цѣпочки, серебряныя и стеклянныя бусы, мѣдные топорики, молоты, бердыши и другіе. Изъ дѣлъ Витебскаго губернскаго статистическаго комитета видно, что подобная находка повторилась въ прошломъ 1886 году, въ Динабургскомъ уѣздѣ, близъ деревни Кручери. Здѣсь крестьянинъ Донатъ Вигуль нашелъ нѣсколько мѣдныхъ (вѣроятно бронзовыхъ) вещей, именно: шейное кольцо (гривну) съ тремя подвѣсками; проволочную цѣль о двѣнадцати звѣньяхъ; гребешокъ; два браслета съ украшеніями (?) на концахъ; одинъ тонкій браслетъ съ орнаментомъ; шейный обручъ съ отломанымъ концемъ; пряжку; четыре обломка шейныхъ колецъ; шесть тонкихъ, гладкихъ браслетовъ; восемь тонкихъ

изогнутыхъ лентообразныхъ обломковъ; проволочное спиральное кольцо; три тонкихъ проволочныхъ кольца; двѣнадцать небольшихъ обломковъ отъ спиральныхъ трубочекъ (?); двѣ малыхъ пластинки съ тремя дырочками на каждой; пять маленькихъ обломковъ (?), одинъ изъ нихъ проволочный. Болѣе точнаго описанія или фотографіи этой весьма интересной находки, въ дѣлахъ комитета нѣтъ. Это лишаетъ насъ возможности сдѣлать какое либо правильное заключеніе о значеніи найденныхъ вещей; тѣмъ не менѣе мы думаемъ что они принадлежали покойницѣ изъ болѣе или менѣе знатнаго рода. Еще раньше, именно въ 1882 году, въ огородѣ крестьянина деревни Эгли, Ужвалдской волости, Динабургскаго уѣзда найдено: шесть бронзовыхъ браслетъ, пряжка, два крученыхъ, въ видѣ веревки, прута; вѣроятно шейныхъ обручей (гривень) и пять небольшихъ обломковъ отъ вещей (?). *) Въ отношеніи статистическаго комитета въ Императорскую Археологическую комиссію, **) касательно прутьевъ (т. е. гривень) сказано: „одинъ потолще съ наконечниками“; пряжка переименована въ „кольцо въ видѣ пряжки съ надѣтыми на него крючками“. Объ остальныхъ вещахъ пояснено: „небольшой кусокъ спиральной, согнутой, крученой проволоки и четыре куска плоско разбитой проволоки, свитые спиралью“.

Люцинскіе внѣ курганные находки, весьма сходны съ динабургскими, от-

*) Донесеніе исправника 29 окт. 1882 года № 12858:

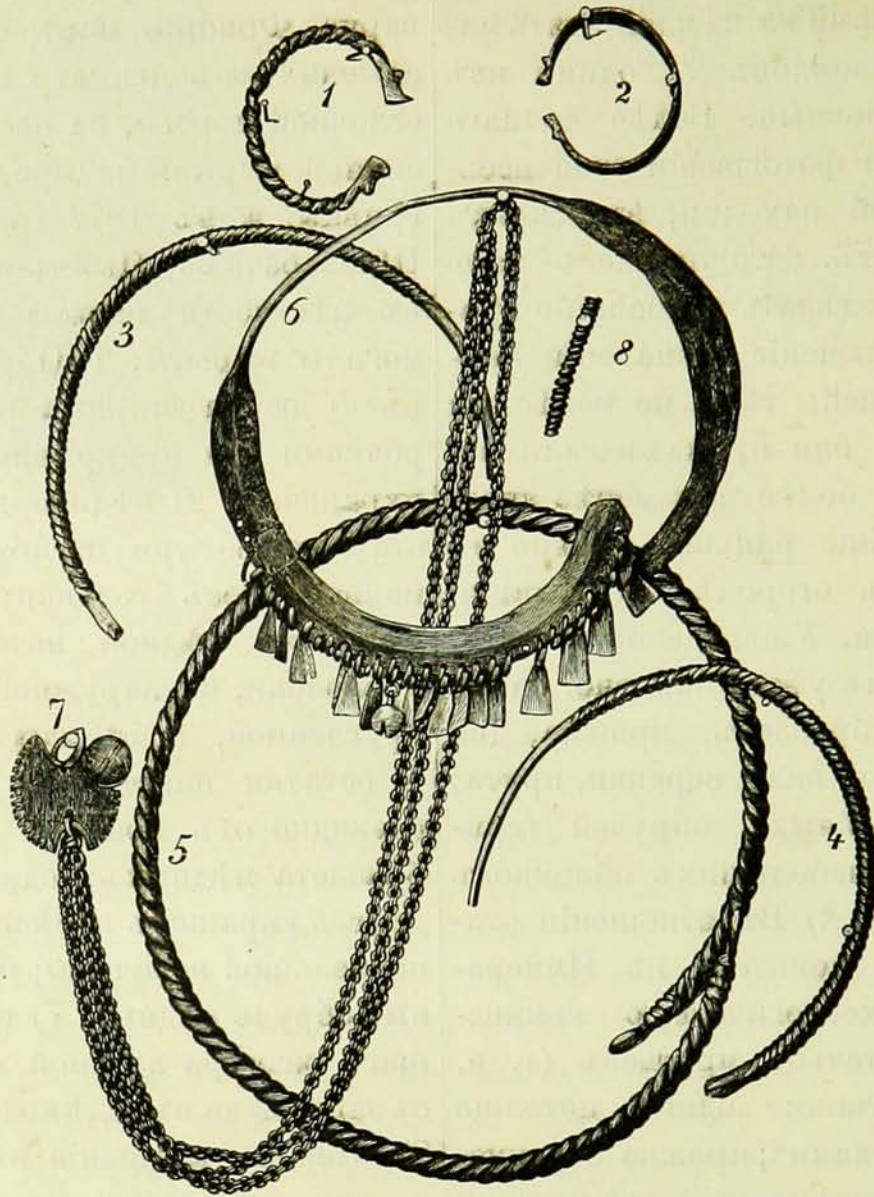
**) Отношеніе 4 ноября 1881 года № 547.

чего должно заключить что онѣ относятся къ одному и тому же времени и одинаковаго происхожденія. Изъ числа извѣстныхъ намъ находокъ, мы можемъ указать на двѣ: въ 1878 году, въ разстояніи четверти версты отъ фольварна Фряшки, Нетрской волости, саженьяхъ въ двадцати пяти отъ проселочной дороги, на песчаномъ полѣ, свиньи вырыли четыре серебряныхъ гривны, а въ 1877 году въ имѣніи Шкельбатахъ, Пыльденской волости въ мѣстности называемой военныя могилы вырыты: 1) Обрывки узкихъ въ $\frac{1}{4}$ дюйма ширины ремней съ дырочками для прикрѣпленія къ нимъ украшеній: 2) мѣдное кольцо, представляющее три изгиба змѣи, изломанное, безъ головки; 3) остатки цѣпи изъ мѣдной витой спиралью проволоки, съ наружной стороны закругленной, а съ внутри плоской; 4) остатки пластинокъ и проволоки очевидно отъ концовъ цѣпи; 5) два браслета мѣдныхъ: одинъ витой, а другой украшенъ насѣчкой, для руки не большой величины; 6) витой шейный обручъ мѣдный; 7) такойже большаго размѣра красной мѣди обручъ, съ загнутыми въ видѣ колецъ концами. 8) Шейное украшеніе въ видѣ наполовину широкаго—плоскаго, а наполовину узкаго—круглаго обруча, съ восемнадцатью трехъ угольными и одной шарообразной подвѣсками. Подвѣсковъ этихъ, судя по числу отверстій въ широкой части обруча, было тридцать одинъ; 9) тройная цѣпь, соединенная однимъ концомъ съ подвѣской и 10) буса, расколота пополамъ, величиной въ лѣсной орѣхъ, свѣтло-зеленовато-желтаго цвѣта, потерявшая наружный блескъ (рис. 39). На прилагаемомъ рисункѣ изобра-

жено по фотографіи восемь главнѣйшихъ изъ этихъ предметовъ; самыя вещи, въ свое время, отосланы Витебскимъ губер. стат. комитетомъ въ

навы на пахатной землѣ имѣнія Завидичъ, отстоящаго отъ г. Лепеля на шести верстахъ, открыто значительное количество человѣческихъ

Рис. 39.

Императорскую Археологическую комиссію, именно: два бронзовыхъ браслета (1 и 2) двѣ гривны мѣдныхъ (3 и 4), одна серебряная (№ 5), одно бронзовое украшеніе съ привѣсками въ родѣ трехъ угольныхъ пластинокъ и съ шарикомъ по срединѣ ихъ (6), тройная бронзовая цѣпь (№ 7) и наконецъ обрывокъ бронзовой, спирально витой, въ видѣ трубочки проволоки (№ 8).

Въ 1855 году, при проведеніи ка-

костей, лежавшихъ не глубже полутора аршина отъ поверхности. Между этими костями найдены два каменные долота. Орудія эти принадлежатъ М. Ф. Кусцинскому, который сообщая намъ рисунокъ ихъ и выше изложенныя свѣдѣнія, добавляетъ, что вѣроятно на томъ мѣстѣ, гдѣ найдены долота, было когда-то языческое кладбище и что орудія эти зарыты въ землю, вмѣстѣ съ покойниками, при которыхъ обыкновенно

оставляли предметы, бывшіе въ употребленіи. Изображеніе сихъ орудій помѣщено въ IV главѣ.

Обычай класть въ гробы покойковъ любимѣйшія ими вещи, изъ особаго пониманія народомъ загробной жизни, сохранился еще и доннѣ, въ большей или меньшей степени, въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Нашъ бѣлорусскій народъ также не чуждъ этимъ вѣрованіямъ, кои въ особенности рельефно обрисовываются при празднованіи имъ Троицныхъ дней и при совершаемыхъ въ Духовъ день поминкахъ *).

Но чѣмъ народъ менѣе развитъ, чѣмъ менѣе усвоилъ онъ ученіе нашей церкви, тѣмъ болѣе сохранилось въ немъ языческихъ вѣрованій предковъ, тѣмъ легче обычаями его объяснить значеніе археологическихъ находокъ. Относительно обычая класть въ гроба покойниковъ любимѣйшія ихъ вещи и вообще относительно представленія загробной жизни, согласно съ древними языческими понятіями, мордовцы Пензенской губ. представляютъ самые поразительныя образцы. Крестьяне этой губерніи, какъ и нашъ бѣлорусскій народъ, убѣждены, что покойники за гробомъ также ѣдятъ и пьютъ, какъ и въ здѣшней жизни. Поэтому каждому умершему всегда кладутъ въ гробъ тѣ предметы, которые онъ любилъ. Такъ напримѣръ, если умершій любилъ курить, то кладутъ съ нимъ въ гробъ трубку, ежели любилъ плестъ лапти, кладутъ качедыкъ; женщинамъ кладутъ иглу съ нит-

*) 1-й главѣ этого сочиненія мы привели любопытное указаніе на находки въ гробахъ покойниковъ не только вещей, но даже серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ. А. С.

кой, лоскутъ холста и т. д. Но мордовскія вѣрованія о загробной жизни еще характеристичнѣе обрисовываются въ празднованіи этимъ народцемъ сороковаго дня.

Празднества эти такъ интересны, что читатели наши, безъ сомнѣнія, не посѣтуютъ на насъ за это маленькое отступленіе, и потому продолжаемъ. Каждый умирающій и умирающая, разумѣется взрослые, предъ смертію, назначаютъ себѣ намѣстниковъ, называемыхъ по мордовски озай-васта (отъ слова какъ-сичу), которые въ сороковой день представляютъ собою умершаго. Озай-васта выбирается обыкновенно умирающимъ изъ самыхъ близкихъ друзей его. Съ вечера наканунѣ сороковаго дня, всѣ родственники покойнаго собираются въ тотъ домъ, гдѣ устраиваются поминки, и приносятъ съ собою что нибудь изъ съѣстнаго, но непременно въ деревянныхъ чашкахъ. Потомъ хозяева дома ставятъ среди избы брагу въ кадучкѣ, и всѣ начинаютъ ее распивать чашками, вмѣстѣ съ ними и озай-васта, виновникъ празднованія, главное лицо, на которое обращается вниманіе всѣхъ. Утромъ поминки идутъ своимъ чередомъ: ѣдятъ, пьютъ водку и брагу, и пьяные пляшутъ. Послѣ обѣда настаетъ пора разставаться съ мнимымъ покойникомъ, пора проводить его въ могилу, въ новое его жилище. Для этого озай-васта, сидѣвшій до того времени въ переднемъ углу, на подушкѣ, садится на приготовленную нарочно для сего случая скамью среди избы. Среди же избы ставятъ длинную палку, упирая ее однимъ концомъ въ полъ, а другимъ въ потолокъ, и прилепляютъ

къ этой палкѣ восковую свѣчу, согнутую въ кольцо и составленную изъ нѣсколькихъ свѣчь. Послѣ этого одинъ изъ гостей беретъ палку со свѣчей и идетъ вонъ изъ избы, другіе же берутъ скамью, на которой сидитъ, озай-васта и вся процессія шествуетъ за свѣчей на дворъ, гдѣ для мнимаго покойника, если онъ мужчина готова осѣдланная лошадь. Тутъ начинается полное провожаніе т. е. плачь, стонъ, и если послѣ покойника остались мать, жена, дѣти, эти несчастныя обнимаютъ, цѣлуютъ озай-васта, и на прощанье, угощаютъ его водкой и брагой.

Распростившись со своими родственниками, воображаемый мертвецъ садится на лошадь и уѣзжаетъ. Озай-васта, желая вѣроятно, выразить: какъ трудно умирающему разставаться съ этой жизнью и съ родными, до трехъ разъ возвращается въ домъ, гдѣ встрѣчаютъ его съ новой радостью и угощеніемъ. Послѣ третьяго раза, онъ уѣзжаетъ изъ вида и возвращается въ домъ тайкомъ, чрезъ задній дворъ, обыкновеннымъ гостемъ. Поминки женщинъ бываютъ съ немногими вариациями. Женскій озай-васта уходитъ пѣшкомъ *).

Въ Себежскомъ уѣздѣ Витебской губерніи **), въ день радоницы (во вторникъ на Троицкой недѣлѣ), при совершеніи на кладбищахъ панахидъ, на всѣхъ могилахъ стоитъ кутья, покрытая хлѣбами, въ которыхъ теплятся свѣчи, и лежатъ два окрашенныхъ яйца. Это въ знакъ христосованія съ умершими. Простодушный народъ вѣритъ что умер-

шіе родные ихъ невидимо дѣлятъ съ ними трапезу и потому многіе оставляютъ остатки пищи на могилахъ. Въ Троицынъ день поминовение совершается также какъ и въ радоницу, съ тѣмъ только различіемъ, что въ этотъ день прибывшіе на кладбище родные вѣтками березъ опахиваютъ могилы. Обычай этотъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ называется парить стариковъ. Хлестая могилы покойниковъ свѣжими березовыми вѣтвями, крестьяне думаютъ доставить почивающимъ въ землѣ роднымъ удовольствіе бани... Въ эти же дни въ окнахъ избъ вывѣшиваются ручники для того, какъ говоритъ народъ, чтобы дяды, т. е. души покойниковъ могли безошибочно узнать хаты своихъ родныхъ и навѣстить ихъ. Навѣщая своихъ родныхъ дяды, но понятіямъ народа, садятся подъ пѣчкой. Во всѣхъ этихъ обычаяхъ ярко видна грубая языческая идея о загробной жизни. Послѣ этого понятно, почему въ старину, когда народъ былъ еще темнѣе, языческіе обряды исполнялись акуратнѣе и гробы покойниковъ наполнялись предметами потребленія ихъ земной жизни.

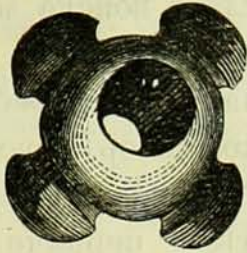
Изъ числа сдѣлавшихся извѣстными намъ внѣкуранныхъ археологическихъ находокъ пятидесятихъ годовъ, одна обратила на себя особое вниманіе. Эта каменная вещь составляющая, какъ думаетъ М. Ф. Кусцинскій, большую рѣдкость, есть по его мнѣнію символическій знакъ достоинства лица, занимавшаго особо важный постъ. Мы не раздѣляемъ этого мнѣнія почтеннаго нашего сочлена и помѣщая изображение находки предоставляемъ судить о значеніи ея нашимъ археологамъ. Изоб-

*) См. „Русскія Вѣдомости“ 1865 г., № 136.

**) Памятная книжка Витебской губ. 1865 г.

ражаемый предметъ сдѣланъ изъ твердаго сѣраго камня, имѣеть круглую форму, съ четырьмя, крестообразно-расположенными, выпуклыми украшеніями, и отверстіе для насадки на цалку (рис. 40).

Рис. 40.

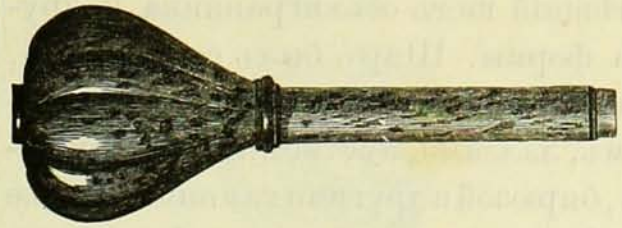

М. Ф. Кущинскій, сообщивши намъ рисунокъ этой находки, извѣщалъ, что этотъ знакъ достоинства найденъ на полѣ имѣнія Бѣлое, помѣщицы Корсакъ, и что ни въ берлинскомъ музеумѣ древностей, ни въ копенгагенскомъ собраніи сѣверныхъ древностей ему не случилось видѣть подобнаго. Мы далеко не раздѣляемъ этого мнѣнія г. Кущинскаго и думаемъ, что вещь эта—издѣліе послѣднихъ временъ.

Что касается находки, сдѣланной 4-го Апрѣля 1865 года, въ самомъ городѣ Лепелѣ, при вырытіи канавы на площади, противъ дома коллежскаго совѣтника Соколовскаго, то по мнѣнію г. Кущинскаго, это жезлъ или булава, какіе обыкновенно употребляли въ старину гетманы и вообще начальники войскъ, въ знакъ своей власти. Булава эта сдѣлана изъ красноватаго порфира, съ тщательной полировкой; по обѣимъ концамъ ея имѣются углубленія въ одинъ вершокъ; къ нижней оконечности вѣроятно прикрѣплялась ручка, такъ какъ оконечность эта немного тоньше и не такъ гладко отполирована;

въ длину весь предметъ имѣеть пять вершковъ (рис. 41).

Рис. 41.

Къ какому времени принадлежитъ эта находка — съ точности опредѣлить трудно; но принимая въ соображеніе что нынѣшняя Витебская губернія въ XVI вѣкѣ служила неоднократно театромъ войнъ, можно съ нѣкоторой достовѣрностью отнести ее къ этому времени, тѣмъ болѣе, что, по сказанію Стрыйковскаго, въ 1568 году, близъ Лепеля было кровопролитное сраженіе.

Мы не раздѣляемъ и этого мнѣнія г. Кущинскаго, такъ какъ форма старинныхъ гетманскихъ булавъ была совершенна другая, точно также какъ и матеріалъ изъ коего они были сдѣланы *). Вотъ какъ описываются гетманскія булавы въ сочиненіи брата нашего покойнаго Н. М. Сементовскаго „Малороссійской, запорожской и донской старшнѣ **). Булавы, какъ и бунчуки раздѣлялись на большія и малыя, перначи или шестоперы или жезлы. Обыкновенная гетманская булава состояла изъ палки орѣховаго или другаго

*) Прим. Посѣтивъ въ маѣ 1888 года М. Ф. Кущинскаго, въ имѣніи его Завидичахъ, и осмотрѣвъ собраніе его рѣдкостей, мы окончательно убѣдились что вещь названная имъ булавой, не болѣе какъ костельное украшеніе весьма недавняго происхожденія.

**) „Старина малороссійская, запорожская и донская“. С.-Петербургъ 1848 г.

крѣпкаго дерева, длиною въ три четверти аршина, съ одного конца палки придѣлывался серебряный шаръ, нерѣдко продолговатый или имѣвшій видъ осьмигранника и другія формы. Шаръ былъ серебряный, вызолоченный и осыпанный жемчугомъ, лаллами, аметистами, изумрудами, бирюзой и другими камнями. Также на булавахъ нерѣдко вырѣзывались надписи: кому и отъ кого пожалована булава или приличное изрѣченіе, большею частію взятое изъ священнаго писанія. У Мазепы была булава съ его гербомъ, а у Самуѣловича съ вензелемъ. Противуположный конецъ палки также обдѣлывался въ серебряную оправу, иногда гладкую а чаще съ узоромъ. Были булавы чисто серебряныя, безъ деревянной палки; такую булаву Хмельницкій получилъ отъ Польскаго короля въ 1649 году, а отъ турецкаго Султана осыпанную жемчугами и драгоценными камнями. Дорошенко получилъ отъ Крымскаго хана подобную же булаву. Булава присланная Царемъ гетману Хмельницкому, по принятіе его въ подданство Россіи, была серебряная съ подписью: 1654 годъ и вензелемъ Царя. Многіе гетманы имѣли у себя нѣсколько булавъ и употребляли ихъ смотря по важности торжества на которомъ они должны были присутствовать. Дѣлались булавы и длинныя, такъ что служили вмѣсто палки; такую булаву имѣлъ Самуѣловичъ, въ то время, когда былъ взятъ въ церквѣ и представленъ въ царскую палату предъ Голицынымъ.

Полковники имѣли свои булавы—перначи и шестоперы, иначе полковничьи жезлы, отличавшіеся отъ гет-

манскихъ булавъ меньшимъ размѣромъ и тѣмъ, что по большей части верхъ ихъ былъ шести-гранный, отъ чего они и назывались шестоперами.

Запорожскіе атаманы также имѣли большіе и малые булавы и перначи: большіе были серебряныя, а малые желѣзные. Въ Петербургѣ до селѣ хранится булава войска запорожскаго; она, представляетъ стиснутый граненый шаръ, съ серебряной обдѣлкой на концѣ орѣховой палки.

Кромѣ войсковаго атамана на Запорожьѣ имѣли перначи какъ куренные, такъ и походные атаманы и полковники.

Въ 1776 году Императрица Екатерина II подарила атаману Донскаго войска: насѣку, т. е. большую булаву и булаву обыкновенную. Насѣка была деревянная, длиною 2¼ аршина съ серебряною позлащенною главой изъ двухъ вмѣстѣ стиснутыхъ шаровъ; на верхнемъ шарѣ прикрѣплены вертикально два металлическихъ черные орла, крестообразно пересѣкающіеся. Булава была изъ чернаго дерева, длиною въ аршинъ; глава ея гладкая, круглая, какъ и наконечникъ, серебряная, вызолоченая. Какъ на булавѣ, такъ и на насѣкѣ имѣлась слѣдующая надпись: Войска Донскаго Войсковому Атаману Алексѣю Иловайскому, пожалована въ 1776 году, во время командованія какъ онымъ, такъ и всѣми иррегулярными войсками Генераль-Аншефа князя Потемкина“.

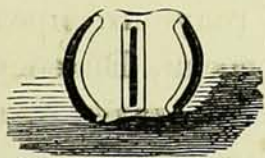
Мы нарочно нѣсколько распространились о гетманскихъ булавахъ, чтобы показать на сколько вѣрно предположеніе г. Кусцинскаго о лепельской находкѣ. По нашему мнѣнію найденная въ Лепелѣ порфирная

вещица — не больше, какъ дверная рукоятка или украшеніе отъ старинной кастольной мебели или же просто головка отъ трости; но уже никакъ не гетманская булава.

Высказавъ наше мнѣніе о „лепельской“ булавѣ, мы нисколько не желаемъ противорѣчить мнѣнію покойнаго графа А. С. Уварова, допускаяшаго глубокую древность употребленія каменныхъ булавъ въ Сибири и на Кавказѣ и потому склонявшагося видѣть и въ лепельской находкѣ—булаву, т. е. знакъ власти, хотя и позднѣйшаго времени *). Точно также мы не согласны считать прототипомъ гетманскихъ булавъ находки грубыхъ круглыхъ каменныхъ молотовъ въ Сибири и на Кавказѣ.

Въ 1864 году, въ Люцинскомъ уѣздѣ недалеко отъ селенія Езерникъ, одинъ крестьянинъ, совершенно случайно, выкопалъ въ мѣстности, не представлявшей никакихъ искусственныхъ возвышенностей, низкой и отчасти болотистой, 22 большихъ серебряныхъ монеты, начала XII вѣка, изъ коихъ 4, достались намъ, нѣсколько зеренъ изъ ожерелья, изъ коихъ одно (рис. 42) красное съ

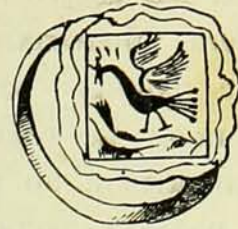
Рис. 42.

четырьмя бѣлыми полосками, имѣющими голубой процвѣтъ; древній серебряный крестикъ, о которомъ скажемъ ниже въ V главѣ и наконецъ два перстня: (рис. 43 и 44) серебря-

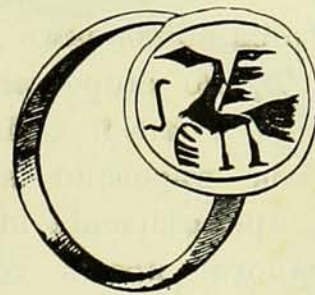
ный, съ изображеніемъ стоящей на вѣткѣ птицы, крылья коей подняты кверху, и мѣдный почти такой величи-

Рис. 43.

ны, какъ предъидущій, съ такимъ же изображеніемъ птицы и поднявшейся

Рис. 44.

предъ нею змѣи, но работы болѣе грубой. Эти зерна ожерелья, перстни и крестикъ составляютъ нынѣ собственность автора.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ *), въ имѣніи моемъ Лепельскаго уѣзда, Рожанщинѣ, расположенномъ на берегу рѣчки Ушача, при вырытіи ямъ для храненія картофеля, найденъ былъ довольно хорошо сохранившійся остовъ челоуѣка громаднаго роста. Такъ какъ кости эти открыты въ небольшомъ борку, на песчаномъ бугрѣ, между фольварковыми постройками, гдѣ никогда не было кладбища, то догадокъ о томъ кому принадлежать эти кости, и когда и по какому случаю зарыты здѣсь покойникъ, было множество. Въ концѣ концовъ наши деревенскіе ар-

*) См. Древности. Томъ X. Москва 1885 г.

*) Первое извѣстіе объ этомъ напечатано мною въ „Витебскихъ Губ. Вѣд. 1885 г. № 42.

хеологи порѣшили, что это кости какого то богатыря *).

Одинадцатаго мая 1885 года, при расчисткѣ берега р. Ушача, въ слоѣ глины и ила, въ моемъ присутствіи, найдена очень большая желѣзная шпора (по народному—острога), рѣзко отличающаяся не только отъ нынѣ употребляемыхъ, но и отъ тѣхъ кои носили ратные люди, лѣтъ сто тому назадъ и болѣе. Найденная шпора имѣетъ въ длину $6\frac{3}{8}$, между концами дужки $3\frac{2}{8}$, а ширина ободка (дужки) $\frac{5}{8}$ англійск. дюйм. На дужкѣ имѣется по концамъ два круглыхъ, въ $\frac{2}{8}$, по сторонамъ шесть длинныхъ, въ $\frac{3}{8}$ англ. дюйма отверстій, въ кои вѣроятно вбивались гвозди для прикрѣпленія шпоръ къ подбору сапога; кромѣ того какъ видно по уцѣлѣвшей, съ правой стороны, желѣзной сережкѣ, шпора пристегивалась еще и подъ подошвой сапога ремнемъ.

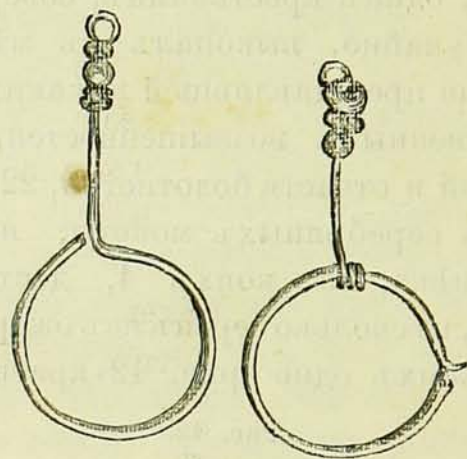
Принимая въ соображеніе, что на другой сторонѣ р. Ушача, дѣлающей здѣсь крутой поворотъ, почти подъ прямымъ угломъ, находятся еще довольно замѣтные слѣды обширнаго землянаго укрѣпленія, обращеннаго фасомъ въ поле по направленію къ г. Полоцку, въ настоящее время густо поросшаго сосновымъ лѣсомъ, должно предполагать, что здѣсь въ XV и XVI вѣкахъ были кровавыя стычки ливонцевъ и литвы, и что найденныя древности суть остатки этихъ воителей.

*) Народъ вѣритъ, что въ этихъ мѣстахъ жили когда-то богатыри, огромнаго роста и страшной силы люди, воевавшіе каменными молотами. Ясное указаніе на существованіе „каменнаго вѣка“ у здѣшнихъ аборигеновъ.

Это не противорѣчитъ сказаніямъ исторіи и согласуется съ общей судьбой нашей многострадальной Бѣлоруссіи, а также подтверждается хотя и не частыми находками: остатковъ перержавѣвшаго оружія и старинныхъ мелкихъ серебряныхъ монетъ.

Въ 1873 году крестьяне деревни Родзьки, Холомерской волости, Городокскаго уѣзда, обрабатывая землю подъ посѣвъ льна, подъ слоємъ дерна, нашли двѣ проволочныхъ серебряныхъ серги довольно простой работы. Серги хотя и похожи одна на другую, но не парныя. Металлъ ихъ очень мягокъ и повидимому представляетъ сплавъ серебра съ оловомъ. Настоящій рисунокъ представляетъ серги въ натуральную ихъ величину (рис. 45).

Рис. 45.

Въ 1872 году въ предѣлахъ Ловожской волости, Витебскаго уѣзда, при распашкѣ ляды близъ деревни Заборцевъ, возлѣ озера Лосвидскаго (оно же Лука), подъ слоємъ дерна, на глубинѣ около трехъ вершковъ отъ поверхности земли, найдено крестьянами нѣсколько разной формы серебряныхъ витыхъ, обручей (гривень); каждый изъ нихъ вѣсилъ около полуфунта. Серебро этихъ вещей

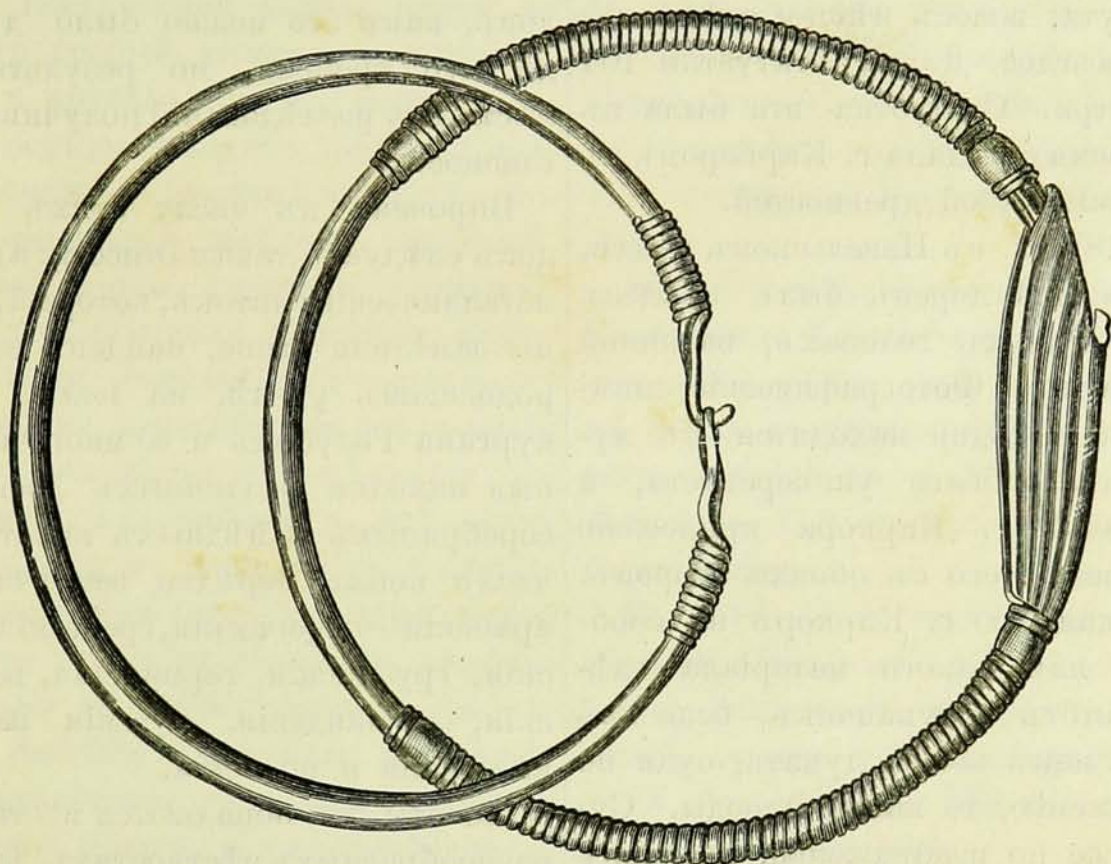
было смѣшано съ значительнымъ количествомъ олова и малой долей мѣди, которая, повидимому явилась здѣсь не какъ искусственная примѣсь, а какъ спутникъ дурно обработаннаго серебра. Большая часть этой находки сдѣлалась добычей жидовъ.

Вотъ рисунокъ двухъ изъ найденныхъ въ Ловожской волости гривенъ. Форма ихъ довольно красива, хотя работа не особенно отчетлива. (рис. 46).

уѣзда, въ полуверстѣ отъ станціи Риго - Динабургской желѣзной дороги, въ песчаномъ бугрѣ, найдено крестьянами 167 мелкихъ (величиной въ 15 копѣчникъ), круглыхъ серебряныхъ, въ родѣ пуговицъ украшеній и между ними 3 серебряныхъ монеты.

Кромѣ описанныхъ нами остатковъ древняго оружія, воинскихъ украшеній, уборовъ, монетъ и т. п. въ Витебской губерніи, хотя очень рѣдко, находились изваянія древнихъ язы-

Рис. 46.

Въ томъ же году въ Бѣшенковецкой волости, Лепельскаго уѣзда, при деревнѣ Хмельникѣ, въ 40 саженьяхъ отъ р. Западной Двины, въ землѣ, при копаніи картофеля, найденъ крестьянами глиняный горшокъ, съ тремя большими, и горстью малыхъ серебряныхъ монетъ, а также серебряныя кольцо и дутый шарикъ. Почти одновременно съ симъ кладомъ, въ Ливенгофской волости, Динабургскаго

чeskихъ божествъ. Г. Киркоръ въ статьѣ своей о первобытныхъ памятникахъ Бѣлорусскаго полѣсья упоминаетъ о трехъ находкахъ этого рода, именно:

Въ 1684 году, въ развалинахъ какаго то древняго зданія близъ г. Витебска, найденъ былъ какъ, полагаютъ, идолъ Перуна значительныхъ размѣровъ, стоящій на подносѣ. Идолъ и подносъ были сдѣланы изъ чистаго

золота. К. С. Стецевичъ описавшій этотъ случай, говоритъ: „что отъ находки многіе поживились и что даже Папѣ въ Римъ послана была часть золота“.

Въ пятидесятихъ годахъ, близъ Полоцка, въ им. Экиманіи, на груди костяка былъ найденъ неизвѣстный идолъ изъ шлифованого камня, изображающій человѣка восточнаго типа, въ длинномъ одѣяніи, полулежащаго, съ чашей въ лѣвой рукѣ, подносимой къ устамъ, правая рука подогнута; волосъ нѣтъ и слѣда, лицо обрюзглое. Длина статуэткы 104 миллиметра. Статуэтка эта была въ свое время передана г. Киркоромъ въ Виленскій музей древностей.

Въ 1874 г. въ Невельскомъ уѣздѣ, при посадкѣ деревъ былъ найденъ идолъ о двухъ головахъ, вышиной 9 дюймовъ. Фотографическіе снимки этой находки находятся въ музеѣ Ягеллонскаго университета, а къ статьѣ г. Киркора приложено изображеніе его съ обоихъ сторонъ. Къ сожалѣнію г. Киркоръ не сообщаетъ изъ какого матеріала сдѣланъ этотъ истуканчикъ, если изъ камня, какъ можно думать, судя по изображенію, то какой породы. Судя также по изображенію, истуканъ этотъ долженъ быть не двуглавый, а двуличный. Гдѣ онъ находится въ настоящее время не извѣстно, но въ 1874 г. былъ у Городокскаго исправника—Бурмейстера *).

*) Рукопись наша была уже окончена когда по счастливой случайности, намъ удалось, въ маѣ 1888 г. увидѣть въ собраніи М. Ф. Кусцинскаго—этотъ прославленный идолъ. Какое же было наше удивленіе, когда прославленный г-мъ Киркоромъ идолъ оказался не болѣе не менѣе, какъ гипсовой покрытой

Какъ ни мало число вещей найденныхъ на такихъ мѣстахъ Витебской губерніи, гдѣ не существуетъ и не существовало, по крайней мѣрѣ въ памятные годы, никакихъ видимыхъ остатковъ старинныхъ насыпей, какъ вообще не рѣдки подобныя находки, но все же существованіе ихъ доказываетъ, что губернія эта не такъ бѣдна погребенными въ нѣдрахъ земли памятниками давно минувшихъ вѣковъ и обитавшихъ когда-то на пространствѣ ея народовъ, какъ это можно было думать до сего времени, по результатамъ мѣстныхъ изслѣдованій получившихъ гласность.

Впрочемъ къ числу этихъ находокъ слѣдуетъ также отнести: а) тотъ металлическій слитокъ, который, какъ мы замѣтили выше, найденъ въ Городокскомъ уѣздѣ, на полѣ, близъ кургана Голубецъ и б) многочисленныя находки различныхъ древнихъ серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ, въ числѣ коихъ нерѣдко встрѣчаются: арабскія—куфическія, греческія, римскія, грузинскія, германскія, венгерскія, голландскія, русскія великокняжескія и польскія.

Монеты эти попадаются въ такихъ разнообразныхъ мѣстностяхъ, что вывести изъ этихъ находокъ какое либо заключеніе относительно преобладанія, въ той или иной мѣстности, одного или другого рода монетъ положительно не всегда можно: иногда онѣ попадаются одиночно, иногда же

желтымъ лакомъ уродливой куклой, весьма педавняго происхожденія. — Очень жаль если ученое собраніе Ягеллонскаго университета, на основаніи фотографіи этой куклы, вздумаетъ дѣлать какіе либо выводы о языческихъ вѣрованіяхъ Бѣлоруссовъ. А. С.

въ весьма большихъ массахъ, такъ называемыми кладами. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, совершенно случайно, при паханіи земли, въ III части г. Витебска, найдено было около четверика мелкой серебряной польской сигизмундовской монеты, называемой народомъ „луской“.

Въ 1866 году, апрѣля 9-го дня, въ этомъ же городѣ и въ той же части его, на лѣвомъ берегу рѣки Западной Двины, насупротивъ Спасской церкви, при спускѣ на воду вновь построенной лайбы, почти на самомъ гребнѣ довольно возвышеннаго и крутаго берега, подъ пластомъ осунувшейся отъ движенія лайбы, земли, на глубинѣ четырехъ или пяти вершковъ, найдень глиняный, круглой формы, горшокъ, вышиной, какъ рассказывали очевидцы, вершковъ пяти, наполненный старыми серебряными монетами; но къ сожалѣнію, по жадности и невѣжеству нашедшихъ ихъ рабочихъ, онѣ почти всѣ попали въ руки жидовъ; и только девять изъ нихъ достались намъ. Монеты эти пяти величинъ, приблизительно соотвѣтствующихъ размѣрамъ нынѣшнихъ рубля, полтинника, четвертака, гривенника, стараго русскаго чекана, и пятикопѣчника, но только нѣсколько потолще и не совсемъ круглой формы. Почти всѣ онѣ польскія XVI и XVII столѣтія, но между ними попадаются и голландскія.

Изъ дѣлъ Витебскаго губернскаго статистическаго комитета, видно: что съ 1873 года по 1886 годъ включительно, были получены официальные донесенія о слѣдующихъ находкахъ монетъ (кладахъ).

Въ 1873 году, въ Динабургскомъ уѣздѣ, Колупской волости, близъ имѣ-

нія Арендоль, крестьянами деревни Большія Стродишки найдень оловянный горшечекъ, запаянный сверху съ 257 древними серебряными монетами.

Въ 1875 году, Лепельскаго уѣзда, Усайской волости, деревни Зарѣчья, крестьянами найдено 24 большихъ серебряныхъ и около 12 фунтовъ мелкихъ мѣдныхъ монетъ. Въ томъ же году крестьяне деревни Дубинокъ Михаловичской волости Полоцкаго уѣзда, нашли въ землѣ, на улицѣ— 43 сереб. монеты; а крестьяне деревни Забумерье, Войханской волости, Городокскаго уѣзда, нашли въ полѣ, въ глиняномъ горшкѣ около 13 фунтовъ старинной мелкой мѣдной монеты.

Въ 1876 году, крестьяне деревни Котовщины, Каменской волости, Лепельскаго уѣзда, нашли, на полѣ, въ двухъ верстахъ отъ почтовой дороги, идущей въ г. Лепель изъ г. Витебска, 113 серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ.

Въ 1877 году крестьянскіе дѣти деревни Папортной, Козаковской волости, Велижскаго уѣзда, роясь въ пескѣ, нашли глиняный горшечекъ съ 5 большими и 753 малыми серебряными монетами.

Въ томъ же году крестьянскій мальчикъ села Запалы, Пылденской волости, Люцинскаго уѣзда, близъ озера Соложь, нашель 100 старинныхъ монетъ, именно: 90 оръ и солидовъ, 8 русскихъ копѣекъ и 2 иностранныя.

Въ томъ же году, той же волости и деревни, на болотистомъ мѣстѣ, въ кочкѣ, въ сверткѣ еловой коры, было вырыто свиньями 120 мелкихъ серебряныхъ монетъ; а въ г. Витебскѣ, на Вокзаль-горѣ, при рас-

чисткѣ мѣста подѣ зданіе классической гимназіи найдено рабочими нѣсколько хорошо сохранившихся армянскихъ красной мѣди монетъ.

Въ 1878 году въ огородѣ крестьянина деревни Замошья, Бѣльской волости, Лепельскаго уѣзда найдено 150 старинныхъ серебряныхъ монетъ.

Въ 1879 году крестьяне деревни Лукашенокъ, Усвятской волости Велижскаго уѣзда, при поднятіи земли для озимаго посѣва, вырыли 125 пражскихъ грошей.

Въ 1880 году, крестьянинъ деревни Поплавокъ, Пышнянской волости, Лепельскаго уѣзда—Кубарь, усмотрѣвъ на принадлежащемъ ему лугу, на верху кротовины, серебряную монету, разрылъ выброшенную кротомъ землю и въ ней нашелъ еще 2 монеты.

Въ 1881 году, того же уѣзда, Бѣльской волости, въ деревнѣ Замошѣ, близъ гумна крестьянина Семенова, свиньи вырыли 90 старинныхъ серебряныхъ монетъ.

Въ 1882 году, того же уѣзда, въ мѣстечкѣ Бочейковѣ, при проведеніи канавы найдено 68 штукъ серебряныхъ монетъ.

Въ 1883 году, въ мѣстечкѣ Кохановичахъ, Дриссенскаго уѣзда, при снятіи обвалившагося плетня на огородѣ церковнаго причта, найдены рабочими кувшинъ, разсыпавшійся отъ прикосновенія, въ которомъ находилось старинныхъ серебряныхъ монетъ: 4 величиной въ пятакъ, 1398 въ двугривенный и 357 штукъ въ полтинникъ.

Въ томъ же году въ Невельскомъ уѣздѣ, въ имѣніи Бродахъ помѣщика Адамовича, при распахкѣ земли, найдено болѣе 200 мелкихъ серебря-

ныхъ монетъ XIV вѣка, а въ Витебскомъ уѣздѣ, близъ заштатнаго города Суража, при обработкѣ поля, вырыто сохою 486 серебряныхъ монетъ, изъ коихъ двѣ величиной въ рубль, пять въ полтинникъ, а остальные въ двугривенный, овальной формы, время царей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича.

Въ 1885 году, на крестьянскомъ огородѣ деревни Бородавки, Смоленской волости, Лепельскаго уѣзда, при вспашкѣ земли найдено 1680 старинныхъ малаго размѣра серебряныхъ монетъ и 60 большаго.

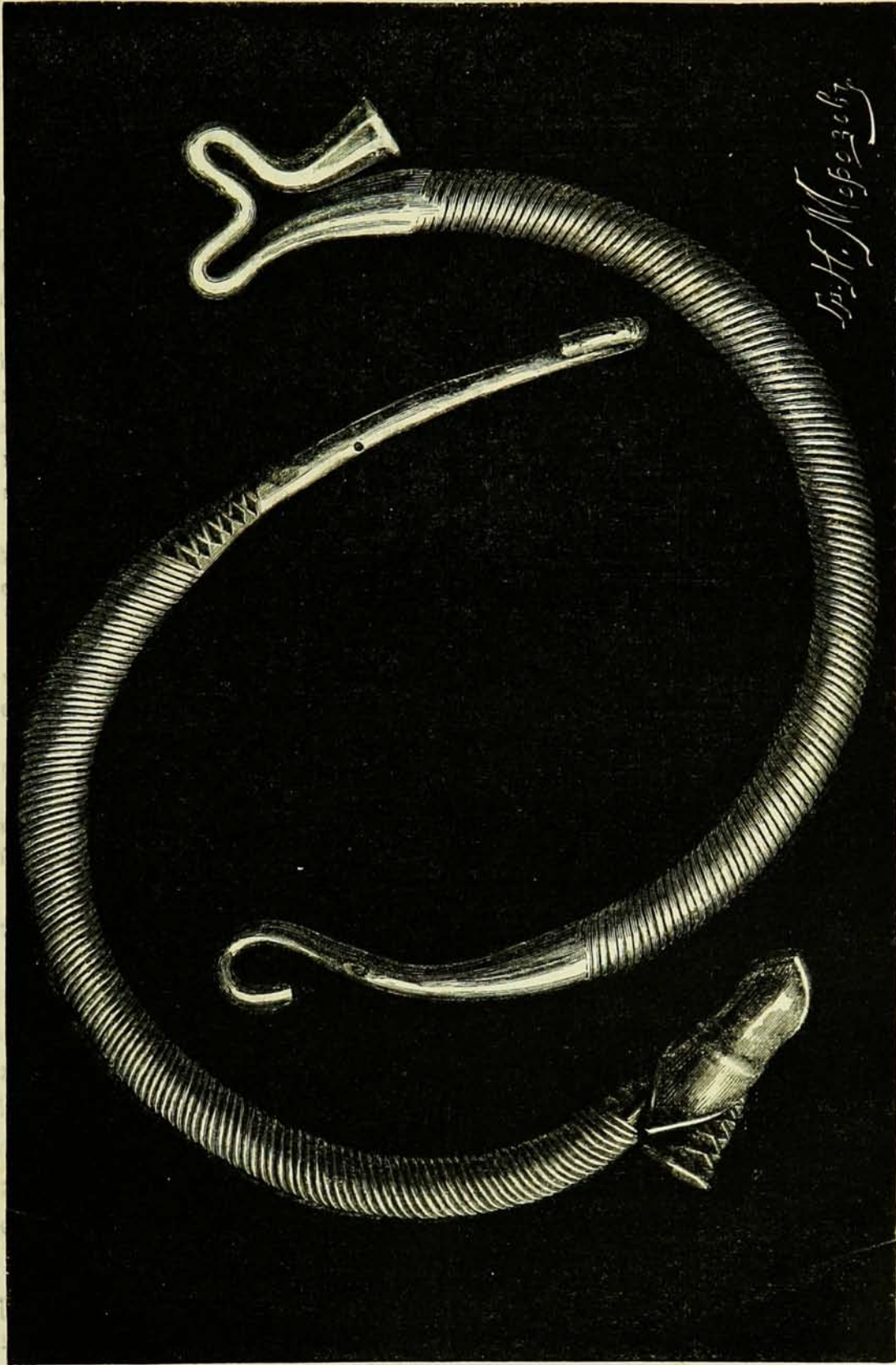
Въ томъ же году, крестьянскими дѣтьми, близъ деревни Тишилки, Замошанской волости, Полоцкаго уѣзда найдено 148 старинныхъ серебряныхъ монетъ; а въ огородѣ деревни Бикольницъ, Черствятской волости, Полоцкаго уѣзда, около 1000 такихъ же монетъ; наконецъ, въ прошломъ 1886 году, на крестьянскомъ огородѣ деревни Батукаловой, Каменецкой волости, Лепельскаго уѣзда, близъ дома, на глубинѣ шести вершковъ найденъ глиняный горшокъ съ 10 малыми и 10 большими серебряными монетами 1617 года.

Оканчивая эту главу мы должны упомянуть о весьма замѣчательной и совершенно случайной находкѣ старинныхъ монетъ и древнихъ серебряныхъ украшеній, вырытыхъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, въ предѣлахъ Могилевской губерніи, Оршанскаго уѣзда, въ имѣніи Суходревѣ, принадлежавшемъ въ то время д. с. с. Матюнину, верстахъ въ 20 отъ г. Витебска, на полѣ, недалеко отъ рѣчки Суходревки.

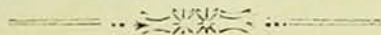
Находка эта заключалась изъ значительнаго количества древнихъ се-

ребряныхъ восточныхъ монетъ, нѣ- на объ этой находкѣ и лишь при
сколькихъ, разныхъ формъ серебря- большомъ усилии успѣли приобрести,
ныхъ шейныхъ обручей и перстней уже изъ третьихъ рукъ, два шей-

Рис. 47.

съ камнями и рѣзбой. Къ крайне- ныхъ обруча, рисунокъ коихъ въ по-
му сожалѣнію мы очень поздно уз- ловину натуральной величины здѣсь
нали отъ помѣщика Г. П. Матюни- прилагается (рис. 47).

ГЛАВА IV.

ПАМЯТНИКИ КАМЕННОГО ВѢКА.

Древность земнаго шара и человѣка. — Слѣды повсемѣстнаго присутствія человѣка отъ начала міра до нашихъ временъ. — Человѣкъ каменнаго вѣка. — Разновременность состоянія въ каменномъ періодѣ для разныхъ племенъ. — Существованіе, даже въ наше время, племенъ каменнаго періода. — Меланезійцы. Важность для археологіи изученія каменныхъ орудій. — Находка каменныхъ орудій въ Витебской губерніи, — Взглядъ народа на эти орудія, названіе и подраздѣленіе ихъ по степени обработки. — Занесеніе первыхъ каменныхъ орудій въ Витебскую губернію изъ Остзейскаго края. — Удобство Бѣлоруссіи вообще, и нѣкоторыхъ мѣстностей лепельскаго, полоцкаго и себежскаго уѣздовъ въ особенности, для поселенія первобытнаго человѣка. — Перуновы стрѣлки; происхожденіе этого названія; народныя вѣрованія. — Подлинность орудій каменнаго вѣка, описанныхъ въ сей главѣ. — Поддѣлка этихъ памятниковъ древности за границей и въ Россіи. — Каменные орудія первой и второй эпохъ. — Матеріаль употребившійся для этихъ орудій. — Рубила, долота или долбики. — Молоты и топоры. — Описаніе коллекціи каменныхъ орудій, принадлежащихъ автору, съ опредѣленіемъ употребленнаго на изготовленіе ихъ минерала.

*Камень для первобытнаго человѣка представлялъ величіе и силу...
Камень явился первымъ и сильнымъ пособіемъ въ его бурной стихійной жизни.*

Киркоръ.

Первый человѣкъ, который ударилъ камнемъ о камень, для преданія послѣднему лучшей формы, — сдѣлалъ первый взмахъ рѣзца, создавшаго Минеру и весь статуи Парвенона.

Буше-де-Пертъ.

Прошло съ небольшимъ полъ вѣка съ тѣхъ поръ, какъ при помощи геологін, палеонтологін и археологін доказано, что человѣкъ имѣетъ болѣе древнее происхожденіе, чѣмъ опредѣляли исторія и преданіе. По вычисленію, произведенному нѣскольکو лѣтъ тому назадъ однимъ ученымъ доказано, что число жившихъ до того времени на землѣ людей простирается до 46.627,843,275,075,845 человѣкъ *). Сравнивая это число съ

величиной земной поверхности, оказывается, что среднимъ числомъ на каждой квадратной милѣ, жило по 134.622,976 человѣкъ или по 5 человѣкъ на квадрантомъ футѣ. Слѣдовательно каждая могила содержала въ себѣ 128 покойниковъ, а допуская равномѣрное распредѣленіе населенія, окажется, что для погребенія мертвыхъ землю должны были бы повсемѣстно перекопать 128 разъ. Но это, конечно, на самомъ дѣлѣ не совсѣмъ такъ. Земля населялась постепенно, начиная отъ первой колы-

*) „Нива“ 1885 г. № 2.

бели рода человѣческаго въ средней Азии къ полюсамъ. Постепенность разселенія рода человѣческаго выражалась десятками и сотнями вѣковъ, но и при этомъ однѣ мѣстности заселялись гуще и раньше, другія рѣже и позже, что, конечно, зависело отъ многихъ причинъ, а главное отъ удобствъ, такія представляла мѣстность въ климатическомъ и почвенномъ отношеніи. Конечно, какъ первобытный, такъ и культурный человѣкъ должны были оставить на землѣ, или въ нѣдрахъ ея, слѣды своего существованія, признаки своего развитія, своего культа, въ той послѣдовательности, въ какой одинъ народъ или одно племя замѣняло другое. По этому верхнія наслоенія земли представляютъ намъ, какъ бы листы лѣтописи человѣчества, писанныя десятки и сотни вѣковъ не единичными бытописателями, а цѣлыми поколѣніями народовъ и при томъ всевозможными орудіями, начиная отъ осколка камня до рѣзца и меча. То, что не попало въ лѣтописи, что ускользнуло изъ памяти народа, что мгновенно исчезло подъ вліяніемъ всеокрушающихъ силъ природы: землетрясеній и потоповъ, все это осталось въ нѣдрахъ земли, на днѣ рѣкъ, озеръ и морей, въ тундрахъ болотъ, вѣчныхъ снѣгахъ и льдахъ сѣвера, все это составляетъ слово въ наукѣ развитія человѣчества. Въ иной мѣстности слова эти встрѣчаются чаще, въ другой рѣже; здѣсь онѣ говорятъ намъ о первобытномъ человѣкѣ, ведущемъ жизнь подобно окружающимъ его звѣрямъ; тамъ онѣ представляютъ намъ людей, научившихся пользоваться простѣйшими дарами приро-

ды, создавъ себѣ кой-какія орудія сперва изъ кости, дерева и камня, а потомъ изъ металла. На послѣднихъ же страницахъ земной лѣтописи, мы видимъ человѣка—властиителя природы, подчинившаго себѣ ея силы и дерзающего проникнуть за предѣлы земнаго шара, въ слои небесныя. Итакъ, въ какую бы отдаленную эпоху не существовалъ первобытный человѣкъ, онъ неизбѣжно долженъ былъ оставить слѣды своего бытія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жилъ, на той почвѣ, которую попиралъ ногами. Будучи обдѣленъ природой естественными орудіями для самозащиты и добыванія пищи, имѣя нѣжное голое тѣло, требующее и въ стужу и въ зной искусственнаго прикрытія, первобытный человѣкъ, прежде чѣмъ научился добывать изъ земли металлы и обращать ихъ въ орудія, прежде чѣмъ ознакомился съ прядильными растеніями, долженъ былъ пользоваться мясомъ и костями дикихъ животныхъ, мясомъ птицъ и рыбъ, долженъ былъ искать убѣжища въ дуплахъ деревъ и естественныхъ пищерахъ, долженъ былъ жить не въ одиночку, а семьями, но и для такой простой, почти звѣрской жизни, требовались какіе либо орудія, хотя бы то сучекъ крѣпкаго дерева, кость животнаго или рыбы, раковина, рогъ оленя, зубъ мамонта, а прежде всего отломокъ крѣпкаго камня, которымъ можно было бы дробить кости животныхъ для добыванія изъ нихъ мозга, рѣзать мясо и т. п. Вотъ эти то послѣдняго рода каменные орудія, какъ лучшіе и въ большемъ числѣ сохранившіеся, послужатъ намъ указаніями мѣ-

ста жительства первобытнаго чело-
вѣка, а потому собраніе и изученіе
ихъ, тщательное изслѣдованіе мѣст-
ностей, гдѣ онѣ попадаются весьма
важно для историка и археолога. И
хотя несомнѣнно что развитіе чело-
вѣчества было одинаково во всѣхъ
частяхъ свѣта, что повсюду чело-
вѣкъ прошелъ одни и тѣже фазисы
до достиженія теперешняго своего
состоянія, повсюду былъ для него
каменный вѣкъ *), бронзовая или
железная эпоха; но несомнѣнно и
то, что климатическія и почвенныя
условія мѣстопребыванія первобыт-
наго челоуѣка, сосѣдство его съ тѣ-
ми или другими породами млекопи-
тающихся животныхъ, нахожденіе
въ почвѣ того или другаго металла,
должны были вліять на ходъ и на-
правленіе развитія первобытнаго че-

*) Лучшимъ доказательствомъ этой мысли
служить то, что по свидѣтельству нашего со-
отечественника Миклухо-Маклая, еще до сихъ
поръ на многихъ меланезійскихъ островахъ
находятся племена, живущіе въ каменномъ
періодѣ и неимѣющія другаго оружія и ут-
вари, кромѣ сдѣланныхъ изъ кремня или
осколковъ костей. Проживъ, десять лѣтъ то-
му назадъ, между туземцами цѣлыхъ 15 мѣ-
сяцевъ, Миклухо-Маклай убѣдился, что до
пріѣзда его меланезійцы не видѣли никакого
металла и не имѣли никакихъ сношеній ни
съ европейцами, ни съ малайцами. Не смот-
ря, однакожь, на свои первобытные снаряды,
они готовятъ деревянную и глиняную
посуду и воздѣлываютъ землю, которая, бла-
годаря благоприятнымъ условіямъ климата и
почвы, въ изобиліи даетъ имъ растительную пи-
щу. Замѣчательно также что до прибытія Ми-
клухо-Маклая жители бухты не умѣли само-
стоятельно добывать огонь и въ тѣхъ случа-
яхъ, когда очагъ по недосмотру потухалъ,
они принуждены были отправляться за
огнемъ къ живущему на холмахъ племени,
которое добывало таковой, путемъ тренія од-
ного куска дерева о другой.

ловѣка и его потомства, а потому
повторяемъ: тщательное изученіе
каменныхъ орудій и изслѣдованія
мѣсть ихъ нахожденія должно обра-
щать на себя все вниманіе археоло-
га. Вотъ почему мы, ознакомясь бо-
лѣе съ этимъ предметомъ, посвѣща-
емъ находкамъ орудій каменнаго
вѣка особую главу, тогда какъ въ
первомъ нашемъ изданіи памятни-
ковъ старины мы упомянули о нихъ
въ III главѣ, гдѣ говорили вообще
о разныхъ находкахъ внѣ кургановъ
и другихъ земляныхъ насыпей, а
частію и въ 1-й при описаніи кур-
гановъ.

Находки орудій каменнаго вѣка
встрѣчаются въ Витебской губер-
ніи не повсемѣстно а преимуще-
ственно въ мѣстностяхъ при-Двин-
скихъ, и въ особенности въ Полоц-
комъ и Лепельскомъ уѣздахъ, всег-
да въ одиночку и никогда массами,
хотя бы то въ нѣсколько штукъ.
Народъ давно знакомъ съ этими па-
мятниками старины, хотя считаетъ
ихъ не за издѣлія рукъ челоуѣче-
скихъ, а за естественные произве-
денія молніи упадающей на землю,
почему и называютъ ихъ „перуно-
выми стрѣлами“ *) приписывая имъ
способность исцѣлять зубную боль
и, предохранять домъ владѣльца
стрѣлы отъ удара молніи. Впрочемъ
такое происхожденіе орудій камен-
наго вѣка нашъ простолюдинъ при-
писываетъ собственно грубо обдѣ-

*) Собственно такъ называемыхъ „громо-
выхъ стрѣлъ“ (фульгурита), сколько мнѣ не
извѣстно, въ Витебской губерніи давно уже
находили, да они совершенно и непохожи на
орудія каменнаго вѣка; а почему народъ тѣ
и другіе окрестилъ именовъ громовыхъ или
перуновыхъ стрѣлъ, задача неразрѣшенная.

ланымъ долотомъ, долбилкамъ или рубиламъ, наконечникамъ стрѣлъ и тѣмъ длиннымъ круглымъ камнямъ, кои, по всей вѣроятности, употреблялись для сверленія и кои народъ называетъ п а л и ц а м и.

Что касается орудій, имѣющихъ отверстіе, или форму похожую на топоръ или сѣкиру — то народъ окрестилъ ихъ общимъ названіемъ „топоровъ“. Съ болѣе подробнымъ и спеціальнымъ дѣленіемъ орудій каменнаго вѣка, по предполагаемому археологами ихъ назначенію на ножи, пилы, кинжалы, рѣзцы, серпы и т. п. народъ вовсе не знакомъ и даже не предполагаетъ возможности такого назначенія находимыхъ имъ остатковъ каменныхъ орудій.

Попадающіеся въ предѣлахъ Витебской губерніи каменные орудія, судя по степени ихъ обдѣлки и формѣ, очевидно относятся къ двумъ эпохамъ каменнаго вѣка. Тѣ, которыя народъ называетъ собственно — перуновыми стрѣлками, какъ крайне грубыя, почти не сохранившіе слѣдовъ какой бы то ни было обдѣлки, кромѣ лишь притерки концовъ о другіе болѣе твердые камни, — безъ сомнѣнія есть первыя произведенія первобытнаго человѣка, въ самую раннюю эпоху его бытія; тѣ же, какъ напримѣръ молоты съ просверленными отверстіями, нерѣдко хорошо полированные, очевидно составляютъ памятники нѣсколько позднѣйшаго времени, когда человѣкъ осилилъ уже камень, научился различать его свойства и настолько усовершенствовалъ свои первыя орудія, что при помощи ихъ нашелъ возможность придавать своимъ новымъ издѣліямъ не только болѣе

практическую форму, но даже нѣкоторую красоту и изящность. Безъ сомнѣнія не мало прошло времени между двумя періодами: употребленія естественныхъ осколковъ камня и уже обдѣланнаго каменнаго орудія. Первобытному человѣку нужно было научиться, не только треніемъ одного камня о другой, сглаживать естественныя неровности, сверлить, но и подобрать форму, найти правильныя линіи для приданія орудію надлежащаго, цѣлесообразнаго, нерѣдко изящнаго вида. Полированіе каменныхъ орудій явилось само собою, но о немъ мало заботились, по крайней мѣрѣ въ началѣ.

Въ предѣлахъ Витебской губерніи мы встрѣчаемъ орудія обоихъ періодовъ и при томъ орудія послѣдняго періода — съ замѣчательной отдѣлкой. Судя впрочемъ по тому, что между орудіями съ лучшей отдѣлкой попадаютъ сработанные и изъ такихъ каменныхъ породъ, какихъ въ мѣстахъ находки первыхъ, т. е. орудій — нѣтъ даже въ видѣ валуновъ, что они болѣею частію попадаютъ въ недалекомъ разстояніи отъ Западной Двины *), Полоты и другихъ сплавныхъ рѣкъ, можно предполагать, что орудія эти занесены въ нашу губер-

*) Нахожденіе орудій каменнаго и бронзоваго вѣковъ въ недалекомъ разстояніи отъ Западной Двины, равно относится какъ къ Витебской губерніи, такъ и къ Курляндіи. Здѣсь въ 1848 г. въ имѣніяхъ графа Плятера — Гренцгоффъ и Энгельсбургъ, найдено: около 30 каменныхъ орудій и въ числѣ ихъ „пальцы“, служившіе для отдѣлки круглыхъ отверстій въ топорахъ и молотахъ. Всѣ эти орудія, по свидѣтельству графа Плятера, были сдѣланы изъ змѣвика, коего въ инфлянтахъ нигдѣ нѣтъ. „Живописная Россія“, томъ III, стр. 241.

нію изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ первобыт- ный человѣкъ сдѣлалъ первый шагъ, на пути своего развитія, и вооружаясь болѣе надежнымъ и болѣе практи- ческимъ молотомъ и топоромъ, при помощи рѣкъ, расширилъ районъ своего мѣстопребыванія и гоняясь за звѣриной добычей, проникнулъ въ тѣ мрачныя дебри, кои даже въ эпоху историческаго переселенія на- родовъ, покрывали площадь нынѣш- ней Бѣлоруссіи, и служа убѣжищемъ множеству огромныхъ травоядныхъ: лосей, зубровъ, козъ, а ранѣе того даже мамонтовъ *), кабановъ и дру- гихъ, гдѣ безконечная цѣпь озеръ хранила неисчерпаемыя запасы рыбъ, а дупла вѣковыхъ дубовъ и липъ были переполнены запасомъ меда ди- кихъ пчель, гдѣ, къ тому же зима была сравнительно теплая; словомъ гдѣ для первобытнаго человѣка, съ его животными инстинктами, съ его обтерпѣвшейся кожей было широкое раздолье. Даже въ настоящее время, когда въ теченіи тысячелѣтій, подъ усерднымъ дѣйствіемъ всеистребляю- щихъ орудій культурнаго человѣка, подъ вліяніемъ всевозможныхъ ат- мосферическихъ факторовъ, Бѣло- русскій край измѣнилъ видъ и свой- ства; когда невѣжество и спекуляціи окончательно истребили вѣковые лѣ- са, вслѣдствіе чего обмелѣли и обез- рыбили рѣки и озера, когда человѣкъ истребилъ цѣлыя породы лучшихъ животныхъ, закрѣпостилъ пчель, когда соха избородила почву и про- свѣщеніе покрыло край грунтовыми,

*) Остатки мамонтовъ, не разъ находили въ предѣлахъ Витебской губерніи. Въ Витеб- скомъ статистическомъ комитетѣ, хранятся нѣкоторыя части остова мамонта, открытыя въ Витебскомъ уѣздѣ, лѣтъ 15 назадъ. А. С.

каменными и желѣзными дорогами, и теперь повторяемъ, въ Витебской губерніи, на примѣръ въ Лепельскомъ, Полоцкомъ и Себежскомъ уѣздахъ есть такія очаровательныя мѣстности, пространствомъ въ нѣсколько десят- ковъ тысячъ десятинъ, перерѣзан- ныя хребтами горъ, покрытыя еще густыми лѣсами, со множествомъ чи- стыхъ, свѣтлыхъ озеръ и ручьевъ, гдѣ такъ и кажется, что здѣсь, имен- но здѣсь, долженъ былъ найти по- койный и удобный пріютъ первобыт- ный человѣкъ, и дѣйствительно въ этихъ то мѣстахъ, въ особенности въ двухъ первыхъ уѣздахъ, и близь озеръ послѣдняго находятъ наича- ще орудія каменнаго вѣка...

Выше мы замѣтили, что орудія первой эпохи каменнаго вѣка, т. е. простѣйшія по формѣ и обдѣлкѣ, народъ окрестилъ названіемъ Перу- новыхъ стрѣлокъ. Уже одно это наз- ваніе указываетъ на глубокую ихъ древность.

Перунъ у язычниковъ русскихъ и поляковъ считается главнѣйшимъ бо- жествомъ, подобно Свантовиту, у другихъ славянскихъ племенъ. Имя Перуна, обращеннаго классиками въ Юпитера извѣстно было и у древ- нихъ Адриатическихъ славянъ, что видно изъ того, что на аквилейскихъ подписяхъ начертаны слова: „Jovi Sancti Veroni tomanti“, а на другой: „bono Deo Veroni“. По словамъ Гваг- нина, Перуна изображали съ огнен- нымъ камнемъ въ рукѣ, а тож- дественнаго ему—Проне съ краснымъ (т. е. раскаленнымъ) желѣзомъ въ рукахъ *).

*) Костомаровъ. Славянская Мифологія. Кіевъ 1847 года.

Перунъ почитался богомъ грома и молніи, т. е. такихъ небесныхъ (воздушныхъ) явленій, кои своею неожиданностью, величіемъ и красотой, наиболѣе поражали младенческій умъ первобытнаго человѣка, неумѣвшаго себѣ представить ударъ молніи, безъ чего либо вещественнаго, осязаемаго, зримаго, напримѣръ безъ стрѣлы; а камень своей твердостію и неподатливостію безоруженной силѣ человѣка естественно внушалъ къ себѣ нѣкотораго рода уваженіе, то и понятно почему предки наши приписали происхожденіе, понынѣ находимыхъ орудій каменнаго вѣка молніи и назвали ихъ перуновыми стрѣлками.

Съ распространеніемъ христіанства древній человѣкъ не могъ вдругъ отрѣшиться отъ своихъ языческихъ вѣрованій и міровозрѣній и перенесъ ихъ на почву новаго вѣроученія, замѣнилъ Перуна—Иліей—Громоноснымъ громовержцемъ, приписавъ ему, съ дѣтскимъ простодушіемъ и унаследованною отъ предковъ крѣпкою вѣрою, производство грома и молніи. Опору такого вѣрованія, несмотря на его языческую подкладку, простолюдинъ видитъ и въ словахъ церковной пѣсни: „тѣмъ же молимъ Тя того молитвами щедре послѣ дожди водные земли съ небесе“ *).

До нынѣ въ разныхъ мѣстахъ Россіи существуетъ вѣрованіе, что громъ—это гулъ и трескъ огненной колесницы въ которой св. Ілія разѣзжаетъ по небу, низвергаетъ на землю стрѣлы и молнію для пораженія ими дьявола, старающагося

укрыться подъ разными видами. Громова стрѣла поразившая дьявола, глубоко уходитъ въ землю и остается тамъ три года, послѣ чего ее находятъ: это и есть каменныя орудія первобытнаго человѣка.)

Мы сейчасъ познакомимъ читателя съ разновременными собранными какъ нами, такъ г. Кусцинскимъ и другими лицами, въ предѣлахъ Витебской губерніи остатками каменнаго вѣка, приложивъ для наглядности точныя изображенія по фотографіямъ; но прежде мы замѣтимъ, что въ подлинности, т. е. въ дѣйствительной древности описываемыхъ нами орудій каменнаго вѣка нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія; всѣ они найдены или въ присутствіи владѣльцевъ ихъ, или добыты не путемъ покупки отъ лицъ, понимающихъ цѣнность подобныхъ находокъ, а отъ нашедшихъ ихъ крестьянъ въ семьяхъ которыхъ иныя орудія оставались много десятиковъ лѣтъ, переходя отъ отца къ сыну, отъ дѣда къ внуку, сначала какъ талисманъ, врачующій недуги и предохраняющій домъ отъ удара молніи, а потомъ прямо какъ память объ отцѣ или дѣдѣ.

На сколько крестьяне наши мало цѣнятъ, а тѣмъ болѣе понимаютъ значеніе орудій каменнаго вѣка, между прочимъ доказывается легкостію приобрѣтенія у нихъ таковыхъ и тѣмъ, что крестьяне часто привязываютъ ихъ къ рыболовнымъ сѣтямъ для удобнѣйшаго погруженія послѣднихъ въ воду. *) Одинъ живущій въ моемъ сосѣдствѣ крестьянинъ Ілья Мудрый найдя, лѣтъ тридцать

*) Канонъ послѣдованія во время бездождія. Пѣнь 8.

*) Объ этомъ обстоятельствѣ свидѣтельствуемъ графъ А. Плятеръ.

тому назадъ, на своемъ полѣ, въ Полоцкомъ уѣздѣ большой, фунтовъ въ пять вѣсомъ, каменный топоръ, имѣвшій круглое отверстіе для насадки на палку, — нѣсколько лѣтъ употреблялъ его вмѣсто чугунной гири при чисткѣ трубъ, пока наконецъ, кс. Жаро не обратилъ на это вниманія и не приобрѣлъ отъ Мудраго его интересную находку за сотую спирта.

Не то бываетъ за границей, въ особенности во Франціи. Тамъ по словамъ Луи Фигье „существуетъ извѣстный классъ работниковъ, которые находятъ удовольствіе (да одно ли удовольствіе? Вѣрно выгоду). въ обманѣ археологовъ и производятъ ложныя каменные орудія, которыми они очень выгодно торгуютъ (это такъ). Они утверждаютъ, безъ малѣйшей совѣсти, громадную древность своихъ произведеній и продаютъ ихъ или новичкамъ-любителямъ, или, что гораздо хуже, работникамъ, производящимъ раскопки въ мѣстностяхъ, содержащихъ въ себѣ кости, и которые спрятавъ эти поддѣльные предметы, въ подлежащій слой земли, впоследствии ихъ выкапываютъ, какъ подлинную древность и получаютъ премію отъ доверчивыхъ естествоиспытателей“.

Пока что, къ счастью русская археологія еще не натолкнулась на эту постыдную, и для науки крайне вредную спекуляцію — на человѣческую любознательность. Но нѣтъ сомнѣнія, что недалеко то время, когда поддѣльватели орудій каменнаго вѣка разведутся и у насъ; пусть только любители старины вздумаютъ платить за нихъ хорошую цѣну, пусть только научное значеніе

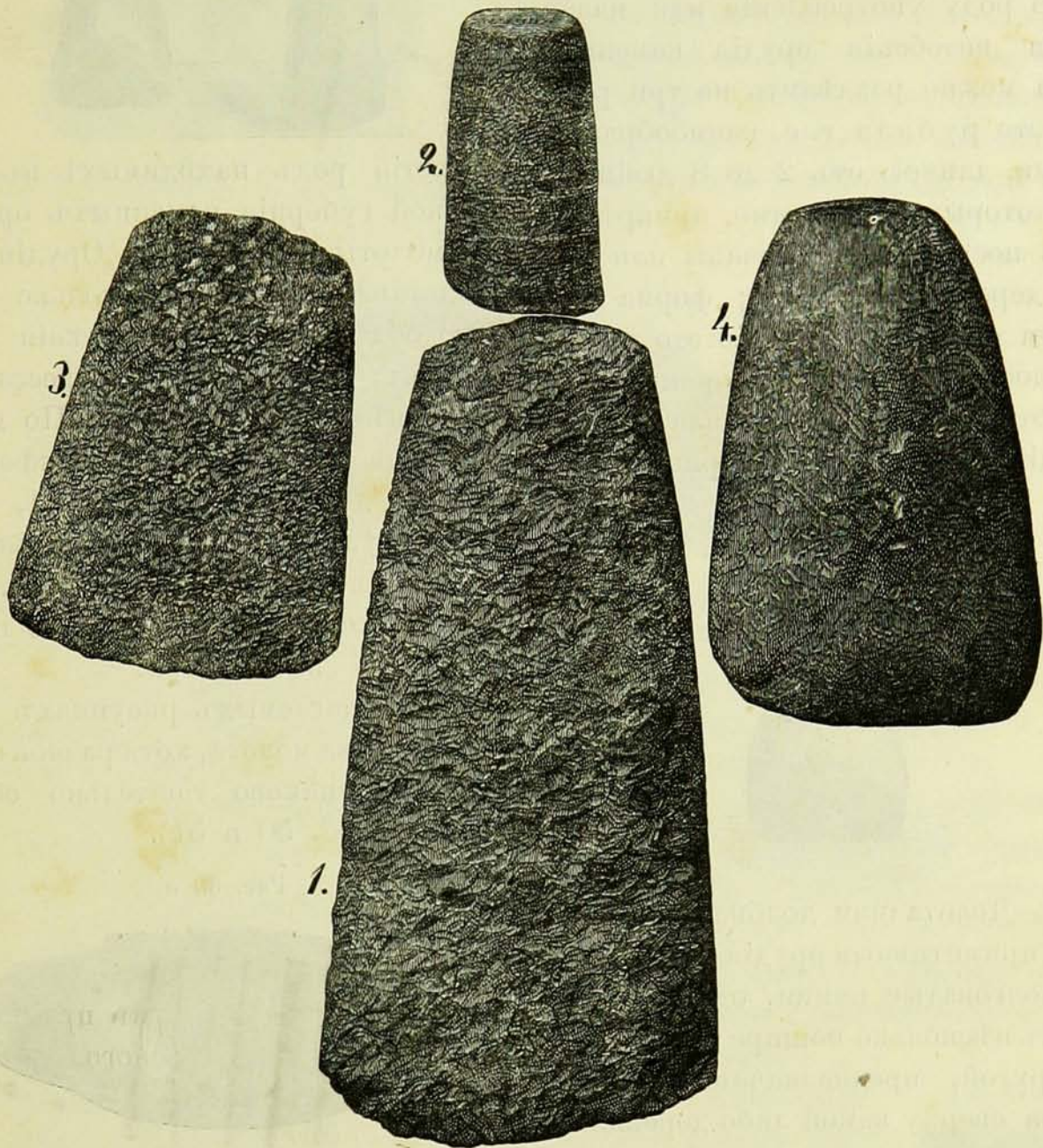
орудій каменнаго вѣка, а слѣдовательно и ихъ относительная цѣнность, пойметъ нашимъ простолюдиномъ, и въ особенности падкими на всевозможныя поддѣлки жидками. О! тогда поддѣлкамъ не будетъ конца. Нельзя однако же не замѣтить что если поддѣлка орудій каменнаго вѣка и вообще древностей, въ особенности монетъ, не сдѣлалась еще предметомъ промысла низшихъ слоевъ населенія нашего отечества; то интеллигентный классъ началъ уже прибѣгать, въ видахъ достиженія той или другой цѣли, къ этой постыдной фабрикаціи. Не напоминая читателямъ подробностей обнаруженной, лѣтъ сорокъ тому назадъ, въ Кіевѣ, поддѣлки однимъ ученымъ лицомъ монетъ съ „клиническими надписями; ни о существовавшемъ тамъ же кабинетѣ древностей завѣдомо на половину поддѣльныхъ или ложно названныхъ,—я могу сказать что въ моей коллекціи каменныхъ орудій, кои всѣ будутъ выставлены на имѣющей быть въ концѣ сего года, въ Москвѣ—археологической выставкѣ, хранится одинъ изящно отдѣланный каменный топоръ, доставленный мнѣ изъ Рѣжицкаго уѣзда. Происхожденіе этого орудія мнѣ хорошо извѣстно, оно есть продуктъ усердія не по разуму одного маленькаго административнаго чиновника, нынѣ покойнаго, къ исполненію предписанія начальства.

Прекрасная шлифовка, совершенно правильные остріе края и отверстіе, при отсутствіи дендритовъ, составляющихъ неизмѣнный признакъ древнихъ каменныхъ орудій, при первомъ взглядѣ на описанный топоръ—обнаруживаютъ его поддѣлку.

По этому нельзя не придать важнаго для науки значенія всякой попыткѣ къ добросовѣстному описанію и сохраненію, путемъ печати, вѣрныхъ свѣдѣній: о мѣстахъ находки и точныхъ изображеній несомнѣнно древнихъ орудій каменнаго вѣка (рис. 54).

лежація глубокой древности; другія съ большей или меньшей отшлифовкой (притеркой), но еще безъ отверстій, съ ребрами не ровными и часто безъ всякой обработки тупаго конца; наконецъ третій сортъ орудій, носящихъ на себѣ несомнѣнно

Рис. 54.

Между орудіями каменнаго вѣка, какія только случалось намъ видѣть у мѣстныхъ собирателей и любителей старины и между находящимися въ нашей коллекціи, мы замѣчаемъ три сорта: однѣ безъ малѣйшихъ признаковъ шлифовки, самой примитивной формы, безъ сомнѣнія принад-

слѣды не только тщательной обработки, но и употребленіе для того другихъ болѣе усовершенствованныхъ снарядовъ; углы этихъ орудій обработаны довольно отчетливо, отверстія почти круглы, поверхность гладкая, форма разнообразная и нерѣдко красивая. Что касается ма-

теріала изъ коего сдѣланы эти орудія, то онъ не весьма разнообразенъ; большею частію попадаются орудія сдѣланныя изъ порфирита, офанита, кристаллическаго сланца и другихъ породъ, очень будетъ подробно сказано при опредѣленіи минерала нѣкоторыхъ орудій изъ коллекцій автора.

По роду употребленія или назначенія витебскія орудія каменнаго вѣка можно раздѣлить на три рода. 1)—это рубила т. е. клинообразные камни, длиною отъ 2 до 8 дюймовъ, къ которымъ, вѣроятно, прикрѣплялись посредствомъ мочалы или ремня, деревянныя ручки; форма ихъ почти одинакова: орудіе это довольно плоско и съ острой стороны шире.

Вотъ изображеніе рубила изъ коллекціи г. Кусцинскаго (рис. 48).

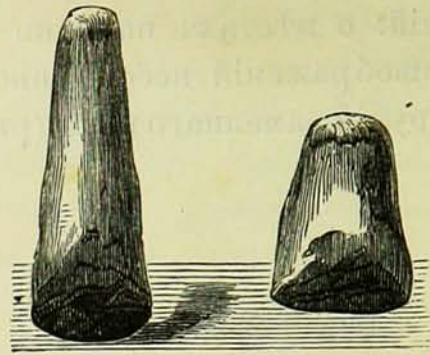
Рис. 48.

2)—Долота или долбѣлки. Это самыя примитивныя орудія—небольшіе продолговатые камни, одинъ конецъ коихъ нѣсколько пошире и заостренъ, а другой, предназначавшійся для удара сверху какой либо деревянной колотушкой, поуже, потолще и тупой. Такого рода орудія попадаютъ на поляхъ, по берегамъ озеръ и рѣчекъ. Въ 1885 два долота, изображеніе коихъ здѣсь прилагается, были найдены въ землѣ, на глубинѣ полутора аршина отъ поверхности, вмѣстѣ съ человѣческими костями,

при проведеніи полеваго канала въ имѣніи Завидичахъ Лепельскаго уѣзда, въ 6 верстахъ отъ города (рис. 49).

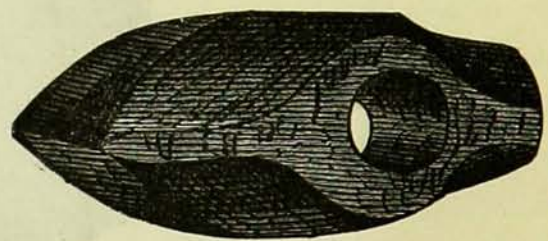
Рис. 49.

Третій родъ находимыхъ въ Витебской губерніи каменныхъ орудій это молоты или топоры. Орудія эти представляютъ уже нѣсколько высшую обдѣлку и безъ сомнѣнія есть продуктъ нѣкотораго прогресса въ челоуѣкѣ каменнаго вѣка. По мимо замѣчаемой на молотахъ шлифовки, иногда довольно тщательной, они имѣютъ уже сверленныя отверстія для вставленія ручки и приспособлены столько же къ рубкѣ, сколько и къ дробленію силой удара.

На прилагаемыхъ рисункахъ изображены два молота, хотя разной формы, но одинаково тщательно обдѣланные (рис. 50 и 51).

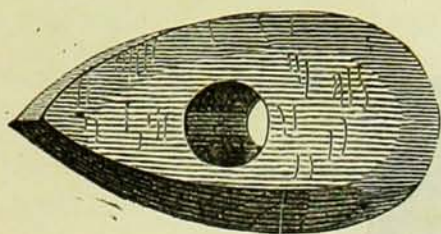
Рис. 50 а.

Молотъ *a* не только отдѣланъ весьма тщательно, и ему предана красивая форма, вообще всѣ линіи его правильны; а судя потому что та поверхность молота, въ которой просверлено отверстіе, гладко сполірована, можно догадываться, что самая ручка этого молота была не ка-

кой-либо сучекъ, а такъ обдѣланная палка, что молотъ надѣтый на тонкій конецъ ея, могъ упереться притертыми краями отверстія на утолщеніе рукоятки.

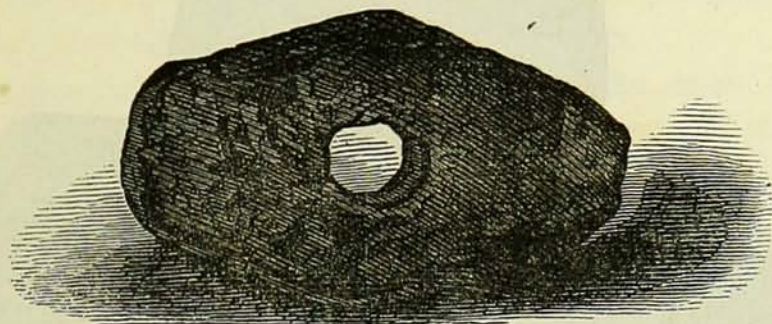
Рис. 51 б.

Молотъ б формы болѣе простой,

сколько похожъ на древніе алебарды или келены, но конечно еще болѣе на грубой первообразной формы—кузнечный молотъ; длина его 4,5, а ширина острого конца 1,5 тупаго 2, окружность въ средней части 8,5 фр. дюймовъ. Вѣсъ 1 фунтъ 5 золот. Круглое отверстіе для насадки молота на дерево просверлено весьма аккуратно и нижняя часть его окружена довольно тщательно высѣченнымъ ободкомъ. Мы прилагаемъ уменьшенное изображеніе этого орудія (рис. 52).

Рис. 52.

клинообразной, съ тонкимъ—острымъ и тупымъ круглымъ—концами, также тщательно обдѣланными. Обѣ боковыя широкія поверхности его гладко притерты, а ребра ихъ, т. е. верхняя и нижняя части, закруглены.

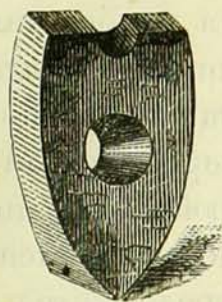
Не всѣ впрочемъ, находимые въ Витебской губерніи, каменные молоты представляютъ такую законченность формъ и тщательность обдѣлки. Въ 1864 году б. мировымъ посредникомъ г. Гернгросомъ доставленъ въ витебскій статистическій комитетъ, а имъ переданъ въ Императорскую археологическую комисію, каменный молотъ, найденный въ Полоцкомъ уѣздѣ близъ Рогнѣдина кургана, о которомъ мы говорили подробно въ 1-й главѣ этого сочиненія. Молотъ этотъ, по своей формѣ, скорѣе орудіе защиты, чѣмъ инструментъ для работы; онъ нѣ-

Подобный молотъ былъ найденъ крестьянами, въ 1873 году въ Вышковскомъ озерѣ, Динабургскаго уѣзда; цвѣтъ онъ имѣлъ черный и носилъ слѣды шлифовки.

Народъ думаетъ, что подобными молотами было вооружено древнее „воинство“. Это вѣрованіе подтверждается преданіемъ, что на Рогнѣдиной горѣ, въ одномъ сраженіи былъ убитъ каменнымъ молотомъ полоцкій князь Рогвольдъ.

Часто попадаются молоты или топоры изломанные на отверстіи. Въ такихъ орудіяхъ встрѣчается иногда другое отверстіе, просверленное ниже перваго, какъ это видно на прилагаемомъ рисункѣ (рис. 53).

Рис. 53.

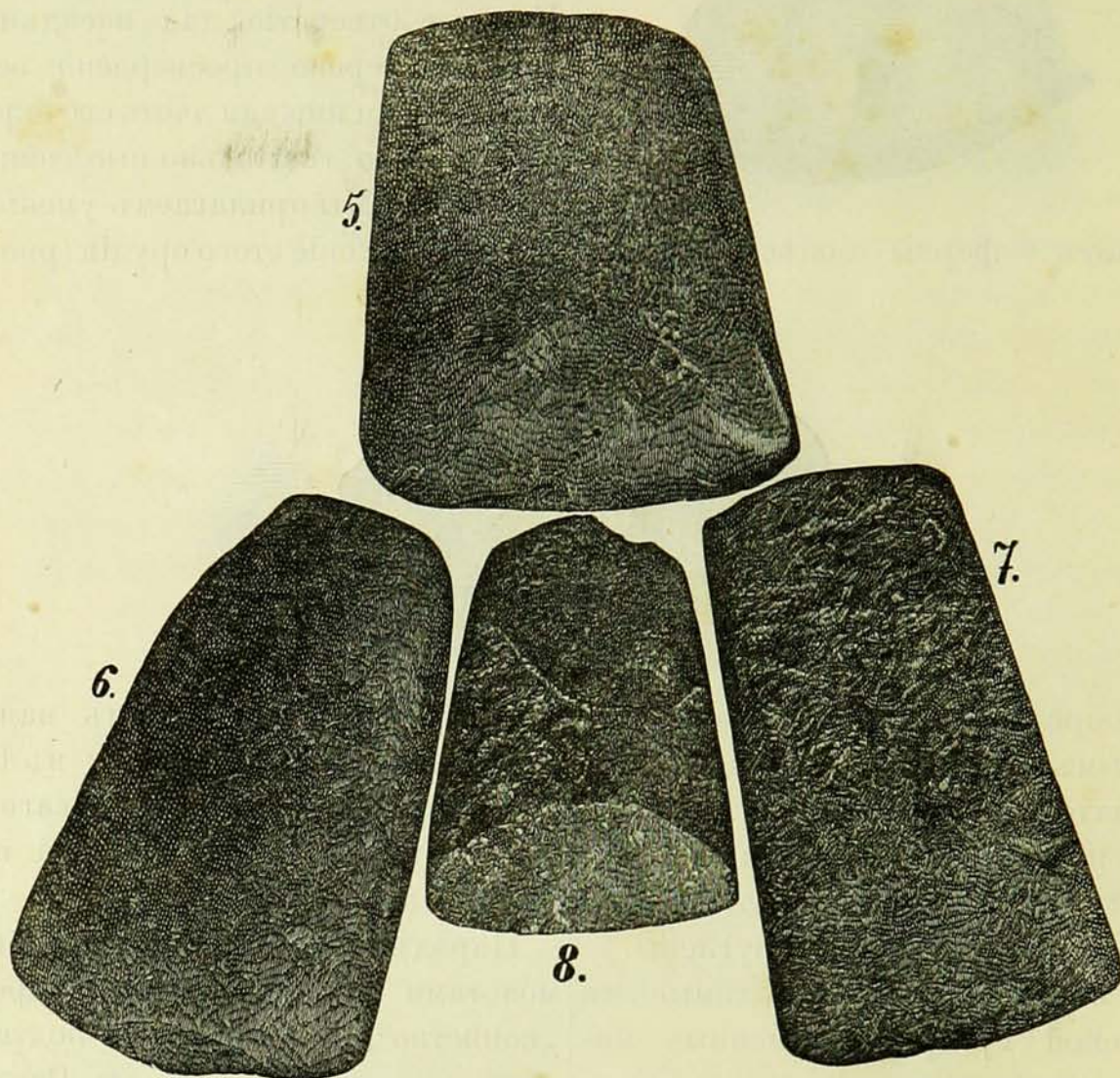

Въ нашемъ собраніи древностей

хранятся: два рубила, девять долотъ и обломокъ палицы для сверленія дыръ, и кромѣ того, поддѣльный молотъ изъ Рѣжицкаго уѣзда. Мы прилагаемъ здѣсь снятыя по фотографіямъ изображенія ихъ (рис. 55).

б) Второе рубило или топоръ съ отверстіями для рукоятки, длиною $5\frac{2}{8}$ англ. дюйм.; сдѣлано изъ порфирита, порода коего, какъ оказалось по микроскопическому изслѣдованію въ Горномъ Институтѣ, со-

Рус. 55.

а) рубило или топоръ безъ отверстія для вставки ручки, съ слабымъ признакомъ шлифовки и то лишь на одномъ ребрѣ; поверхность камня раковистая съ замѣтными черными кристаллами роговой обманки, наружный цвѣтъ его — точнѣе коры чернозеленый. Длина рубила $4\frac{2}{8}$ англ. дюйма, въ широкомъ концѣ его, сильно притупленномъ безъ сомнѣнія отъ продолжительнаго употребленія и отчасти надломанномъ $2\frac{1}{8}$, а въ узкомъ $1\frac{2}{8}$ англ. дюйма (рис. 54, 1).

стоитъ изъ плагіоклаза, роговой обманки, магнитнаго желѣзняка, изрѣдка сѣрнаго колчедана и хлорита. Мелкозернистая основная масса имѣетъ, такъ называемое, офитовое или діабазовое строеніе. Роговая обманка представляетъ вторичный продуктъ, происшедшій вѣроятно изъ авгита, такъ что первоначальная порода діабазовый порфиритъ. Орудіе это а также долото (рис. 56, 3) доставлены намъ священникомъ Ѳомой Антоновичемъ, по словамъ коего онѣ, около ста

лѣтъ, хранились въ домѣ одного изъ почившихъ его сослуживцевъ.

с) Долото, длиною въ 3 англ. дюйма, изъ совершенно измѣненнаго офанита. Изъ первоначальныхъ элементовъ породы сохранились только, мѣстами, частицы полеваго шпата, превращеннаго большею частію въ известковы эпидотъ. Кромѣ послѣдняго порода содержитъ еще (въ видѣ вторичныхъ продуктовъ): въ большомъ количествѣ хлоритъ и кварцъ и пересѣкается прожилками изъ кварца и эпидота (рис. 56. 2).

d) Долото длиною $2\frac{6}{8}$ англ. дюйма, изъ тонкозернистой породы, первоначальный характеръ которой нельзя опредѣлить. Она измѣнена химически и механически (динамометаморфизована). Порода нѣсколько сланцевата и состоитъ изъ роговой обманки, хлорита, кварца, плагиоклаза, магнетита. По всей вѣроятности она принадлежитъ къ такъ называемымъ кристаллическимъ сланцамъ (рис. 56. 3).

e) Долото, длиной $2\frac{4}{8}$ англ. дюйма, изъ сплошной на видѣ породы, состоящей изъ весьма мелкозернистаго кварца, роговой обманки и хлорита. Порода камня изъ коего сдѣлано это долото относится къ такъ называемымъ кристаллическимъ сланцамъ, хотя отчетливой сланцевитости въ немъ и не обнаруживается. (рис. 56. 4).

Столь тщательнымъ опредѣленіемъ породы камней изъ коихъ сдѣланы принадлежащія намъ орудія каменнаго вѣка, мы обязаны просвященному вниманію г-на Директора Геологическаго Комитета А. Карпинскаго.

Чтобы достигнуть при опредѣленіи породы камней, той точности и подробности какую читатель нахо-

дитъ въ нашемъ описаніи, пришлось отдѣлять части орудій, что видно изъ рисунка, подвергать ихъ шлифовкѣ и затѣмъ уже изслѣдовать микроскопически. — Такіе приемы оказались необходимыми потому, что орудія пролежавъ нѣсколько вѣковъ, а вѣрнѣе нѣсколько тысячелѣтій въ нѣдрахъ земли, или на днѣ рѣкъ и озеръ, до того измѣнили свою поверхность и покрылись какъ-бы корой, что при осмотрѣ ихъ невооруженнымъ глазомъ нельзя съ достовѣрностію опредѣлить ни истиннаго цвѣта, ни строенія, ни, тѣмъ менѣе, составныхъ частей камня.

Какъ эти, такъ и ниже описываемые орудія, при отсутствіи въ Витебской губерніи залежей горнокаменныхъ породъ, кромѣ лишь плотнаго известняка, могли быть сдѣланы изъ тѣхъ валуновъ, кои въ эпоху всемірныхъ переворотовъ занесены сюда водами далекаго сѣвера и кои нынѣ массами наполняютъ ложе рѣкъ, пестрятъ луга, поля и лѣса.

f) Долото изъ сѣраго съ бѣлыми крапинками камня, густо покрытое дендритами, съ легка притертымъ острымъ концомъ. Длина его $2\frac{3}{8}$, ширина въ узкомъ тупомъ концѣ 1, а въ остромъ $1\frac{6}{8}$ англ. дюйма (рис. 54. 3).

g) Такое же орудіе изъ черно-зеленаго плотнаго камня, съ замѣтными слѣдами притерки со всѣхъ сторонъ, острый конецъ нѣсколько поврежденъ и очевидно подправленъ. Длина $2\frac{6}{8}$, въ тупомъ концѣ $\frac{7}{8}$, а въ остромъ $1\frac{7}{8}$ англ. дюйм. (рис. 54. 4).

h) Того же вида орудіе изъ того же камня, какъ описанное подъ лит. d. Острый конецъ его сохранилъ слѣды употребленія орудія въ

работахъ. Размѣръ его: длина— $2\frac{2}{8}$, тупой конецъ $1\frac{4}{8}$, острый $2\frac{1}{8}$ англ. дюймовъ (рис. 55. 5).

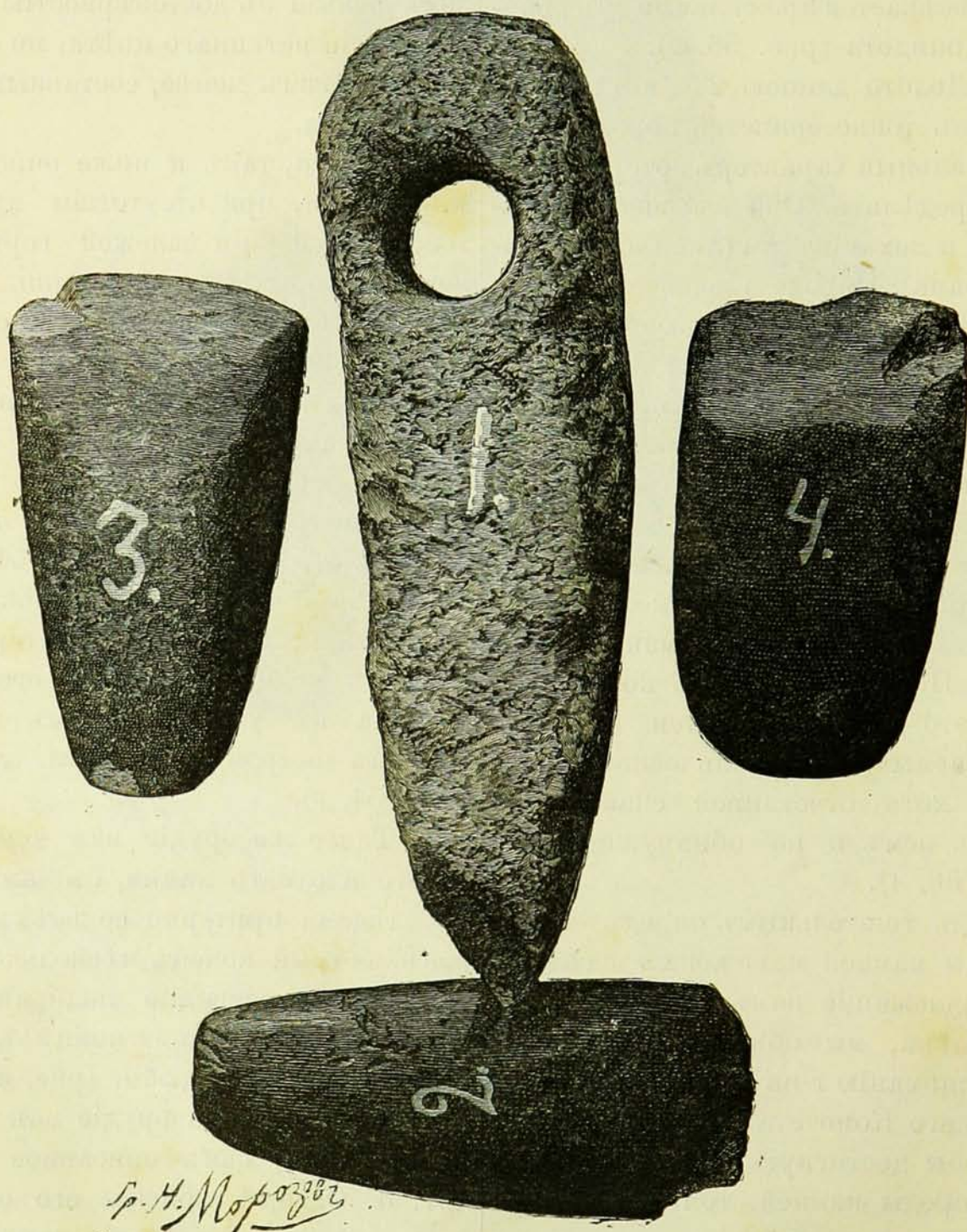
i) Такое же орудіе, какъ описанныя подъ лит. d и e. Длина его $2\frac{6}{7}$, ширина тупаго конца 1, острого $1\frac{7}{8}$ англ. дюймовъ (рис. 55. 6).

k) Такого же рода орудіе какъ три предыдущихъ, но съ болѣе тщательной отдѣлкой, все стороны его болѣе или менѣе притерты; сортъ

камня такой же какъ и на рубилѣ лит. a, длина $2\frac{7}{8}$, ширина тупаго конца $1\frac{2}{8}$, а острого $1\frac{6}{8}$ англ. дюйм. (рис. 55. 7).

l) Небольшое долото съ хорошо отполированнымъ острымъ концомъ. Камень такой же какъ и на орудіи лит. c. Тупой конецъ и широкія стороны оббиты. Длина орудія 2, ширина тупаго конца 1, острого $1\frac{4}{8}$ англ. дюймовъ (рис. 55. 8).

Рис. 56.

С. Н. Морозовъ.

т) Обломокъ круглago орудія изъ плотнога темножелтосѣраго повидимому однороднаго камня, носящій слѣдъ употребленія его для сглаживанія круглыхъ отверстій въ другихъ каменныхъ орудіяхъ: топорахъ и молотахъ (рис. 54. 2). Находки подобныхъ орудій, называемыхъ въ народѣ „палицами“. очень рѣдки (рис. 56).

Сочиненіе наше было уже окончено, когда 7-го іюня 1879 года мы

случайно приобрѣли еще одно каменное орудіе, именно долото, найденное въ прошломъ 1888 году на руднянскомъ полѣ, близъ рѣки Ушача, въ предѣлахъ Полоцкаго уѣзда. Орудіе это, сработанное изъ порфирита, сохранилось весьма хорошо; оно очень похоже на долото, изображенное на рис. 55. 4, только нѣсколько крупнѣе его.

ГЛАВА V.

КАМНИ СЪ ДРЕВНИМИ НАДПИСЯМИ.

Нахожденіе въ р. Западной Двинѣ камней съ крестами и надписями. — Сказаніе объ одномъ изъ камней Стрыйковскаго. — Мнѣнія гг. Тышкевича и Щитта о двинскихъ камняхъ. — Могилевскій камень Рогольда. — Описаніе двинскихъ камней. — Витебскій Юсафатовъ камень. — Странное мнѣніе о немъ г. Киркора. — Лепельскіе камни: Витольдовы тарелки и вилки. — Мнѣнія Киркора и наше объ этихъ камняхъ. — Усвятскій камень съ польскими литерами. — Первая задача учреждаемаго въ г. Полоцкѣ, общества любителей отечественной археологіи.

...И взя Самуилъ камень единый, и постави его между Массифавомъ и между ветхимъ: и нарече имя ему Авенезеръ, сиречь камень помощи: и рече: да здѣ поможетъ намъ Господь.

1 Царс. 7, 12.

Въ руслѣ р. Западной Двины, въ разныхъ мѣстахъ, на пространствѣ между Полоцкомъ и Дриссой, еще и понинѣ, при спадѣ воды, виднѣются громадныя гранитныя валуны, съ высѣченными на нихъ, разной формы, крестами и славянскими надписями. въ которыхъ упоминается о рабѣ Божіемъ Борисѣ. Древность этихъ надписей несомнѣнна. О существованіи въ Двинѣ съ незапамятныхъ временъ, камней съ надписями знаютъ не только плавающіе по этой рѣкѣ, но и все прибрежное населеніе; но кто, когда и по какому именно случаю, или для какой цѣли, сдѣлалъ на сихъ камняхъ надписи—ни преданіе, ни исторія отвѣта не даютъ.

Правда, что Стрыйковскій, основываясь на какой-то древней лѣтописи, увѣряетъ, что князь Борисъ, сооружая въ г. Полоцкѣ, въ 1217 году, храмъ Борису и Глѣбу, пове-

лѣлъ, въ память благополучной доставки къ монастырю, изъ Ливаніи, вверхъ по рѣкѣ Двинѣ, строеваго матеріала *). высѣчь на камнѣ, лежащемъ въ руслѣ Двинѣ, верстахъ въ семи за городомъ Дрисной, крестъ, съ надписью **).

„Вспомози Господи раба своего Бориса сына Генвилова“.

Но мы не видимъ достаточнаго основанія согласиться съ такимъ показаніемъ лѣтописца, какъ потому что въ дѣйствительности надпись на указанномъ камнѣ не заключаетъ въ себѣ словъ: сына Генвилова, такъ

*) О доставкѣ подобнымъ способомъ матеріала, необходимаго на сооруженіе полоцкихъ храмовъ, свидѣтельствуегъ Стебельскій. См. „Историческія свѣдѣнія о Бѣлоруссіи“, Безъ-Корниловича. С.-Петербургъ. 1865 г.

**) „Вѣстникъ Западной Россіи“ 1864—1865 г. ноябрь, томъ II.

равно и по самому смыслу той надписи, коей какъ увидимъ ниже, скорѣе испрашивается помощь на совершающійся еще трудъ Бориса, чѣмъ увѣковѣчивается память совершенія его.

Судя по разстоянію между камнями и ихъ направленію можно предположить, что они обозначали мѣста стоянокъ лямщиковъ, тянувшихъ вверхъ по Двинѣ, къ Полоцку матеріалы для церкви св. Бориса и Глѣба. Камней съ древними славянскими надписями, по свидѣтельству гг. Тышкевича и Щитта, семь. Можетъ быть это такъ и было, но намъ извѣстны только четыре.

Объ этихъ замѣчательныхъ памятникахъ, названныхъ камнями Бориса Всеволодовича и Василя Борисовича, въ 1-мъ томѣ „Древностей“, изданныхъ 1865 году московскимъ археологическимъ обществомъ, на основаніи показанія графа Тышкевича, напечатаннаго въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“ (№ 56-й 1864 г.), сказано: „Въ Дисненскомъ уѣздѣ Виленской губерніи, въ семи верстахъ отъ г. Дисны, по пути въ Дрину (т.-е.) въ Дриссу) въ рѣкѣ Двинѣ лежатъ камни съ надписями, на которые, въ свое время, покойный Кеппенъ старался обратить вниманіе цѣнителей отечественной старины. Еще нѣскольکو лѣтъ тому назадъ, П. И. Кеппенъ имѣлъ не совсѣмъ хорошій рисунокъ съ этихъ камней и изъяслялъ сожалѣніе, что доселѣ не сняли рисунка или фотографіи съ этихъ важныхъ памятниковъ. Кроме извѣстія Кеппена, мы не имѣемъ никакого подробнаго изслѣдованія о двинскихъ камняхъ, и сдѣлать подобное изслѣдованіе остается обя-

занностью виленской археологической комиссіи. Будемъ надѣяться, что она скоро займется этимъ важнымъ для нашей исторіи вопросомъ“. Къ сожалѣнію, эта надежда графа Тышкевича и доселѣ остается только надеждою; а между тѣмъ время беретъ свое, и съ каждымъ годомъ волны двинскія и грубое невѣжество прибрежнаго населенія все болѣе и болѣе разрываютъ эти краснорѣчивыя страницы исторіи Бѣлоруссіи и православной церкви ея.

„Одинъ камень, поставленный въ 1102 году минскимъ княземъ Борисомъ Всеволодовичемъ, находится въ Двинѣ, близъ Десны (т.-е. Дисны). Другой камень извѣстный подъ именемъ Рогвольдова, находится въ Могилевской губерніи, между мѣстечкомъ Коханово и городомъ Оршею, въ семи верстахъ отъ перваго и въ 19 отъ послѣдняго, въ полуверстѣ отъ московской почтовой дороги, и въ 10 отъ ст. Коханово Московско-Брестской ж. д., на лѣвой сторонѣ, на землѣ графини Воронцовой, недалеко отъ деревни Листинова. Онъ поставленъ въ 1171 году княземъ Рогвольдомъ (Василіемъ) Борисовичемъ“.

Камень этотъ есть валунъ красноватаго цвѣта, какихъ въ Бѣлоруссіи встрѣчается множество; на плоской сторонѣ его вырѣзанъ шестиконечный съ подставкой крестъ и подпись: „въ лѣто 6679 (1171) мая, въ 7 день dospѣянъ крестъ сей. (Доспѣянъ-оконченъ). Господи помози рабу своему Василю въ крещеніи именемъ Рогволоду сыну Борисову“.

Нѣтъ сомнѣнія, что камень этотъ хранить память одного изъ потомковъ Изяслава сына Владиміра свя-

таго, княжившихъ въ XII вѣкѣ въ Полоцкѣ, а никакъ не потомка литовскаго князя Мингайлы *).

Изъ этого описанія мѣстонахожденія камня Рогвольда читатель видитъ, что таковой находится внѣ предѣловъ Витебской губерніи, и не въ руслѣ р. Западной Двины; а потому этотъ памятникъ старины и не должно смѣшивать съ двинскими камнями, о которыхъ мы говоримъ, хотя быть можетъ событія, предшествовавшія или сопровождавшія поставку камня Рогвольда и сдѣланіе крестовъ и надписей на камняхъ Бориса, имѣли когда либо связь.

Далѣе въ „Древностяхъ“ говорится: „Третій камень лежитъ также въ Двинѣ (мы уже объяснили, что второй камень находится не въ Двинѣ), въ 5 верстахъ отъ Полоцка, на немъ написано имя князя Бориса. Сверхъ того говорятъ, что находится нѣсколько подобныхъ камней въ Двинѣ, съ такими же надписями. Вотъ памятники, о которыхъ прежде всего должны позаботиться ученые археологи Вильны“.

Изъ числа камней, намъ извѣстныхъ первый называемый народомъ Борисъ-Хлѣбникъ, лежитъ въ 5-ти верстахъ отъ города Полоцка, насупротивъ, съ одной стороны деревни Подкостельцы, а съ другой—ка-

*) Витебская Старина“. Томъ V. А Салупова. Витебскъ 1888 года. Матеріалы для исторіи Полоцкой епархіи. № 2. Извѣстія Литовскихъ лѣтописей. „Витебская Старина“. Томъ 1-й. № 170.

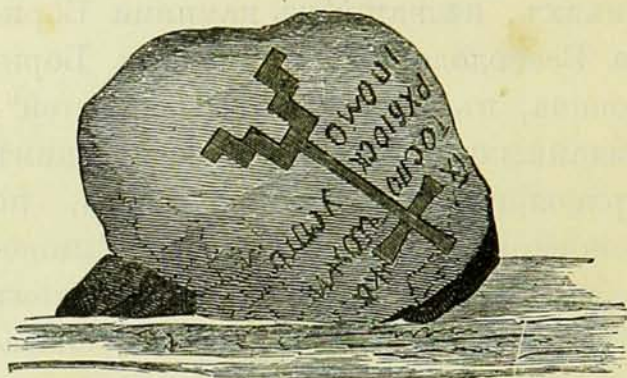
Камень этотъ, какъ лично сообщилъ мнѣ А. С. Дембовецкій (могилевскій губернаторъ) тщательно охраняется отъ всякаго рода поврежденій; близъ него устроена часовня.

А. С.

зенной Коптевской лѣсной дачи и имѣнія Рафиловки, у лѣваго берега рѣки Двины, на мѣстности называемой Прорытокъ. Камень цвѣта красноватаго, мѣрой до четырехъ аршинъ въ высоту и около одиннадцать аршинъ въ окружности. Длинные стороны его, изъ коихъ одна обращена къ берегу, а другая къ рѣкѣ, а равно задняя обращенная внизъ по теченію, почти отвѣсны и гладки. На сторонѣ обращенной къ рѣкѣ уцѣлѣли слѣдующія грубо высѣченныя по обѣ стороны креста, славянскими буквами, слова;

„Иисусъ Христосъ Господи рабу помо.....“

Рис. 57.

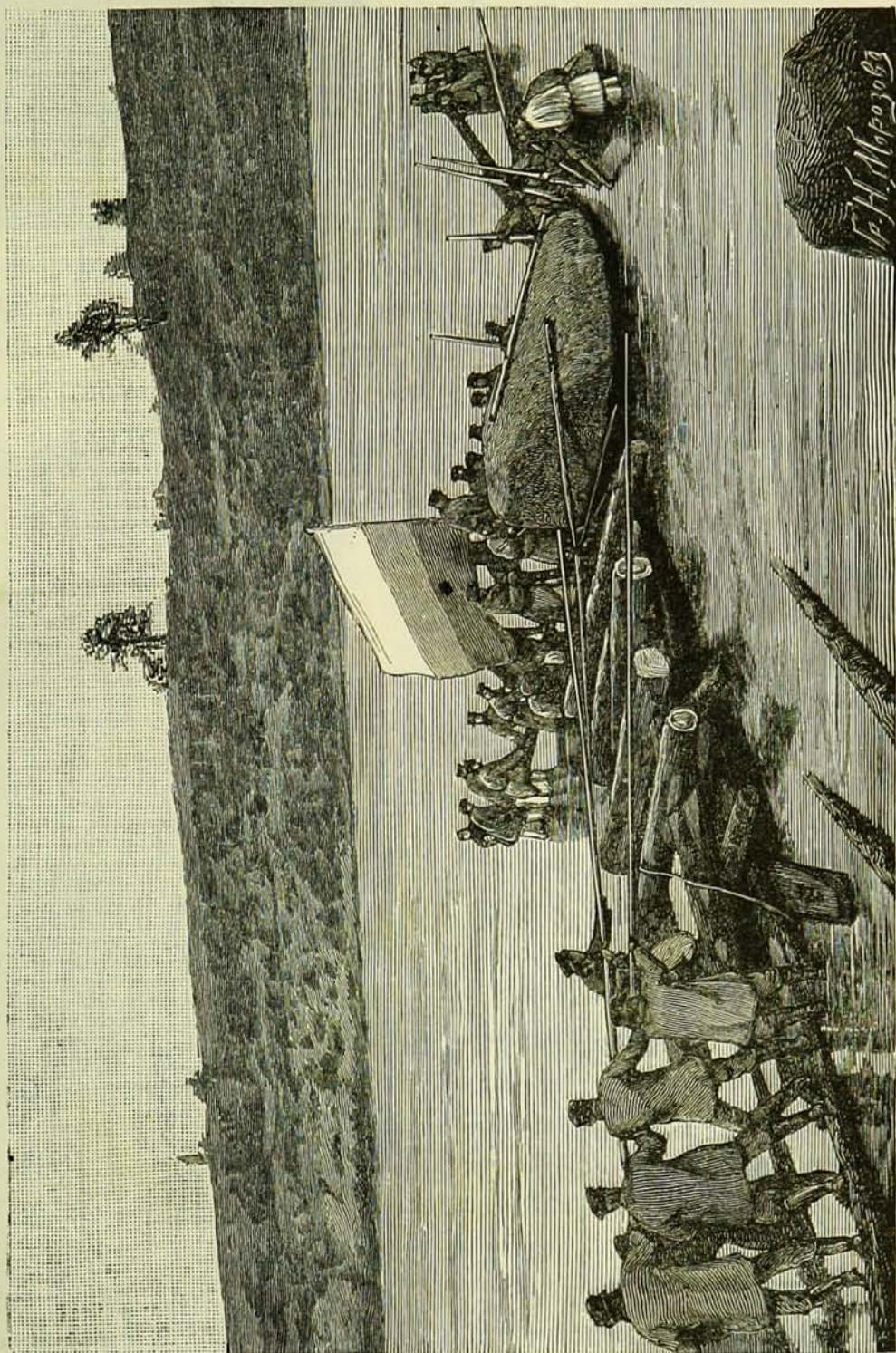

Крестъ на немъ изображенъ какъ видно изъ рисунка 57-го, четырехконечный съ расширеніемъ концовъ поперечной перекладины; подножіе съ тремя уступами; вершина креста обращенная къ гор. Полоцку наклонена къ водѣ; поэтому полагаютъ, что камень этотъ (гранитный валунъ, какихъ множество попадаетъ въ ложѣ Западной Двины, въ ея притокахъ и на берегахъ ихъ), сдвинуть съ первоначальнаго своего мѣста сплой волнъ или людей. А можетъ быть, что опрокинуть, при „вычищеніи“ согласно указу 23 октября 1776 года, „отъ Риги, вверхъ по Двинѣ рѣкѣ пороговъ и каменистыхъ мѣсть“.

Наименованіе этого камня — Борисомъ-Хлѣбникомъ, безъ сомнѣнія дано ему потому, что онъ бываетъ видимъ вполнѣ, по народному „выходить изъ воды“ — около

названіе этого камня Хлѣбникомъ, дано ему потому, что якобы, при сплавѣ по Двинѣ въ Ригу судовъ объ этотъ камень часто разбивались барки нагруженные хлѣбомъ, но это

Рис. 58.

Попытка вынуть камень Бориса-Хлѣбника изъ рѣки Западной Двины, въ 1889 году.

дня празднованія памяти св. князей Бориса и Глѣба, т. е. 24 іюля. Около этого же времени обыкновенно начинается и уборка хлѣба, что и отмѣчено народомъ въ поговоркѣ: „На Глѣба Бориса, до хлѣба берися“.

Намъ приходилось слышать: что

объясненіе не выдерживаетъ критики, во-первыхъ потому, что фарватеръ Западной Двины въ этомъ мѣстѣ находится у праваго берега рѣки, во-вторыхъ въ половодіе, камень такъ высоко покрывается водою, что барки безопасно могутъ

пройти чрезъ него; въ межень же онъ обнаруживается настолько, что виденъ издалека и кругомъ его образуется отмѣль.

Въ сентябрѣ 1889 г. возникла мысль вынуть камень изъ воды и поставить на берегъ. Полиція, въ лицѣ исправника, усердно принялась за дѣло; но видно усердіе было не по разуму — камень остался на мѣстѣ, въ ожиданіи пока хитрые нѣмцы не вытащатъ его изъ Двины, гдѣ онъ покойно стоялъ вѣка совершая свое историческое назначеніе (рис. 58).

На прилагаемомъ рисункѣ, сдѣланномъ по фотографіи, представленъ камень Борисъ-Хлѣбникъ, въ тотъ моментъ, когда усердная полоцкая полиція, при помощи сотни людей, послѣ молебствія, украсивъ камень флагомъ, тщетно пыталась вытащить его на крутой обрывистый берегъ рѣки Западной Двины. — Послѣ этого подвига народные легендарные рассказы, одинъ другаго нелѣпѣе о томъ: почему начальство хочетъ вытащить камень изъ воды и поставить его въ Полоцкѣ на площади, полились рѣкой... Мы ихъ не повторяемъ, но рано или поздно они найдутъ своего историка.

Второй сѣраго цвѣта гранитный валунъ длиною въ пять, а въ окружности четырнадцать аршинъ, находится въ пяти верстахъ ниже города Дисны, между деревней Наконниками съ правой и корчмой Основкой съ лѣвой стороны рѣки.

На рисункѣ прежняго времени, снятыхъ безъ помощи фотографіи, онъ представлялся въ такомъ видѣ: рис. 59.

На немъ, по сторонамъ креста, отъ котораго уцѣлѣла часть ниже поперечной перекладины и подставка, въ

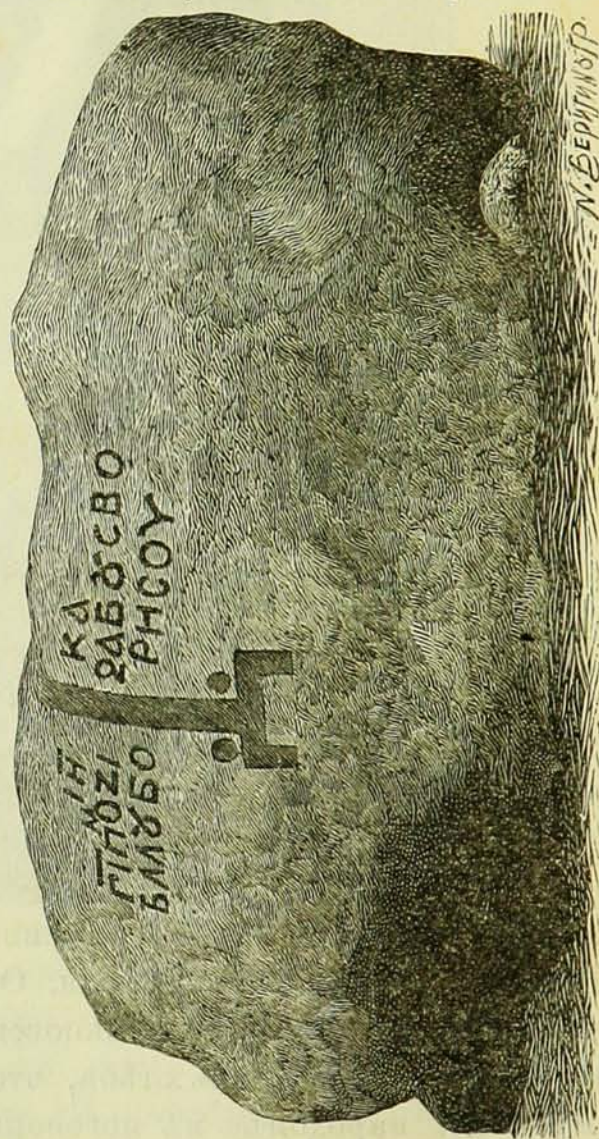
видѣ разширенной буквы п, высѣчено: Господи помози рабу своему Борису.

Рис. 59.

Такъ какъ камень этотъ лежитъ по срединѣ рѣки и, при спаденіи воды препятствуетъ сплаву; то въ 1718 г. его пытались взорвать, но опытъ оказался неудачнымъ: камень только растреснулъ, съ отдѣленіемъ нѣсколькихъ небольшихъ кусковъ отъ поверхности.

Рис. 60.

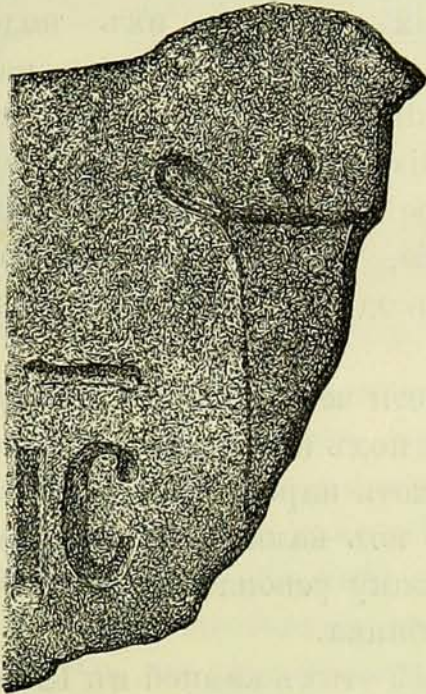

Послѣ этого камень представляетъ такой видъ (рис. 60).

Народъ видящій во всемъ чудо, не удачу взрыва камня выразилъ словами: „Борисъ не поддастся“. Пользуясь мелководіемъ 1858 г., М. Ф. Кущинскій отыскалъ отпавшіе отъ камня куски и одинъ изъ нихъ, на которомъ уцѣлѣли еще литеры: ІС и часть верхняго конца креста перевезъ къ себѣ.

Вотъ рисунокъ части этого отломка, сдѣланный, какъ и видъ всего камня, по фотографическому снимку М. Ф. Кущинскаго (рис. 61).

Рис. 61.

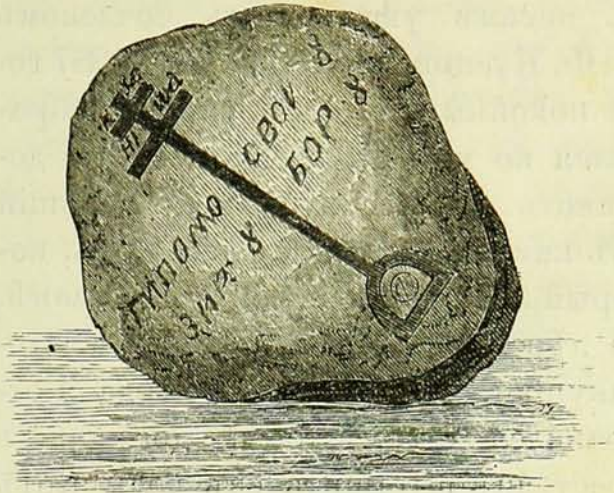
На третьемъ сѣромъ гранитномъ валунѣ, о которомъ, какъ выше замѣчено, упоминаетъ Стрыйковскій и который находится среди рѣки, въ семи верстахъ отъ г. Дисны, между имѣніями Болотниками и Повянушкою, по обѣ стороны длиннаго о двухъ сравнительно короткихъ и высоко помѣщенныхъ перекладинахъ, стоящаго на полушаріи въ наклоненномъ положеніи креста, высѣчено:

„Господи помози рабу своему Борису“

Камень этотъ размѣрами превосходитъ все другіе, онъ, при видимой

трехаршинной высотѣ, имѣетъ около двадцати четырехъ аршинъ въ окружности, (рис. 62).

Рис. 62.

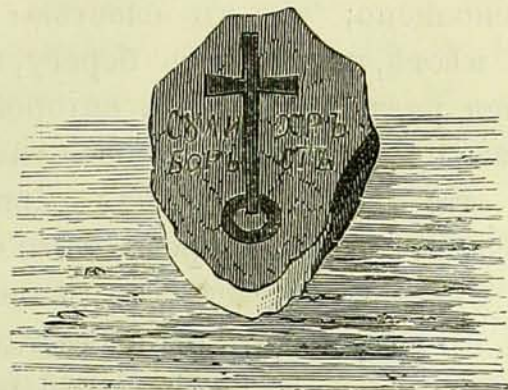

Наконецъ, послѣдній, т. е. четвертый камень, лежитъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ лѣваго берега рѣки Западной Двины, при впаденіи въ нее рѣчки Повянушки.

Камень этотъ цвѣта краснаго, породы той же, какъ и предъидущіе; величиной въ поперечникѣ два аршина.

Высѣченный на немъ вертикально крестъ формы четырехконечной съ нѣсколько расширенными концами перекладины, поставленъ на кругъ. Надпись какъ и въ предъидущемъ сдѣлана по обѣ стороны креста; но ее разобрать очень трудно. Впрочемъ можно догадываться, что ею призывается благословеніе Божіе на Борису (рис. 63).

Рис. 63.

Камень этотъ находится нынѣ въ

Москвѣ въ музеѣ Московскаго Археологическаго общества. Вотъ исторія его доставки не лишенная своеобразнаго интереса, сообщенная намъ въ письмѣ уважаемымъ сочленомъ М. Ф. Кусцинскимъ „Лѣтомъ 1887 года покойный графъ Уваровъ обратился ко мнѣ съ предложеніемъ доставить въ Москву самый меньшій изъ камней Бориса, именно тотъ, который лежитъ въ р. Западной Двинѣ, на лѣвомъ ея берегу, близъ им. Повянушки. Осенью того же года я отправился на мѣсто и договорилъ крестьянъ вытащить изъ воды этотъ камень и поднять на берегъ, съ тѣмъ чтобы зимнимъ путемъ доставить его до желѣзной дороги; между тѣмъ вскорѣ послѣ того, какъ камень поднятый изъ воды лежалъ уже на берегу, явилась къ этому мѣсту толпа крестьянъ для починки дороги, скоро пріѣхалъ какой то полицейскій чиновникъ осматривать починку дороги и, увидѣвъ камень, не знаю почему, приказалъ сбросить его въ Двину, хотя въ числѣ починявшихъ дорогу крестьянъ были нѣкоторые изъ тѣхъ, кои подымали камень изъ воды и объ этомъ заявили ревностному блюстителю порядка, тѣмъ не менѣе чиновникъ приказалъ тѣмъ же самымъ людямъ сбросить камень въ рѣку, что ими и было исполнено; но къ счастью въ этомъ мѣстѣ, на крутомъ берегу, находился родъ террасы на которой и задержался камень. Надобно замѣтить, что здѣсь Западная Двина глубока отъ самаго берега, такъ что если бы не терраса, то камень упавъ въ воду погибъ бы на всегда“. М. Ф. Кусцинскій сообщилъ о ревностномъ не по разуму поступкѣ по-

лицейскаго чиновника, едва не погубившаго одинъ изъ интереснѣйшихъ памятниковъ старины, графу Уварову, который съ своей стороны снесся съ Виленскимъ губернаторомъ, благодаря просвѣщенному содѣйствію коего, зимой, уже при живомъ осмысленномъ участіи полицейскихъ чиновниковъ того же Диссенскаго уѣзда, камень былъ доставленъ на ст. Борковичи Динабургско-Витебской желѣзной дороги и отъ туда отправленъ въ Москву.

Сравнивая крестныя изображенія сихъ камней, ихъ положеніе и въ особенности рѣзкое различіе подножій, нельзя не прійти къ заключенію, что изображенія эти имѣли, въ свое время, какое то условное значеніе, въ особенности если допустить одновременность ихъ начертанія.

Всѣ эти четыре камня извѣстны въ печати подъ названіемъ „камень Бориса“ хотя народъ собственно только одному изъ камней—ближайшему къ г. Полоцку усвоилъ названіе—Бориса-хлѣбника.

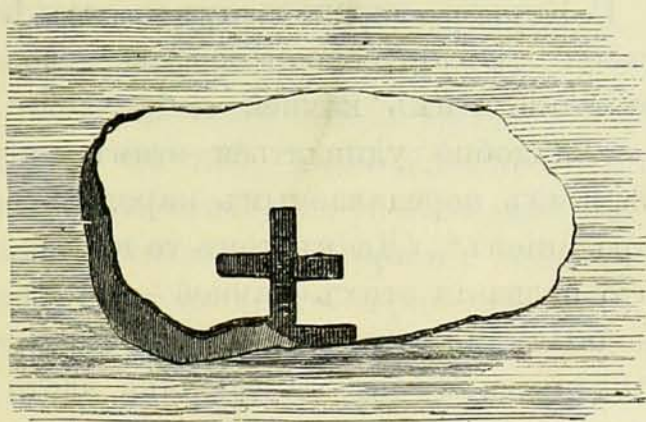
Кромѣ этихъ камней въ 1865 году, въ самомъ городѣ Витебскѣ, насупротивъ соборной Успенской церкви, шагахъ въ 25 отъ подошвы круто подымающагося берега Западной Двины, найденъ пятый камень, съ глубоко высѣченнымъ на немъ шестиконечнымъ крестомъ, размѣръ верхней перекладины коего, а также часть отъ вершины до большой перекладины имѣютъ по одному футу длины.

Наибольшая, видимая величина камня равна двумъ аршинамъ четыремъ вершкамъ, а наибольшая ширина одинъ аршинъ два вершка. Кусокъ камня на которомъ была вы-

сѣчена остальная часть креста, отломанъ, и мы никакъ не могли отыскать его между множествомъ гранитныхъ обломковъ, лежащихъ вокругъ описываемаго камня.

Витебскій крестовый камень въ весеннее и осеннее половодіе, постоянно покрытъ водою: мы видѣли его 15-го іюня 1866 года, при высотѣ уровня водъ 2 аршина 13 вершковъ, и нашли такимъ: (рис. 64).

Рис. 64.

Намъ называли камень этотъ Иосафатовымъ; но никакихъ преданій о времени изображенія на немъ креста, а тѣмъ болѣе о причинѣ такого изображенія, объяснить ни кто не могъ. Намъ постоянно твердили только одно, что камень этотъ лежитъ здѣсь съ незапамятныхъ временъ, что никто не помнитъ даже, когда и по какому случаю часть его обрушилась, и было ли это дѣломъ рукъ человѣка, или произошло само собой *). Объ этомъ камнѣ г. Киркоръ, повторивъ въ статьѣ своей: „Памятники первобытныхъ временъ Бѣлорусскаго полѣсья“ **) все выше

*) Осматривая въ іюнѣ 1889 г., берега совершенно обмѣлевшей, Двины, я не нашелъ камня Иосафата; вѣроятно честные жидки употребили его на мостовую или постройки.

А. С.

**) Живописная Россія т. III стр. 247.

сказанное нами, *) добавляетъ: „Кажется камень этотъ въ связи съ убійствомъ униатскаго архіепископа Иосафата Кунцевича, тѣмъ болѣе, что онъ найденъ въ рѣкѣ близъ Успенскаго собора, а извѣстно, что Кунцевичъ былъ убитъ въ своихъ палатахъ на Лысой горѣ, гдѣ нынѣ Успенскій соборъ. Послѣ убіенія тѣло Кунцевича положили въ мѣшокъ, къ ногамъ привязали камни и бросили въ Двину. Біографы его говорятъ, что чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти чудесное появленіе божественнаго свѣта указало мѣсто, гдѣ покоились его остатки. Изъ другихъ источниковъ извѣстно что тѣло Кунцевича найдено было на третій день послѣ убійства и на лодкѣ перевезено въ Витебскъ“. (Значитъ оно было за Витебскомъ). „Весьма вѣроятно, что на томъ мѣстѣ, гдѣ найдено тѣло, положенъ означенный камень и что съ нимъ въ связи вышеприведенное чудо появленія божественнаго свѣта“.

Не касаясь вѣрованія г. Киркора, какъ добраго католика, въ распущенныя, въ свое время, ксендзами сказки о появленіи божественнаго свѣта надъ трупомъ гонителя православія, получившаго достойную мзду за свои дѣянія, хотя повтореніе ихъ безъ критической оцѣнки въ ученомъ сочиненіи, да еще посвященномъ описанію Россіи и русскаго народа, по малой мѣрѣ неугодно, нельзя не указать слишкомъ явныхъ искаженій фактовъ допущенныхъ г. Киркоромъ. Это именно во первыхъ то, что по словамъ его

*) Памятники старины Витебской губерніи 1867 года.

выходить, какъ бы тѣло Кунцевича было потоплено въ Двинѣ супротивъ Успенскаго Собора—тогда какъ въ дѣйствительности оно брошено въ воду ниже предмѣстія города Песковатики, версты за двѣ отъ Собора, слѣдовательно камню этому не приходится означать мѣста отысканія тѣла Кунцевича и появленія надъ нимъ божественнаго свѣта, а во вторыхъ, что камень этотъ т. е. валунъ, какихъ находится въ Двинѣ тысячи, положенъ на своемъ мѣстѣ не рукой человѣка а напоромъ двинскихъ волнъ, съ незапамятныхъ временъ.

Къ небольшому числу памятниковъ этого разряда мы можемъ отнести еще два камня, находящіеся въ Лепельскомъ уѣздѣ, называемые: Витольдовы тарелки и вилки.

Первый изъ сихъ камней, формы довольно круглой, но съ плоской вершиной, имѣетъ въ окружности около трехъ аршинъ, а въ высоту три четверти аршина; на камнѣ этомъ высѣчено шесть круглыхъ углубленій, имѣющихъ нѣкоторое сходство съ тарелками или мисками. Народное преданіе говоритъ, что на этомъ камнѣ обѣдалъ князь Витольдъ, взявшій въ 1426 году замокъ Воронежъ приступомъ.

Мы впрочемъ того миѣнія, что камень этотъ скорѣе поддѣлка временъ владычества въ этомъ краѣ поляковъ, чѣмъ дѣйствительная древность. Камень—витольдовы тарелки до 1844 года лежалъ на берегу озера Воронежскаго; въ томъ же году, вмѣстѣ съ обрушившимся берегомъ, онъ упалъ въ воду; но нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ вынутъ помѣщи-

комъ Я. В. Лиссовскимъ и перевезенъ въ имѣніе Воронежъ.

Камень, называемый Витольдовы вилки, на которомъ, говорятъ, высѣченъ знакъ, похожій на вилки, лежитъ у берега рѣки Ушача и почти постоянно покрытъ водою. Къ сожалѣнію, объ этомъ камнѣ мы не могли собрать болѣе точныхъ свѣдѣній.

Вообще оба эти памятника не пользуются въ народѣ особенной извѣстностью, а тѣмъ болѣе уваженіемъ.

Г. Киркоръ перепечатавъ въ статьѣ своей „Бѣлорусское полѣсье“ мое описаніе этихъ камней добавляетъ: „не надобно удивляться этимъ названіямъ передаваемымъ народнымъ преданіемъ“. (Да въ томъ то и дѣло, что названія этихъ камней—не народные, а литературныя. Нашему бѣлорусскому народу—поляки часто навязываютъ такія дѣйствія о коихъ онъ и не думаетъ)... „Жизнь и великія дѣянія литовскаго господина и осподаря, какъ его называли, глубоко врѣзались въ народной памяти“, заключаетъ г. Киркоръ. И это неправда. Воспоминанія о Витовтѣ у нашего бѣлорусскаго народа очень смутны. Во многихъ мѣстахъ даже имени этого не знаютъ и не упоминай о немъ ксендзы и поляки оно давно бы кануло въ вѣчность, чего впрочемъ долго ждать не прійдется. Польская окраска Бѣлоруссіи уже почти слѣзла и только нѣсколько слабыхъ слѣдовъ ея остаются на страницахъ „Живописной Россіи“ въ статьяхъ г. Киркора; но историческая правда скоро смоетъ ихъ.

Въ заключеніе этой главы, приводимъ описаніе еще одного каменнаго памятника витебской старины, о которомъ въ 1876 году мы сообщали

Московскому археологическому обществу *).

Въ III станѣ Велижскаго уѣзда, Витебской губерніи, въ районѣ Будницкой волости, на землѣ имѣнія Усвятъ, близъ деревни Дрозды, въ лѣсу у моховаго болота, лѣтомъ 1876 года, найденъ камень съ древней на немъ надписью. Форма его, какъ видно изъ полицейскаго акта, яйцеобразная; длина камня девять, а ширина пять съ половиною четвертей; въ высоту же онъ имѣетъ около четырехъ четвертей.

Верхняя часть камня плоско сколота и на ней, какъ доноситъ Велижское полицейское управленіе, сдѣлана, польскими литерами, величиной около четырехъ вершковъ, слѣдующая надпись:

I: H: P: W:
M: R:
V: Z: P: W: CH: W:
W:

Въ актѣ становаго пристава литеры двоеточіями не отдѣлены, а въ третьей строкѣ средняя, т. е. четвертая съ обѣихъ сторонъ буква W вовсе опущена; такъ что послѣдніе двѣ строчки представляются въ такомъ видѣ:

BZP CHW
W

Надпись, какъ показали крестьяне, прежде была накрыта сколотой частію камня; но сколокъ этотъ давно уже сброшенъ искателями кладовъ и какъ камень, такъ и самая надпись обросли мхомъ.

Народное преданіе говоритъ, что

на мѣстѣ гдѣ лежитъ этотъ камень, болѣе двухъ-сотъ лѣтъ тому назадъ, обѣдалъ какой то польскій король, стоявшій здѣсь съ своимъ войскомъ, и что, будто-бы, въ память этого и выбита на камнѣ вышеприведенная надпись.

Если это такъ, то съ нѣкоторой достовѣрностію можно предположить: что описанный камень есть памятникъ одного изъ многихъ походовъ короля Стефана Баторія. По сказанію лѣтописцевъ, король этотъ воюя съ паремъ Іоанномъ Васильевичемъ, въ 1580 году и направляясь къ Великимъ Лукамъ, шелъ болотали и дремучими лѣсами, гдѣ подобно Витовту, дѣлалъ просѣки, устраивалъ мосты и гати и наконецъ, выйдя изъ лѣсовъ къ Усвяту, 16 августа взялъ Усвятскій замокъ, въ которомъ нашелъ обильные запасы. Быть можетъ въ этотъ именно походъ Баторія и начертана на описанномъ нами камнѣ, вышеприведенная надпись.

Прошло уже много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ ученые обратили свое вниманіе на камни Бориса; — но и доселѣ, какъ время начертанія на нихъ крестовъ и надписей, такъ и цѣль или поводъ этого дѣйствія — составляютъ открытые вопросы для археологовъ. Таже участь постигнетъ и впервые описанный нами усвятскій камень; тѣмъ не менѣе мы надѣемся, что учреждаемое нынѣ въ г. Полоцкѣ общество любителей отечественной археологіи, поставитъ себѣ первой задачей описать, фотографировать и обслѣдовать, съ возможной точностію описанные нами камни и тѣмъ ускорить разрѣшеніе представляемыхъ ими научныхъ вопросовъ.

*) Письмо въ Московское Археологическое Общество отъ 28 сентября 1876 г. за № 702.

ГЛАВА VI.

ДРЕВНИЕ ХРАМЫ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Причины исчезновения памятниковъ православія.—Числовыя данныя о богослужебныхъ зданіяхъ Полоцкой епархіи.—Древняя церковь Спаса.—Время, мѣсто и обстоятельства заложения преп. Евфросиніей дѣвичьяго монастыря и сооруженіе въ немъ церкви Спаса.—Описаніе этого храма.—Историческія судьбы храма и монастыря до возвращенія ихъ въ православное вѣдомство.—Древняя Борисоглѣбская церковь.—Впечатлѣніе производимое монастыремъ. — Церковь св. Параскевіи-Пятницы. — Время сооруженія Борисоглѣбской церкви. — Монастырскія укрѣпленія. — Осада его Кунцевичемъ. — Историческія судьбы монастыря. — Настоящее состояніе храма. — Развалины Пятницкой церкви. — Витебскій, единовѣрческій св. Благовѣщенскій храмъ, видъ и описаніе его. — Кѣмъ и когда сооруженъ сей храмъ. — Историческія судьбы его.—Древніе колокола.—Настоящее положеніе церкви.—св. Троицкій храмъ Витебскаго Маркова монастыря.—Видъ и описаніе его. — Время постройки. — О монастырѣ вообще.—Другіе монастырскіе храмы и зданія. Общій видъ обители

Многo историческихъ памятниковъ въ Бѣлоруссіи истреблено временемъ, еще болѣе невѣжествомъ и равнодушіемъ. Къ счастью сохранилось еще нѣсколько драгоцѣнныхъ памятниковъ, знаменующихъ историческій развѣтъ этой страны.

Киркоръ.

Казалось бы, что земля кривичей и полочанъ, составляющая нынѣ, такъ сказать, ядро Витебской губерніи, просвѣтясь почти десять вѣковъ тому назадъ христіанствомъ, должна была бы сохранить въ себѣ много древнихъ храмовъ съ ихъ утварью и убранствомъ но, къ сожалѣнію, на дѣлѣ выходитъ совершенно иначе.

Вслѣдствіе религіозной нетерпимости поляковъ, усердной заботливости пріютившихся въ Полоцкѣ, по милости русской Императрицы, іезуитовъ, наконецъ, вслѣдствіе двухъ сотъ сорока-лѣтняго господства въ Бѣлоруссіи уніи и почти поголовнаго ополяченіе мѣстнаго дворянства, даже принадлежавшаго къ лучшимъ русскимъ фамиліямъ, памятники

древняго православія исчезли, или потерпѣли въ наружности свой столько измѣненій, что потеряли свой первообразъ до неузнаваемости. Къ счастью сохранились еще три, четыре древнихъ храма, знаменующихъ исконное господство въ этомъ краѣ православія и русской народности.

Мы посвятимъ настоящую главу описанію ихъ; но прежде скажемъ нѣсколько словъ о числѣ православныхъ храмовъ Витебской губерніи.

Въ настоящее время, по словамъ памятной книжки Витебской губерніи, за текущій 1889 годъ, въ Полоцкой епархіи числится—466 церквей, 33 часовни, 4 мужскихъ и 3 женскихъ монастырей. Изъ этого числа, по замѣчанію того же изданія, только пятая часть православныхъ хра-

мовъ возникла ранѣе текущаго столѣтія. По свѣдѣніямъ же, собраннымъ нами, оффиціальнымъ путемъ, двадцать лѣтъ тому назадъ, и напечатаннымъ въ памятной книжкѣ виленайскаго генераль-губернаторства на 1852 годъ, въ то время въ Витебской губерніи числилось 564 православныхъ богослужебныхъ зданія, не включая въ этотъ счетъ восьми единовѣрческихъ, изъ нихъ три каменныхъ и 5 деревянныхъ, именно:

	К.	Д.	Ж.	Всего.
Соборовъ	9	—	—	9
Приходскихъ церквей . .	57	236	—	293
Приписныхъ	8	58	1	67
Кладбищенскихъ	10	62	—	72
Домовыхъ	6	2	—	8
Часовенъ	10	92	—	102
Въ 8 монастыр., церквей	14	9	—	23
Всего	114	459	1	574

Изъ 472-хъ православныхъ церквей только двѣ монастырскихъ: Спаская и Борисоглѣбская, сооружены ранѣе XVII вѣка; семь по времени сооруженія принадлежатъ XVII и семьдесятъ семь XVIII вѣкамъ. Всѣ остальные, включая въ ихъ число и тѣ, годъ сооруженія коихъ непоказанъ, несомнѣнно сооружены въ текущемъ столѣтіи.

Не причисляя къ построеннымъ ранѣе XVII вѣка церквамъ полоцкую Софійскую, какъ перестроенную іезуитами съ измѣненіемъ фасада и размѣровъ *), мы упомянемъ еще о свято-Благовѣщенской единовѣрческой церкви города Витебска.

Въ какомъ именно году сооружена преподобною Евфросиніею—княж-

*) Церковь эта имѣетъ нынѣ костельный видъ. Въ составъ ея вошла лишь малая часть стѣны древняго храма. А. С.

нею полоцкой *) въ основанной ею близъ города Полоцка, въ мѣстности называвшейся Сельцо, дѣвичей обители, нынѣ существующая каменная церковь Всемиловѣйшаго Спаса, ни преданія, ни лѣтописи отвѣта не даютъ; несомнѣнно одно, что храмъ сей заложенъ и построенъ въ началѣ второй половинѣ XII вѣка, именно: между 1150 и 1160 годами.

Въ томъ же мѣстѣ, гдѣ находится нынѣ каменная церковь Спаса была до сооруженія ея деревянная во имя Преображенія Господня; при ней то устроила св. Евфросинія дѣвичью обитель по особому о томъ указанію Божию.

О событіи этомъ лѣтописцы повѣствуютъ такъ; св. Евфросинія узрѣвъ въ сонномъ видѣніи ангела, который взялъ ее за руку, вывелъ за городъ, на мѣсто называемое Сельцо, гдѣ находился загородный домъ Софійскаго собора и при немъ церковь Преображенія Господня сказалъ: „попобаетъ ти здѣ пребыти, хочеть бо

*) По несомнѣннымъ историческимъ родословнымъ, княжна Предислава — Евфросинія приходится правнучкой св. Владиміру, именно: послѣ Изяслава, сына св. Владиміра отъ Рогнѣды, княжилъ въ Полоцкѣ сынъ его Брячиславъ, коему наслѣдовалъ Всеславъ Брячиславичъ, имѣвшій одну дочь (тетка преподобной) и семь сыновей, изъ коихъ княжили въ Полоцкѣ: Давидъ съ 1101 по 1119 годъ, Борисъ съ 1119 по 1127 г.; Рогвольдъ съ 1127 по 1129 г. Глѣбъ Всеславичъ господствовалъ въ Минскѣ. О княженіи же Романа, Ростислава и Святослава свѣдѣній нѣтъ. Изъ нихъ послѣдній былъ отцемъ преподобной Евфросиніи; христіанское имя его Георгій, и поименъ Григорій.

Преподобная Евфросинія имѣла двухъ братьевъ: Вячеслава и Давида и сестру Градиславу, въ монашествѣ Евдокія.

См. Ист. Рос. Госуд. Карамзина. Табл. VII.

Богъ тобою на семь мѣстѣ многихъ наставить на спасеніе“, сообщила о семъ епископу Іліи, которые въ то же время также видѣлъ во снѣ ангела Господня сказавшаго ему: „веди рабу Божию Евфросинію къ церкви Спасителевой, яже въ Сельцѣ и всели ее при той церкви, яко да будетъ тамъ монастырь освященныхъ Богу дѣвѣ, ихже хочетъ спасти сею рабою своею“.

Исполнивъ повелѣніе Господне, преподобная Евфросинія усердно занялась устройствомъ своей обители и скоро привлекла въ нее многихъ благочестивыхъ дѣвѣ лучшихъ родовъ, искавшихъ спасенія въ молитвѣ и трудахъ. Въ числѣ первыхъ приняла иночество родная сестра преподобной, княжна Градислава, скрывшая свое свѣтское величіе подъ скромнымъ монашескимъ име-

немъ Евдокии, а затѣмъ вскорѣ и двоюродная ее сестра, дочь князя Бориса — Звенислава, промѣнявшая шумныя мірскіе удовольствія на тихую монашескую жизнь и принесла съ собою въ даръ монастырю: „драгоценныя одежды, утварь и брачныя украшенія. — Звенислава была уже невѣстой, когда Господь призвалъ ее въ число своихъ избранныхъ подъ именемъ Евпраксіи.

Видя затѣмъ „день отъ дня умножающіеся сестры и распространяющуюся обитель“, преподобная Евфросинія вознамѣрилась соорудить, на мѣсто прежней деревянной церкви новую каменную, во имя Спасителя; что при особомъ покровительствѣ Божиемъ, совершилось въ теченіи одного года. Церковь эту, существующую понынѣ, освятилъ преемникъ епископа Іліи — Діонисій, (рис. 65).

Рис. 65.

Общій видъ полоцкаго дѣвичьяго Спасо-Евфросиньевскаго монастыря.

Монастырскій
паркъ.

Новая кам.
колокольня.

Древняя церковь
Спаса.

Теплая церковь
Пр. Евфросиніи.

Домъ церковнаго
причта.

На прилагаемомъ рисункѣ читатели усмотрятъ какъ точное, по послѣдней фотографіи, изображеніе древней, каменной церкви Всемилоствѣйшаго Спаса, занимающей средину монастырскаго двора, такъ новую теплую церковь во имя преподобной Евфросиніи и колокольню съ двумя подъ ней келіями.

Спасская церковь въ основаніи своемъ представляетъ удлинненный паралелограмъ, размѣры ея снаружи почти такія же какъ и Борисоглѣбской монастырскаго церкви, о чемъ скажемъ ниже.

Внутри же Спасская церковь, значительно менѣе Борисоглѣбской. Стѣны храма гладкія съ очень узкими сверху закругленными окнами, помѣщенными въ нишахъ. Надъ входной дверью довольно широкое окно позднѣйшей формы. Алтарная стѣна закруглена. Крыша двускатная; надъ фронтономъ и дверью кресты; посреди крыши возвышается куполь слабо освѣщающій средину церкви своими узкими окнами. Тяжелые своды, поддерживаются двумя массивными столбами, сильно стѣсняющими церковь. Значительная толщина столбовъ и расположеніе ихъ по сторонамъ средней части церкви, какъ бы дѣлитъ ее на двое, закрывая бока иконостаса. Нынѣ иконостасъ деревянный; но первоначально, какъ можно думать по нѣкоторымъ признакамъ, былъ каменный *). Широкіе далеко выдающіеся внутрь храма хоры также покоятся на двухъ массивныхъ столбахъ. По сторонамъ хора имѣются двѣ малые келіи, слабо освѣщаемыя малыми круглыми

окнами, пробитыми въ стѣнахъ, въ коихъ устроена и узенькая лѣстница, съ крутымъ подъемомъ, ведущая въ келію преподобной Евфросиніи. Въ келіи этой хранятся древнѣйшія святыни монастыря—кресты преподобныхъ Евфросиніи и Параскевіи, *) о коихъ скажемъ ниже. Алтарь церкви, по древнему обыкновенію дѣлится на три части изъ коихъ въ средней помѣщается престоль, въ правой—ризница, а въ лѣвой жертвенникъ. Храмъ Всемилоствѣйшаго Спаса, какъ и обитель преподобной Евфросиніи раздѣляли общую судьбу Бѣлоруссіи вообще и Полоцка въ особенности. Нашествіе на Русь татаръ побудило монахинь оставить монастырь и искать спасенія въ бѣгствѣ; многія изъ нихъ и по минованіи опасности не вернулись, а въ числѣ ихъ и преподобная Параскевія, отправившаяся, по словамъ польскихъ лѣтописцевъ въ Римъ на поклоненіе св. мощамъ апостоловъ Петра и Павла, гдѣ по кончинѣ ея, въ 1239 году, была причислена къ лику святыхъ.

Завоеваніе Полоцка царемъ Иоан-

*) Преподобная Параскевія происходила изъ литовскаго княжескаго дома Мингайлы Ердвилевича, господствовавшаго въ Новогрудкѣ и около 1190 года завоевавшаго Полоцкъ.—Завоевавъ Полоцкъ Мингайло посадилъ въ немъ на княженіе младшаго брата своего Генвила. Генвилъ въ св. крещеніи Георгій, женился на тверской княжнѣ Маріи Борисовнѣ и имѣлъ отъ нея сына Бориса, извѣстнаго особымъ усердіемъ къ созиданію храмовъ Божіихъ. Послѣ смерти Бориса (1226 г.) полоцкій престоль наследовалъ сынъ его Гогвольдъ—Василій, который, въ свою очередь, оставилъ это княжество сыну Глѣбу и дочери Параскевіи, бывшей настоятельницей Спасо-Евфросиньевскаго монастыря, до нашествія татаръ.

*) Мнѣнія этого былъ К. А. Говорскій.

номъ Васильевичемъ Грознымъ въ 1563 году имѣло тѣ же послѣдствія для монастыря какъ и набѣгъ татаръ. Напуганные рассказами о жестокостяхъ Грознаго несчастныя монахини бѣжали изъ своей мирной обители, въ коей поселился со своими приближенными боярами царь Иоаннъ.

Во все продолженіе владычества въ Полоцкѣ Грознаго т. е. до 1579 года и послѣ взятія города королемъ Стефаномъ Баторіемъ Спасо-Евфросиньевскій монастырь оставался въ пустѣ. Все что было въ немъ болѣе цѣннаго и чтимаго, частію унесено при бѣгствѣ монахинями, частію по распоряженію царя увезено въ Россію. Драгоценный же крестъ устроенный преподобной Евфросиніей былъ переданъ на храненіе въ Софійскій соборъ.

Баторій овладѣвъ Полоцкомъ учредивъ въ немъ іезуитскій коллегіумъ и отдалъ іезуитамъ, въ числѣ прочихъ православныхъ монастырей и опустѣлый Спасскій, *) гдѣ нѣкоторое время помѣщался самъ. Должно однако же замѣтить: что церковь Спаса перешла къ іезуитамъ будучи уже въ развалинахъ что ясно выражено въ грамотѣ короля Стефана Баторія, на основаніе въ Полоцкѣ іезуитской коллегіи и присвоеніе ей всѣхъ полоцкихъ православныхъ церквей и монастырей, съ ихъ отчинами и имуществомъ, за исключеніемъ только архіепископской кафедры отъ

*) Все это дѣлается, говоритъ Стефанъ Баторій въ грамотѣ своей отъ 12 января 1582 г. для того чтобы здѣшній народъ... и всѣ заблудшіе съ пути истины... сопрічислены были къ единому видимому намѣстнику Христа на землѣ.

Витебская Старина, томъ V. 1888 года.

20 января 1582 года. Въ грамотѣ этой при перечисленіи отдаваемыхъ іезуитамъ монастырей и храмовъ говорится: „женскій называемый игуменьевскимъ (hegumeniae) монастырь св. Спаса (Spasa) коего храмъ, близкій къ разрушенію (ruinosum), еще виднѣется надъ рѣкою Полотою“.

Іезуиты обратили церковь Спасса въ костель; устроили подъ нимъ обширный склепъ для погребенія членовъ своего ордена.

По удаленіи іезуитовъ изъ Полоцка въ 1821 г. церковь Спаса и монастырь, въ которомъ во время владычества іезуитовъ былъ выстроенъ каменный двухъ-этажный домъ (нынѣ настоятельскій) вмѣстѣ съ другими іезуитскими зданіями были, по Высочайшему повеленію переданы монахамъ Піарскаго ордена.

Черезъ десять съ небольшимъ лѣтъ именно въ 1832 году, по случаю занятія бывшихъ іезуитскихъ зданій подъ кадетскій корпусъ, Піаре были переведены въ другіе римско-католическіе монастыри, а Спасская церковь, со всѣми принадлежащими монастырю угодіями и имѣніями передана въ православное духовное вѣдомство.

Спустя почти сто лѣтъ послѣ взятія Полоцка Грознымъ, именно въ 1654 году, городомъ этимъ овладѣлъ царь Алексѣй Михайловичъ, который и прибылъ въ него 5-го іюля 1656 года, а 8 числа посѣтилъ бывший Спасскій монастырь, гдѣ на другой день было освященіе церкви Преображеніе Спасово. Черезъ десять дней царь выѣхалъ къ войску, стоявшему подъ Ригой, а 12 октября снова вернулся въ Полоцкъ, причемъ возвратилъ православному духовенству всѣ

имѣнія, отошедшія отъ нихъ къ іезуитамъ при королѣ Баторіи.

По возвращеніи, на основаніи Андрусовскаго договора въ 1677 году города Полоцка Польшѣ Спасо-Евфросиньевская обитель снова перешла во власть іезуитовъ.

Въ 1705 году, въ эпоху войны Августа II съ шведскимъ королемъ Карломъ XII, царь Петръ I какъ союзникъ Августа II, занялъ Полоцкъ и поселился, вмѣстѣ съ командовавшимъ войсками княземъ Меншиковымъ, въ келіяхъ Спасскаго монастыря, гдѣ еще хозяйничали іезуиты.

Двѣнадцатый годъ не прошелъ безслѣдно для несчастной обители. Въ двукратное пребываніе у Полоцка французской арміи, первый разъ на побѣдоносномъ пути ея въ Москву 4, 5 и 6 августа, а второй при постыдномъ бѣгствѣ изъ Россіи 4 и 6 октября 1812 года, стѣны святой обители не разъ обогрѣлись кровію, пули и ядра пытались сокрушить ихъ многовѣковую мощь; но благое провидѣніе и на этотъ разъ спасло древній храмъ Спаса и состоящую при немъ обитель.

По удаленіи изъ Полоцка, какъ было сказано выше, въ 1821 году іезуитовъ, а въ 1832 году замѣнившихъ ихъ Піаровъ и по передачѣ Спасо-Евфросиньевскаго монастыря въ духовное вѣдомство православнаго исповѣданія, настала эпоха его возстановленія и возобновленія.

Седьмаго августа 1833 года, послѣ очистки и необходимыхъ исправленій, перенесенъ былъ въ церковь Спаса, изъ Полоцкаго Богоявленскаго монастыря небольшой, временный иконостасъ, и совершенно освященіе самаго храма. Все это было

сдѣлано на скоро, чтобы удовлетворить желаніе православнаго населенія, жаждавшаго скорѣйшаго возобновленія въ семь древнемъ храмѣ православнаго Богослуженія.

Въ томъ же году послѣдовало Высочайшее повелѣніе: о немедленномъ разсмотрѣніи въ строительномъ комитетѣ, представленныхъ генералъ-губернаторомъ плановъ возобновленія сего храма, что и было исполнено.

Возобновленная церковь украсилась трехъяруснымъ позолоченнымъ иконостасомъ, стѣны, по древнему мѣстамъ уцѣлевшему подъ побѣлкой писью, расписаны заново возможно вѣрнымъ изображеніемъ, тѣхъ самыхъ событій, лицъ и надписей какіе виднѣлись изъ подъ штукатурки и слоевъ побѣлки.

По случаю разсмотрѣнія въ строительномъ комитетѣ, представленныхъ княземъ Хованскимъ, проектовъ возобновленія Спасской церкви, въ журналѣ М. В. Д. были напечатаны планъ и фасадъ древней церкви, съ поясненіемъ что: „сія церковь именуемая по бѣлорусскому нарѣчію Спасо-Юровичи (Спасъ-Георгіевъ) сохраняетъ доселѣ какъ и снаружи, такъ и внутри не изглаженные временемъ признаки священной древности. Образъ построенія, необыкновенная толщина каменныхъ стѣнъ съ малыми узкими окнами, иконное стѣнное писаніе въ старинномъ греческомъ вкусѣ, сохранившееся отъ поврежденія, и древнія надписи подтверждаютъ истину историческихъ указаній“.—По возобновленіи церкви Спаса, согласно Высочайшимъ повелѣніямъ и указаніямъ строительнаго комитета, было приступлено къ возстановленію самой обители. Это

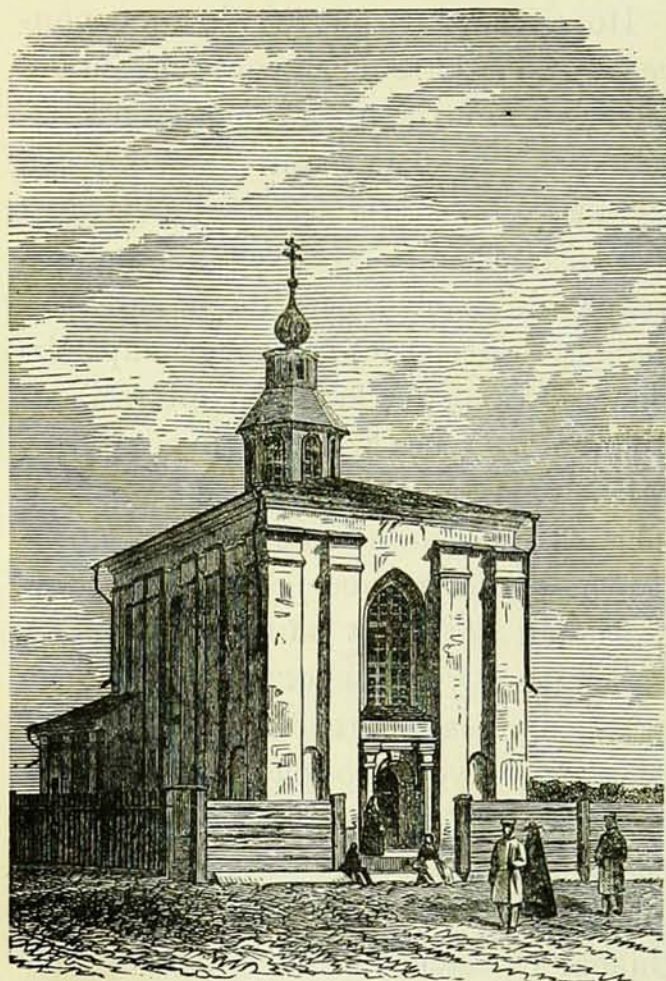
важное въ судьбѣ ея событіе свершилось на другой годъ по воссоединеніи уніатовъ т. е. въ 1840 году. Вершителемъ его былъ преосвященный Исидоръ, нынѣ Митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій.

Монастырь былъ возстановленъ подъ древнимъ названіемъ дѣвичьяго Спасо-Евфросиньевскаго, съ причисленіемъ его къ первому разряду монастырей.

Первой настоятельницей его была, переведенная сюда изъ верхне-замковаго уніатскаго монастыря Инокентія Кулешанка.

Съ этого момента начинается новая исторія жизни монастыря и его святыхъ храмовъ, — для написанія которой еще не настало время.

Рис. 66.

Древняя Борисоглѣбская церковь.

Вотъ и еще храмъ и еще памят-

никъ древняго православія полочанъ, стѣны котораго могутъ объяснить многія страницы исторіи мѣстнаго края. Мы указываемъ вамъ читатель на Полоцкій въ древности Бѣльчицкій — Борисоглѣбскій бывшій мужской монастырь, а нынѣ приписной къ вышеописанной дѣвичей Спасо-Евфросиньевской обители, скромно возвышающій кресты свои на лѣвомъ берегу рѣки Западной Двины, при впаденіи въ нее небольшой рѣчки Бѣльчицы. (рис. 66).

Непривлекательна мѣстность монастыря, не горятъ золотомъ кресты главы церковныя, не поражаетъ взоръ вашъ ни громадность зданій монастырскихъ, ни величіе архитектуры ихъ; видъ обители такой скромный, такой печальный, что кажется, будто бы время забыло стереть съ лица земли этотъ, давно свершившій свое историческое назначеніе памятникъ старины.

Но вотъ до слуха нашего долетаетъ тихій, плачевный звукъ монастырскаго колокола, сквозь полуоткрытую дверь ограды видны двѣ, три человѣческія фигуры, медленно двигающіеся изъ монастырскаго дома въ храмъ. Войдемъ и мы за ними въ мирную обитель, чтобы узнать прошедшую и настоящую жизнь ея.

Вотъ мы въ монастырской оградѣ. Почти насупротивъ воротъ стоитъ небольшое, четырехъ угольное, съ растрескавшимися и почернѣвшими стѣнами, вѣнчанное поверхъ плоской крыши небольшимъ куполомъ, зданіе главной монастырской церкви во имя св. князей Бориса и Глѣба.

При первомъ взглядѣ на храмъ, на толщину его стѣнъ, форму и способъ кладки кирпича, на узкія приземистыя двери, на задѣланные ни-

ши старинныхъ оконъ и наконецъ, на малый деревянный куполокъ поверхъ плоской крыши, — ясно видишь, что сей храмъ принадлежа къ XII или XIII вѣку, былъ не разъ передѣлываемъ, прежде чѣмъ получилъ эту наружность, въ какой представляется нынѣ очамъ нашимъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ лѣвѣе Борисоглѣбской церкви стоитъ 2-хъ этажный, нештукатуреный домъ, назна-

ной и богатой Борисоглѣбской обители. — Не лучше рисуется обитель это и съ противоположнаго городского берега Западной Двины; вся разница въ томъ, что оттуда взоръ нашъ обнимаетъ всю монастырскую усадьбу, опоясанную красной кирпичной стѣной, да нѣсколько тѣнистыхъ липъ роскошнаго зеленю своей листвы смягчаетъ общій грустный колоритъ картины (рис. 67).

Рис. 67.

Церковь во имя св. Параскеви-Пятницы.

ченный для игумена и братіи; домъ этотъ связанъ длиннымъ, но узкимъ бревенчатымъ корридормъ съ другимъ монастырскимъ храмомъ, то есть съ теплой церковью во имя святой Параскевы. Прибавимъ къ этимъ зданіямъ небольшой, деревянный сарайчикъ, помѣщенный насупротивъ входа въ Борисоглѣбскую церковь, въ одномъ, такъ сказать, взглядомъ обнимете всю скромную внутреннюю картину нѣкогда слав-

Теплая церковь, во имя св. Параскеви-Пятницы построена около 1670 года заботливостію бывшаго настоятеля Борисоглѣбскаго монастыря, архимандрита Чудовскаго.

Ксенофонтъ Антоновичъ Говарскій писалъ, что на сооруженіи сей Пятницкой церкви архимандритъ Кесарій Чудовскій употребилъ кирпичъ изъ развалинъ древней церкви того же имени, о коей мы скажемъ ниже. Это не совсѣмъ вѣрно. Быть мо-

жетъ архимандритъ Чудовскій и употребилъ нѣкоторое количество кирпича, взятаго изъ близъ лежавшихъ развалинъ древней Параскевievской церкви, что было весьма естественно и удобно; но главнѣйшимъ матеріаломъ для этой постройки, несомнѣнно служить новый кирпичъ, въ чемъ мы имѣли случай убѣдиться лично при тщательномъ осмотрѣ, въ 1865 году Борисоглѣбскаго монастыря. Мнѣніе наше раздѣлялъ и господинъ Струковъ, осматривавшій Пятницкую церковь годомъ ранѣе насъ.

Церковь св. Параскевii при двухъ саженой ширинѣ внутри, имѣетъ въ длину отъ входа до алтаря семь сажень. Иконостасъ ея каменный, съ такими узкими простѣнками, что мѣстныя иконы помѣщены на откосахъ царскихъ вратъ.

Изъ старинныхъ образовъ по живописи болѣе замѣчательны: Іоанна Златоустаго и Амвросія Медиоланскаго, первый въ греческой, а послѣдній въ римской митрахъ, оба они большихъ размѣровъ, вставлены въ прочныя деревянныя рамы и повѣшены одинъ противъ другаго. Мѣстные образа Божіей Матери и Спасителя остались отъ стараго иконостаса древней церкви, оба они покрыты серебряными ризами. Божія Матерь изображена держащей на лѣвой рукѣ Младенца Іисуса, а въ правой цвѣтущую вѣтвь. Правая рука Предвѣчнаго Младенца изображена двуперстно благословляющею, а въ лѣвой находится шаръ, съ изображеніемъ на немъ солнца и луны.

У ногъ Богоматери стоитъ коленапоклоненная св. мученица Васса,

съ восьмиконечнымъ крестомъ въ правой рукѣ. На образѣ Спасителя, у ногъ Его, изображены: св. Михаилъ, епископъ Синатскій и св. мученикъ Θεодоръ Стратилать. Образа эти писаны на липовыхъ доскахъ по полименту; надписи на нихъ начертаны славянскою вязью.

За престоломъ на стѣнѣ, на простой деревянной доскѣ, изображена Богоматерь съ держащимъ въ лѣвой рукѣ красную ложку Младенцемъ Іисусомъ.

Вотъ все, что показалось намъ почему либо заслуживающимъ вниманія изъ находящагося въ храмѣ св. Параскевii, видъ коего находится предъ очами читателя.

Основаніе Борисоглѣбскаго монастыря приписываютъ внуку литовскаго князя Мингайлы, полоцкому князю Борису Генвиловичу, относя это событіе къ концу XII вѣка, именно къ 1190 году. Какова была первоначальная монастырская церковь, каменная или деревянная, и гдѣ именно она находилась, на мѣстѣ ли настоящей, въ большемъ или меньшемъ отдаленіи отъ нея, — свѣдѣній не имѣется. Судя по сказанію Стрыйковскаго, *) слѣдуетъ допустить, что нынѣ существующая каменная церковь, во имя св. Бориса и Глѣба, заложена въ 1217, а окончена въ 1222 году. Что церковь построена не позже XIII вѣка, это доказывается величиной и формой кирпичей, имѣющихъ, при 1⁵/₈ англ. дюймовъ толщины, 13 дюймовъ въ длину и 8¹/₂ дюймовъ въ ширину; такъ равно способомъ кладки его и составомъ цемента, толщина слоевъ коего прости-

*) Kronica Litevska.

рается отъ 3½ до 5 англ. дюймовъ, а равно самой формой зданія и внѣшнимъ его видомъ.

По словамъ того же историка видно, что князь Борисъ на сооруженіе этого храма привозилъ строевой матеріаль, т. е. кирпичъ и известь изъ Ливоніи, сплавления таковой по р. Западной Двинѣ. Стрыйковскій на основаніи какой то древней лѣтописи, свидѣтельствуемъ, что будто бы въ память благополучной доставки къ монастырю строевыхъ матеріаловъ, князь Борисъ велѣлъ высѣчь на камнѣ, лежащемъ въ руслѣ р. Двины, верстахъ въ семи за городомъ Дисной, крестъ съ надписью: „Вспомози Господи раба своего Бориса, сына Генвилова“ *).

К. А. Говорскій основываясь на свидѣтельствѣ Стрыйковскаго и древнихъ актовъ, говоритъ, что Борисоглѣбскій монастырь въ древности былъ обнесенъ каменной стѣной, надъ которой, во многихъ мѣстахъ, возвышались башни и бойницы, что придавало ему видъ и значеніе крѣпости, внутри которой, еще во времена князей Владимірова рода, находились княжескіе терема и, быть можетъ древнѣйшая изъ каменныхъ полоцкихъ церквей, — церковь во имя св. Параскевіи, отъ которой остался одинъ только фундаментъ и которую, впрочемъ уже полуразрушенную, видѣлъ польскій лѣтописецъ, каноникъ Стрыйковскій, жившій въ половинѣ XVI вѣка.

Въ русскихъ и ливонскихъ лѣто-

*) Описанію этого и другихъ находящихся въ руслѣ р. Западной Двины камней съ древними славянскими надписями и изображеніемъ крестовъ посвящена V глава этого сочиненія. *Авт.*

писяхъ не однажды упоминается объ осадѣ этого монастыря Ливонцами и упорной защитѣ его Полочанами, предводительствуемыми ихъ князьями, чѣмъ доказывается, что монастырь былъ въ срединѣ крѣпости. Каменная стѣна съ бойницами и башнями, о которой упоминаетъ Говорскій, существовала еще въ хорошемъ видѣ, во времена полоцкаго уніатскаго архіепископа Юсафата Кунцевича (т. е. въ началѣ XVII вѣка), который, въ качествѣ архимандрита сего монастыря, по смерти своего предшественника, архіепископа Гедеона Брольницкаго, хотѣлъ вступить во владѣніе онымъ, но ктитору монастыря, Корсаки, Щиты и другіе православные бояре бывшаго полоцкаго воеводства, поставивъ на бойницахъ пушки, засѣли въ немъ со множествомъ вооруженнаго народа, чтобы силою оружія отстоять сей искони православный монастырь отъ посягательства на него уніатскаго архіерея. Съ своей стороны Юсафатъ, послѣ тщетныхъ увѣщаній передать ему какъ законному настоятелю, утвержденному въ семъ санѣ королемъ, — монастырь, осадилъ его войсками, составлявшими постоянный гарнизонъ Верхняго и Нижняго полоцкихъ замковъ, при содѣйствіи множества вооруженныхъ католиковъ и уніатовъ, для чего были свезены на лодкахъ по р. Двинѣ изъ Верхняго замка осадныя орудія и поставлены на земляныхъ окопахъ, нарочно по сему случаю устроенныхъ на берегу р. Двины, противъ монастыря. Въ концѣ одинадцатаго дня осады была пробита въ монастырской стѣнѣ брешь, чрезъ которую побѣдоносно вошли въ обитель приспѣшники Юсафата.

Завладѣвъ такимъ способомъ Борисоглѣбскимъ монастыремъ архіепископъ Кунцевичъ приказалъ разрушить окружающіе его укрѣпленія до основанія.

Въ 1563 году царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный, завоевавъ Полоцкъ, отдалъ Борисоглѣбскій монастырь, со всѣми принадлежавшими ему имѣніями Корсакамъ и Щитамъ, обязавшимся за то строить и содержать въ исправности задвинскіе пограничныя замки; это обстоятельство еще болѣе способствовало къ разстройству монастырскихъ дѣлъ и къ обѣднѣнію обители.—Съ переходомъ Полоцка при Стефанѣ Баторіѣ къ Польшѣ, обстоятельства монастыря не переменились къ лучшему: имъ по прежнему владѣли Корсаки, а часть имѣній перешла въ руки Щитовъ, Соломерецкаго и князя Друцкаго-Сокольникаго. Когда же Полоцкій архіепископъ Теофанъ Рыпинскій женилъ сына своего на дочери одного изъ Корсаковъ, то, вмѣсто огражденій правъ церкви, далъ своимъ родственникамъ уступочную грамоту на все монастырское имущество. Только въ 1597 г. архіепископъ Германъ Загорскій позвалъ къ суду неправильно захватившихъ въ свои руки монастырское имущество: Корсаковъ, Щитовъ, Соломерецкаго и князя Друцкаго-Сокольникаго, которые боясь послѣдствій суда въ ихъ неправомъ дѣлѣ, миролюбно обязались ежегодно давать въ пользу монастыря по 30 копъ грошей, по 20 бочекъ ржи, и по 25 бочекъ яроваго хлѣба, и кромѣ того приняли на себя исправленіе монастырскихъ церквей и постройку новыхъ келій. Загорскій хотя и улучшилъ матеріальныя сред-

ства монастыря, но будучи ревностнымъ поборникомъ принятой имъ на Брестскомъ соборѣ уніи въ 1596 г., обратилъ въ оную и монастырь; однакожь по смерти его, Корсаки, оставшіеся еще въ православіи, изгнавъ уніатскихъ монаховъ, снова обратилъ монастырь въ православіе. Наконецъ въ 1618 г. архіепископъ Іосафатъ Кунцевичъ, какъ было объявлено выше, силою отнять отъ православныхъ Борисоглѣбскій монастырь, населилъ его уніатскими монахами.

Съ 1654 по 1667 г., т. е. во все время принадлежности Полоцка, по случаю завоеванія его царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Россіи, Борисоглѣбскій монастырь снова былъ возвращенъ православію; но съ переходомъ этого города, на основаніи Московскаго договора 1686 года, къ Польшѣ, онъ опять сдѣлался достояніемъ уніатскихъ монаховъ, во владѣніи коихъ и состоялъ по день общаго воссоединенія уніатовъ къ православію.

Въ 1842 году населенныя имѣнія Борисоглѣбскаго монастыря поступили въ казну а самъ онъ причисленъ въ разрядъ заштатныхъ, съ надѣломъ на издержки его 150 десятинъ пахатной и сѣнокосной земли, озеромъ, мельницею и съ ежегоднымъ отпускомъ изъ казны по 290 рублей.

Борисоглѣбская церковь, изображеніе которой помѣщено нами выше, имѣетъ въ длину—9, а въ ширину—5 сажень *). Внутренніе размѣры

*) Въ описаніи этого монастыря, составленномъ К. А. Говорскимъ, ошибочно сказано, что будто бы церковь эта извиѣ имѣетъ длины 7 сажень, а ширины 4 саж. 10 вершковъ.

храма, какъ по причинѣ толщины стѣнъ, такъ и потому, что для помѣщенія ризницы отдѣлено довольно большое пространство за алтарной стѣной — гораздо меньше. Иконостасъ деревянный, *) двухъ-ярусный, взятый изъ Струньской бывшей архіерейской царквы. Всѣ образа нынѣшняго иконостаса новые, по крайней мѣрѣ не древніе, и не тѣ, кои были на каменномъ иконостасѣ, за исключеніемъ двухъ мѣстныхъ—Спасителя и Богоматери, украшенныхъ серебряными ризами.

Своды и стѣны храма дали сильныя трещины, въ особенности правая алтарная стѣна и сводъ надъ жертвенникомъ; вообще храмъ видимо приходитъ въ разрушеніе и скоро, очень скоро, если не будетъ принято энергическихъ мѣръ къ сохраненію этого замѣчательнаго памятника нашего православія, онъ разрушится на глазахъ равнодушныхъ къ своему славному прошедшему современниковъ; уже и теперь никто не рѣшается взобраться подъ плоскую крышу храма, боясь, чтобы не рухнулъ сводъ его.

Внутри храма, на задней стѣнѣ, подъ хорами, съ правой стороны, изъ за толстаго слоя известковой обмазки виднѣются остатки древнихъ фресковъ. Колоритъ рисунка и постановка ногъ фигуры сильно напомнили намъ фрески кіевского Софійскаго собора.**)

*) К. А. Говорскій также ошибочно сказалъ, что иконостасъ этой церкви каменный. Онъ дѣйствительно былъ такимъ прежде, но уже болѣе 50 лѣтъ какъ замѣненъ деревяннымъ, о чемъ, по истинѣ, должно пожалѣть, ибо выломка каменной стѣнки иконостаса имѣла вредное вліяніе на прочность храма.

**) Фрески эти мы видѣли въ 1865 году.
Авторъ.

Подъ алтаремъ храма устроенъ глубокой погребальный склепъ, въ которомъ покоятся тѣла бывшихъ настоятелей монастыря, а въ томъ числѣ и Кесарія Чудовскаго *).

О Чудовскомъ живетъ въ народѣ преданіе, что онъ былъ человѣкъ строгой монашеской жизни, набожный и трудолюбивый. Намъ указывали на остатки фундамента отъ келіи этого труженика, находящіеся въ углу монастырской ограды, въ саду; здѣсь мы нашли еще уцѣлѣвшую наружную стѣну келіи, на которой сохранились украшавшія ее арабески.

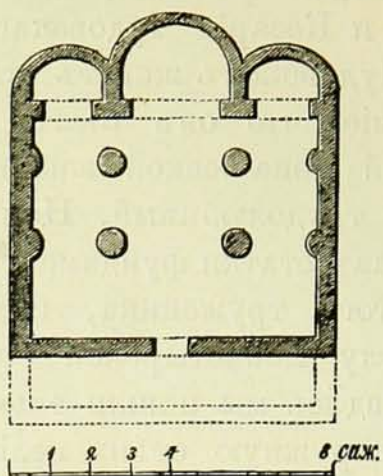
На восточной сторонѣ двора монастырскаго, въ 30 саж. отъ Борисоглѣбской и въ 10 саженьяхъ отъ Параскевievской церкви, среди покрывающаго дворъ, зеленаго дерна, виднѣются остатки фундамента отъ древней, быть можетъ, первой въ Полоцкѣ, Пятницкой или св. Параскевievской церкви. Развалины эти существовали уже во времена Стрыйковскаго, т. е. въ XVI вѣкѣ, и тогда уже почитались древностью, по этому преданію народа о постройкѣ храма этого раньше, чѣмъ сооружена Спасская церковь нынѣшняго Спасо-Евфросиньевскаго дѣвичьяго монастыря, весьма правоподобно, впрочемъ, судя по размѣрамъ кирпича, способу кладки и наконецъ по размѣрамъ и фигурѣ фундамента, очевидно, что церковь эта не могла быть сооружена позже XIII вѣка.

Судя по фундаменту, древняя церковь св. Параскевiу должна была имѣть въ длину, вмѣстѣ съ сред-

*) Въ 1866 году по докладу моему о семь Виленскому Генер. Губернат. фонъ-Кауфману, тѣла эти велено зарыть.
Авторъ.

нимъ выступомъ алтарней стѣны, около 75 фут., въ ширину 49 фут. (рис. 68).

Рис. 68.

Планъ фундамента древней Параскевievской церкви снятый въ 1865 году.

Фигура ее представляетъ четырехугольникъ, съ тремя полукруглыми выступами алтарней стѣны, изъ коихъ средній выступъ былъ вдвое больше крайнихъ. Внутри храма находится четыре круглыхъ, имѣющихъ по 7 футовъ, въ діаметрѣ, столба, которые, вѣроятно, поддерживали арки или своды, подобно тому какъ это сдѣлано въ Спасо-Евфросиньевскомъ монастырѣ. Предъ главнымъ фасадомъ церкви лежитъ большая куча щебня оставшагося, вѣроятно, отъ бывшаго притвора. Есть преданіе, не выдерживающее, впрочемъ, критики, о томъ, что древняя церковь св. Параскевii была соединена подземнымъ ходомъ съ Спасо-Евфросиньевскимъ монастыремъ и церковію св. Софii, бывшей въ Нижнемъ замкѣ. Намъ рассказывали также о находкѣ, лѣтъ 50 тому назадъ, близъ фундамента алтарней стѣны развалинъ, значительнаго числа большихъ олованныхъ сосудовъ *). Все это

*) О находкѣ этой я слышалъ изъ устъ почившаго Архіепископа Василія (Лужинскаго).

даетъ право предполагать, что тщательныя археологическія развѣдки на мѣстѣ бывшей древней Параскевievской церкви могли бы имѣть, если не богатые, то во всякомъ случаѣ, интересныя для исторіи послѣдствія.

Переходить къ описанію послѣдняго изъ древнѣйшихъ храмовъ Витебской губерніи каменной, приходской Свято-Благовѣщенской единовѣрческой церкви, въ г. Витебскѣ находящейся.

Почти въ равномъ разстояніи отъ Рынковой и Заручевской Свято-Воскресенскихъ церквей, съ правой стороны Замковой улицы, идущей отъ соборной площади къ р. Западной Двинѣ и Заручевскому мосту, на малой площадкѣ, тѣснимою громаднымъ зданіемъ бывшаго фарнскаго костела *) и дворомъ упраздненнаго Маріавитскаго монастыря, стоитъ одиноко, обратясь главнымъ ходомъ къ забору ветхаго костельнаго домика, древнѣйшій памятникъ православія витеблянъ — Свято-Благовѣщенская единовѣрческая приходская церковь, имѣющая такой видъ: (Смотри ниже рис. 69).

Толстыя стѣны, узкіе, высокоподкатые отъ земли, окна и несоразмѣрно большой восьми гранный куполь, при легкой, какъ бы случайно попавшей на переднюю часть крыши, колокольной башеньки, рѣзко выдѣляютъ этотъ храмъ не только изъ группы окружающихъ его но даже изъ всей церковной семьи Витебска.

Благовѣщенская церковь представляетъ съ наружи видъ продол-

*) Въ этомъ зданіи, доселѣ сохраняющемъ костельный видъ, помѣщаются архивы: Витебскій Губернскій и древнихъ актовъ книгъ Витебской и Могилевской губерній.

говатаго четырехъ-угольника съ за-
кругленной алтарной стѣной.

Съ правой стороны ея имѣется двухъ этажная каменная пристройка, крытая желѣзомъ въ одинъ скатъ. Въ верхнемъ этажѣ пристройки помѣщается училище для дѣтей единовѣрцевъ а въ низу квартиры сторожа и пономаря. До 1862 года т. е. до преобразованія храма въ настоящій его видъ и до передачи его единовѣрцамъ въ верхнемъ этажѣ пристройки помѣщалась зимняя церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, но съ устройствомъ печей въ большомъ храмѣ, помѣщеніе ея обращено въ училище, а бывшіе погреба приспособлены для житія причетника и сторожа.

До описанной нами передѣлки сего храма на алтарной стѣнѣ его, противу царскихъ вратъ, была съ незапамятныхъ временъ вырѣзана надпись, гласившая: что въ этомъ самомъ алтарѣ убитъ католиками православный священникъ. — Надпись эта при перестройкѣ рабочими сглажена.

Внутреннее помѣщеніе храма соответствуетъ его наружности: оно представляетъ видъ четырехугольника, при длинѣ, отъ входа до алтарной стѣны, 22½ аршина и при 12½ аршинахъ ширины. Алтарь отдѣленъ отъ внутренней части храма, а сія послѣдняя отъ передней

или хоровой, каменными стѣнами, что придавая зданію особую проч-

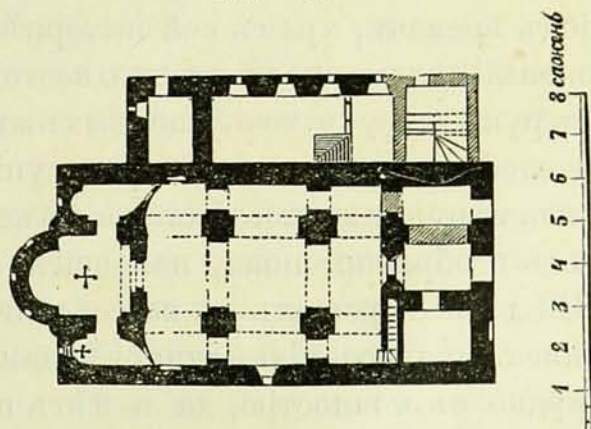
Рис. 69.

ность, значительно уменьшаетъ его вмѣстительность.

Вотъ планъ св.-Благовѣщенской церкви. Свѣтлая тутъ обозначаетъ позднѣйшія достройки (рис. 70).

Рис. 70.

Преданіе говоритъ, что будто бы

храмъ этотъ соорудила великая княгиня Ольга, супруга Игоря, во время путешествія своего по областямъ княжества. Лѣтописи дѣйствительно упоминаютъ о путешествіи в. кн. Ольги по р. Мстѣ и о повелѣніи ея, въ видахъ удобнѣйшаго взыскапія податей, раздѣлить жителей на погосты, т. е. приходы; но показаніямъ этимъ никакъ нельзя доказывать вѣрности народнаго преданія, которое тѣмъ не менѣе должно же имѣть какое либо основаніе; принимая же во вниманіе, что во время Ольги, т. е. въ половинѣ X вѣка, христіанство еще только начинало проникаться въ Витебскъ, — сооруженіе этого храма должно отнести къ гораздо позднѣйшему времени, именно, придерживаясь указанію Стрыйковскаго, къ началу XIV вѣка. По словамъ этого лѣтописца, Благовѣщенская церковь построена въ Нижнемъ замкѣ, напротивъ Пречистенской башни, литовскимъ княземъ Ольгердомъ, имѣвшимъ въ супружествѣ сперва витебскую княжну Марію Ярославовну, а потомъ Уліану Александровну тверскую, отличавшуюся приверженностію къ православію и любовью къ созиданію храмовъ Господнихъ. Такъ или иначе, но Богословская церковь существуетъ болѣе пятисотъ лѣтъ.

И сколько въ этотъ пятивѣковой періодъ времени, храмъ сей вытерпѣлъ гоненій! сколько разъ переходилъ онъ изъ рукъ въ руки, то отъ первыхъ жителителей его — православныхъ къ уніатамъ, то отъ сихъ послѣднихъ къ первымъ и обратно, пока, наконецъ, въ 1849 г. не перешелъ къ воссоединившимся православію — единовѣрцамъ. Трудно съ точностію, да и нѣтъ надобности, опредѣлять годы этихъ пе-

ремѣнъ въ судьбѣ храма, но кажется безошибочно можно указать на 1619 и 1831 годы, какъ на начало и конецъ принадлежанія храма уніатамъ и католикамъ. Мы указываемъ на 1619 годъ, какъ на время обращенія православной Благовѣщенской церкви въ уніатскую, на основаніи слѣдующихъ фактовъ: а) донесенія полоцкаго вознаго Ивана Скирмунта, отъ 5 марта 1623 года объ уступкѣ владыкѣ (т. е. Иосафату Кунцевичу) пустыхъ, ограбленныхъ церквей (въ томъ числѣ и Благовѣщенской) и б) реляціи того же вознаго и отъ того же года, мѣсяца и числа: о нападеніи дизунитовъ (не принявшихъ уніи) на Благовѣщенскую церковь и о побитіи поповъ и слугъ церковныхъ.

До обращенія въ уніи Богословская церковь пользовалась особымъ уваженіемъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ подтвердительной грамоты короля Сигизмунда I на права и вольности города Витебска, отъ 18 февраля 1509 года: „также Витиблянѣ всякому постарому покуле хоцетъ кто, а которому витеблянину одъ насъ будетъ насильно а будетъ ему не-любо, намъ его силою не держати, и но ему путь чистъ куда хоцетъ безъ всякой зачепки, а пойти ему въ нашу отчизну въ Литву не тайно: светому Благовѣщенію чоломъ ударивши и нашему воеводѣ обвѣстившись“ *).

Ктобы подумалъ глядя на гладкія стѣны храма, на вѣющій стариной

*) См. книгу привилегій Городской Думы, хранившуюся въ 1865 году въ бібліотекѣ Статистическаго Комитета; гдѣ она нынѣ неизвѣстно.

православія иконостасъ, что въ судьбѣ его было столько рѣзкихъ переломовъ! но опытный глазъ археолога невольно останавливается, то надъ обширными хорами, очевидно приспособленными къ поставкѣ на нихъ органа, то надъ громаднымъ деревяннымъ куполомъ, подавляющимъ тяжестью своей архитектуры массивныя стѣны церкви, то надъ уцѣлевшими подъ крышей остатками двухъ колокольныхъ башенъ, составляющихъ архитектурное отличіе костеловъ и униатскихъ церквей отъ православныхъ. А все же рука провидѣнія, невзирая на ревностную заботливость поляковъ стереть съ этого храма слѣды православія, сберегла для насъ, кромѣ многихъ письменныхъ свидѣтельствъ о принадлежности Благовѣщенской церкви православнымъ русскимъ, еще и другіе замѣчательные памятники того же. Мы разумѣемъ подъ ними, между прочимъ, большой колоколъ этой церкви, на которомъ подъ литерами, обозначающими 1610 годъ, начертано:

Сей звонъ церкви мурованой Витебской въ нижнемъ замку стоячей.

А подъ надписью образъ Благовѣщенія.

Есть на колокольніи и другой колоколъ, нѣсколько меньшій, но гораздо старѣйшій и быть можетъ повѣщенный задолго до убіенія Юсафата Кунцевича. На немъ тоже виднѣется двустрочная надпись, но время, а быть можетъ и святотатственная рука фанатика такъ избилъ ея, что едва можно разобрать только нѣкоторыя буквы.

Удивительно какъ могли сохра-

ниться эти памятники старины, когда рѣшеніемъ комисарскаго суда, отъ 22 января 1624 года, по дѣлу объ убіеніи жителями Витебска архіепископа Юсафата Кунцевича, между прочимъ, постановлено: „А такъ какъ возмущеніе началось по сигналу ратушнаго и нѣкоторыхъ церковныхъ колоколовъ, то приказываемъ воеводичу витебскому войту: отнять всѣ колокола и отдать въ цейхаузъ, изъ которыхъ потомъ, съ вѣдома будущаго архіепископа, вылить, въ память происшествія большой колоколъ, съ надписью о семъ злодѣянніи и (таковой) отдать соборной церкви, Причистенской, при которой былъ умерщвленъ покойный владыка.—Съ того же времени, при всѣхъ иныхъ церквахъ, за исключеніемъ упомянутой соборной, колоколовъ не имѣть, безъ позволенія и особеннаго разрѣшенія его преподобія, отца митрополита Кіевскаго нынѣшняго и его приѣмниковъ“.

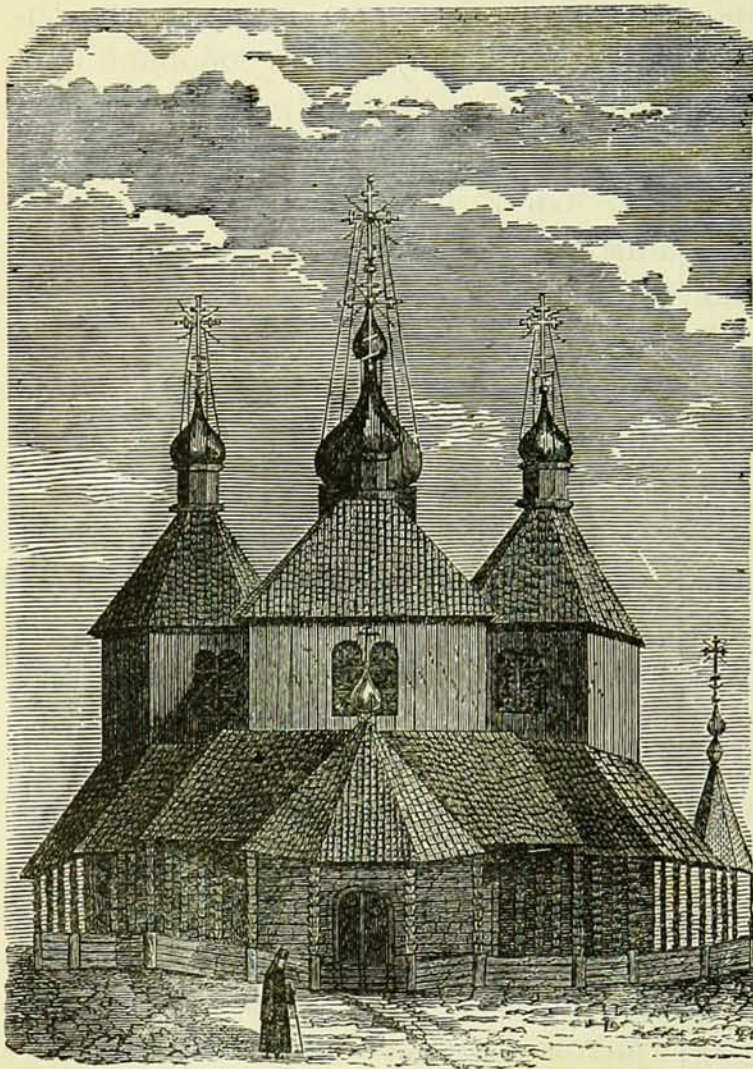
Сохраненіе Благовѣщенскаго колокола до нашихъ дней тѣмъ болѣе удивительно, что старшій священникъ сей церкви попъ Давидъ былъ обвиненъ въ подстрекательствѣ жителей на убійство Кунцевича, за что осужденъ, въ числѣ многихъ другихъ, на смертную казнь, отъ которой избавился бѣгствомъ.

Нынѣ Благовѣщенскій храмъ поддерживается умѣреннымъ усердіемъ прихожанъ—единовѣрцевъ; отъ казны пособія не получаетъ, а пользуется 188 дес. земли, находящейся въ семи верстахъ отъ г. Витебска, и двумя плацами въ самомъ городѣ.

Этими строками можно бы окончить описаніе древнихъ, въ строгомъ смыслѣ, церковей Витебской гу-

берніи; но мы погрѣшили бы противу исторіи, умолчавъ еще объ одномъ, хотя и не особо древнемъ, но, по волѣ провидѣнія пережившемъ, безъ малѣйшаго измѣненія, всѣ гоненія католиковъ и уніатовъ, кои опустошительной для православія и русской народности двухсотлѣтней бурей пронесли по несчастной Бѣлоруссіи, заливъ кровью страницы ея исторіи. Мы говоримъ о Св. Троицкомъ храмѣ Марковского мужскаго монастыря (рис. 71).

Рис. 71.

Этотъ святой храмъ Живоначальной Троицы, точное изображеніе коего читатель видитъ предъ собою, есть главный въ Марковомъ монастырѣ, находящемся на правомъ берегу рѣки Западной Двины, внизъ по те-

ченію въ двухъ-верстномъ отъ г. Витебска разстояніи.

Рисунокъ храма, сдѣланный съ фотографическаго снимка до такой степени отчетливъ, что едва ли нужно подробное описаніе храма. Свято-Троицкій храмъ, какъ видитъ читатель, построенъ изъ бревенъ, имѣетъ въ основаніи фигуру креста; пять куполовъ его вѣнчаютъ стрѣлчатая крыши четырехъгранныхъ, крытыхъ гонтомъ башенъ; высокіе сквозные, украшенные лучами золоченые кресты поддерживаются желѣзными цѣпями.

Съ наружи церковь опоясываетъ не широкая открытая галлерей на рѣзныхъ колонкахъ; надъ главнымъ и боковымъ южнымъ ходомъ устроены навѣсы, украшенные крестами; алтарный же ходъ не имѣетъ прикрытія.

Двухстворчатая входная дверь храма замѣчательна своей оригинальностію. Они устроены на подобіе царскихъ алтарныхъ, съ рѣзбою и изображеніемъ эмблемъ св. евангелистовъ, имена коихъ начертаны греко-славянскими литерами. На этихъ же дверяхъ рельефно изображены два какихъ-то знака. По всей вѣроятности геральдическихъ, а вокругъ ихъ вырѣзаны латинскіе буквы S. K. O. M—W X—L. P. W., что означаетъ Симеонъ-Карль Огинскій, Мечникъ Великаго Княжества Литовскаго,

Подкоморій Витебскій. Верхъ и бока дверей украшены рѣзными орнаментами, окрашенными въ разные цвѣта, съ изображеніемъ св. Троицы въ трехъ вѣпостасяхъ и двумя по сторонамъ ангелами.

Боковыя двери украшены рѣзными изображеніями херувимовъ; на нихъ, по бокамъ изображены лики св. верховныхъ апостоловъ, а сверху имѣется монограмма изъ латинскихъ литеръ. Смысль коей не разгаданъ; надъ монограммой написано: „Премудрость созда себѣ домъ“, а подъ подписью изображены лики святителей: Поликарпа, Амвросія, Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Спиридона и Михаила митрополита Кіевскаго.

Пятиярусный, рѣзной, стариннаго образца иконостасъ раззолоченъ. Всѣ стѣны алтаря и храма, отъ верху до низу, росписанъ изображеніями событій Вѣтхаго и Новаго Завѣтовъ.

Въ алтарномъ куполѣ написано изображеніе Св. Духа, въ среднемъ Св. Троицы, а на простѣнкахъ его, четыре великихъ святителей и чудотворца: Василій, Григорій, Іоаннъ и Николай. Въ правомъ боковомъ куполѣ изображенъ Господь Саваоѣ окруженный ангелами, держащими въ рукахъ орудія страданій и крестной смерти Спасителя. Въ лѣвомъ находится изображеніе Пресвятой Дѣвы Маріи на облакахъ, а кругомъ Ея сонмъ пророковъ съ хартіями въ рукахъ. Въ послѣднемъ, т. е. западномъ куполѣ помѣщено апокалипсическое изображеніе Іисуса Христа съ выходящимъ изъ устъ Его мечемъ, а предъ Нимъ семь свѣчникъ.

Между стѣнными изображеніями особенное обращаетъ на себя вниманіе картина большихъ размѣровъ, представляющая великаго князя Владиміра, копающимъ ровъ для фундамента подъ церковь во имя Спаса.

Св. Троицкая церковь, какъ это

положительно извѣстно, построена княземъ Огинскимъ въ 1690 году, слѣдовательно въ наступающемъ 1890 году ей исполнится ровно 200 лѣтъ. Время построенія этого храма обозначено двумя выпуклыми рѣзными на стѣнѣ надписями на русскомъ и польскомъ языкахъ, помѣщенными въ круглыхъ медаліонахъ, съ наружи по обѣ стороны входныхъ дверей.

Ten dom zbudowany jest na czesc
S Troici—Roku 1690 Maia 8.

Этотъ храмъ построенъ въ честь святой Троицы. Года 1690 мая 8. Кромѣ сего съ правой стороны дверей прикрѣпленъ къ стѣнѣ восьмиконечный крестъ, на которомъ славянской вязью начертано; „Сей храмъ, благословеніемъ преосвященнаго Его милости пастыря и отца Лазаря Барановича, мчлостію Божіею православною архіепископа Черниговскаго, благочестивымъ іеромонахомъ Теофаномъ Иванѣвичемъ игуменомъ сего монастыря Марковскаго въ честь и славу Святыя и Живоначальныя Троицы освятися въ лѣто отъ Рождества Христова # 4174 мѣсяца мая 31 дня, въ день сошествія Св. Духа.

Теперь намъ остается сказать нѣсколько словъ о самомъ монастырѣ. Кѣмъ и когда основанъ Марковскій монастырь, эти преданія, и въ лѣтописи, и въ актовыхъ записяхъ отвѣта не даютъ. Преданіе говоритъ одно, что въ той мѣстности, гдѣ нынѣ находится монастырь давно, очень давно жилъ отшельникъ по имени Маркъ, что онъ своимъ благочестіемъ и святостію жизни привлекъ подражателей и пустынная мѣстность, названная впоследствии Марковщиной мало-по-малу обратилась въ общежитіе, а потомъ, по сооруженіи на мѣсто старой

часовни, построенной Маркомъ, хра-
ма,—въ монастырь.

Сооруженіе перваго храма припи-
сывается князю Льву Огинскому и
относится къ 1462 году.

вославные храмы, что онъ былъ, на-
конецъ, захваченъ уніатами, въ вѣ-
дѣніи коихъ состоялъ до присоеди-
ненія Бѣлоруссіи къ Россіи. Сохранив-
шіеся до сего времени акты свидѣ-

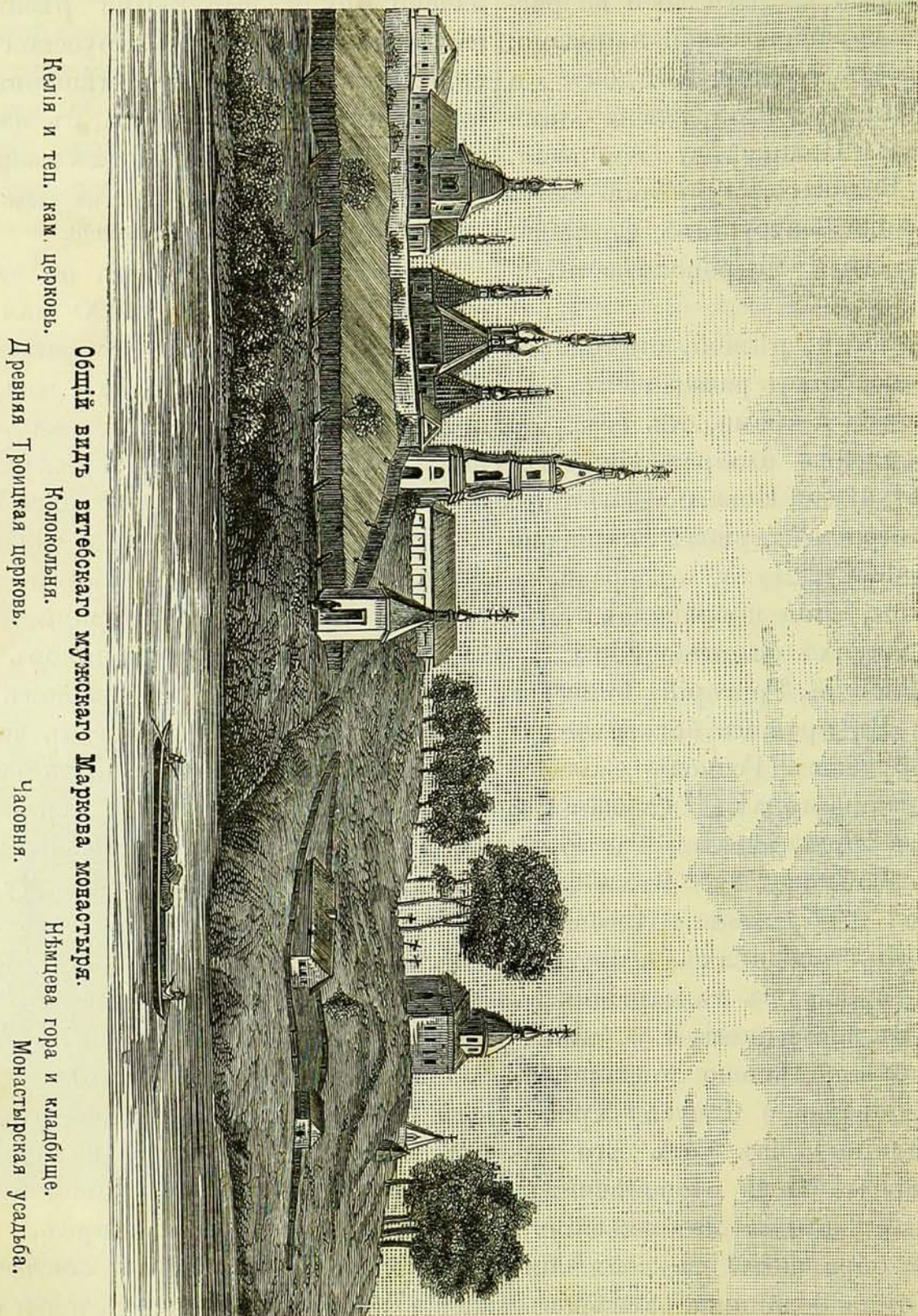

Рис. 72.

Келія и теп. кам. церковь.
Общій видъ витебскаго мужскаго Маркова монастыря.
Колокольная.
Древняя Троицкая церковь.
Часовня.
Нѣмецкая гора и кладбище.
Монастырская усадьба.

Нѣтъ сомнѣнія, что Марковъ мо-
настырь испыталъ, во время господ-
ства уніи, всѣ тѣ притѣсненія и гоне-
нія какимъ подвергались другіе пра-

тельствуютъ, что въ 1751 году, де-
кабря 22-го. Витебскій деканъ Кази-
миръ Лукашевичъ, ворвавшись съ тол-
пой витебской шляхты въ Марковъ

монастырь захватилъ игумена его Серафима Кочета и увезъ въ Витебскъ, а монаховъ выгналъ изъ монастыря, архивы и имущество котораго разграблено *).

По присоединеніи Бѣлоруссіи въ 1772 г. Марковъ монастырь, въ слѣдующемъ же году былъ причисленъ къ Псковской епархіи, затѣмъ въ 1795 году перечисленъ въ Могилевскую, и только въ 1833 году отошелъ къ Полоцкой епархіи, въ вѣдѣніи коей состоитъ и нынѣ.

Кромѣ главнаго св. Троицкаго храма въ Марковомъ монастырѣ находится еще четыре церкви: Покровская, Митрофановская, Николаевская и Параскевѣвская. Изъ нихъ св. Николаевскій храмъ находится внѣ монастырской ограды, а Параскевѣвской на монастырскомъ хуторѣ Шидловщинѣ, въ полуторѣ верстѣ отъ монастыря.

*) Впрочемъ, еще до насильственнаго обращенія Маркова монастыря въ унию, посѣтители его святыхъ храмовъ, а въ особенности состоявшіе по принужденію въ унию, нерѣдко подвергались преслѣдованію судебнымъ порядкомъ.

См. Витебская Старина. Томъ V. 1888 г. Актъ № 163.

Сооруженіе этихъ храмовъ относится: двухъ первыхъ къ XVIII, а двухъ послѣднихъ къ текущему столѣтію. Описаніе ихъ не входитъ въ программу нашего сочиненія. Мы можемъ замѣтить только, что на мѣстѣ церкви Покрова Пресвятыя Богородицы былъ въ древности каменный храмъ во имя св. апостоловъ Петра и Павла, что часть стѣнъ и матеріала изъ развалинъ этого храма было употреблено при возведеніи св. Покровской церкви. Знатоки мѣстной старины относятъ постройку древней Петро-Павловской церкви, къ тому же времени къ коему относится постройка и старой части жилаго каменнаго корпуса; судя по формѣ кирпича, способу кладки его и самой формѣ зданія,—мнѣніе это не лишено основанія.

Къ числу церковно-монастырскихъ зданій нужно еще прибавить: каменную колокольню, устроенную надъ южной стѣной, подъ которой имѣются ворота, ведущіе къ р. Западной Двинѣ и деревянную часовню во имя Святителя Николая, стоящую надъ береговымъ обрывомъ.

Общій видъ обители весьма скромный и унылый, какъ это видно изъ приложеннаго выше рисунка. (рис. 72).

ГЛАВА VII.

ДРЕВНИЕ ЦЕРКОВНЫЕ ПРЕДМЕТЫ.

Крестъ св. преп. Евфросиніи. — Крестъ преп. Параскевіи. — Крестикъ найденный въ Людинскомъ уѣздѣ. — Кресты изъ собранія автора. — Каменный образокъ. — Старинный складень полоцкой Софійской церкви. — Лампада. — Орлецы. — Коверъ. — Митра. — Кресло. — Жаровня витебскаго Маркова монастыря. — Древнія рукописныя евангелія: Заключение.

Въ небольшомъ числѣ вещественныхъ памятниковъ православія, уцѣлевшихъ доселѣ первое мѣсто, безспорно, занимаетъ хранящійся въ полоцкомъ Спасо-Евфросиніевскомъ дѣвичьемъ монастырѣ крестъ св. Евфросиніи, княжны полоцкой.

Крестъ этотъ сдѣланъ въ г. Полоцкѣ, по желанію преподобной княжны, въ 1161 году, для сооруженнаго ею и нынѣ существующаго храма Всемиловѣйшаго Спаса Лазаремъ Богшей.

Св. Евфросинія, мощи коей почитаютъ въ дальнихъ пещерахъ Кіево-Печерской лавры *), приходится родной праправнукою св. Владиміру; отцомъ ея былъ полоцкій князь Святославъ Рогволодовичъ, въ христіанствѣ Георгій или Григорій, родной

внукъ Изяслава, сына Владиріра отъ Рогнѣды, сама княжна, до крещенія, носила имя Предиславы.

Крестъ преподобной Евфросиніи имѣетъ форму шестиконечную, т. е. съ двумя поперечными перекладинами. Длина его одинадцать и три восьмыхъ вершка, верхняя перекладина длиною въ три вершка, а нижняя въ четыре и пять восьмыхъ.

Лицевая сторона креста имѣютъ слѣдующія изображенія, вставки и украшенія: (См. ниже рис. 73).

Въ самомъ верху надъ первой или малой перекладиной, изображеніе Спасителя, съ подписью по сторонамъ **ІС. ХС.** Лѣвая рука Его прижимаетъ къ груди книгу, а правая благословляетъ. Замѣчательно, что рука эта, не исключая перстовъ, сдѣлана изъ мельчайшихъ камней.

Ниже изображенія Спасителя идутъ эмалевыя украшенія, кои въ разныхъ формахъ размѣщены между святыми изображеніями на обѣихъ сторонахъ креста, какъ это видно на прилагаемыхъ рисункахъ.

Въ срединѣ верхней перекладины помѣщена кровь Христова, т. е. частицы древа крестнаго, святою кро-

*) Въ 1871 году, по ходатайству б. епископа Полоцкаго и Витебскаго Саввы, перенесена изъ Кіева въ полоцкій Спасо-Евфросиніевскій монастырь частица мощей Преподобной Евфросиніи, именно средній перстъ десныя руки ея, который хранится въ особомъ серебряномъ ковчежцѣ, устроенномъ усердіемъ Д. С. С. Гавріила Павловича Матюнина, одного изъ немногихъ истинно русскихъ патріотовъ нашего края.

вію Спасиселя обагреныя. Эту за-
вѣтную святыню покрываетъ малень-
кій, четырехконечной, украшенный
камнями, крестъ. Въ выдавшихся уг-
лахъ сдѣланы четыре кружка, съ
изображеніемъ на нихъ словъ:
на лѣвомъ верхнемъ ІС на пра-
вомъ верхнемъ ХС на лѣвомъ
нижнемъ Ш и, наконецъ, на пра-
вомъ нижнемъ КА но послѣднія
стерлись.

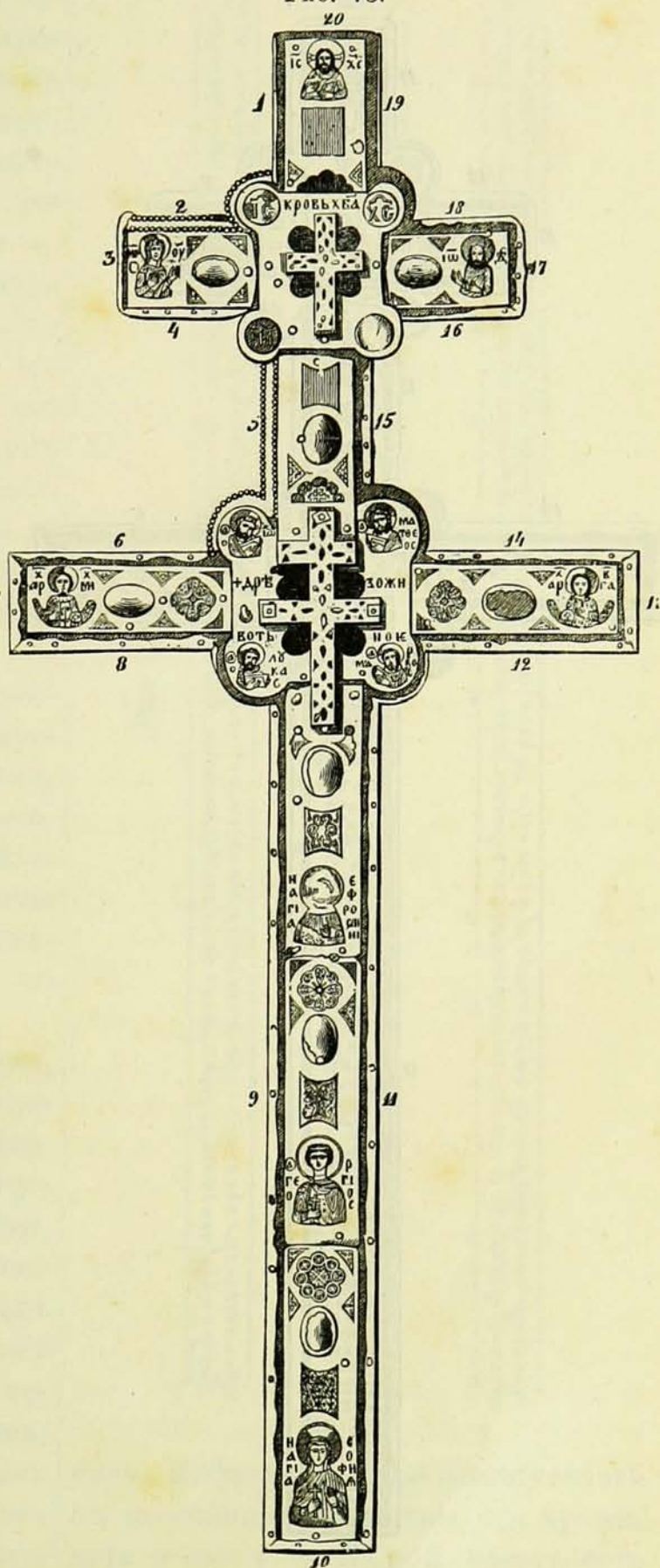
На лѣвомъ выступѣ верхней
перекладины представлена Ма-
теръ Божія съ простертыми дла-
нями, а на правомъ Іоаннъ Кре-
ститель, въ такомъ же поло-
женіи.

Въ срединѣ нижней или боль-
шой перекладины вдѣлано древо
живоносное, т. е. часть древа
животворящаго креста Господня.
Оно покрыто сверху небольшимъ
золотымъ крестикомъ, такой то-
чно формы, какъ и описываемый
нами большой крестъ. Въ выдав-
шихся углахъ изображены еван-
гелисты, каждый съ книгой въ
рукахъ. На концѣ лѣваго высту-
па большой перекладины пред-
ставленъ архангелъ Михаилъ, а
на концѣ праваго архангелъ Гав-
ріилъ. Каждый держитъ въ ру-
кѣ шаръ.

Ниже животворящаго древа,
сильно поврежденное изображе-
ніе преподобной Евфросиніи
Александрійской, имя коей при-
няла, при постриженіи препо-
добная Евфросинія, княжна по-
лоцкая. Отъ изображенія этого
уцѣлѣли часть руки съ крестомъ
и часть одежды. Ниже—святой
великомученикъ Георгій, въ во-
инской одеждѣ, съ повязкой на

челѣ и съ четырехконечнымъ крес-
томъ въ правой рукѣ, наконецъ, въ са-
момъ низу изображеніе святой мучени-
цы Софіи, также съ четвероконечнымъ
крестомъ въ правой рукѣ.

Рис. 73.

На оборотной сторонѣ креста, (рис. 74) въ самомъ верху, выше меньшей перекладины, изображенъ св. Іоаннъ Златоустый, въ святительской одеждѣ,

съ шестиконечнымъ крестомъ въ правой и съ евангеліемъ въ лѣвой рукѣ.

Въ срединѣ меньшей перекладины вдѣланы: часть гроба Пресвятыя Богородицы, съ изображеніемъ на

ней Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ.

На лѣвомъ выступѣ верхней перекладины изображенъ св. Василий Великій, съ книгой въ рукахъ; на правомъ было изображеніе Григорія Богослова, но ово утерялось.

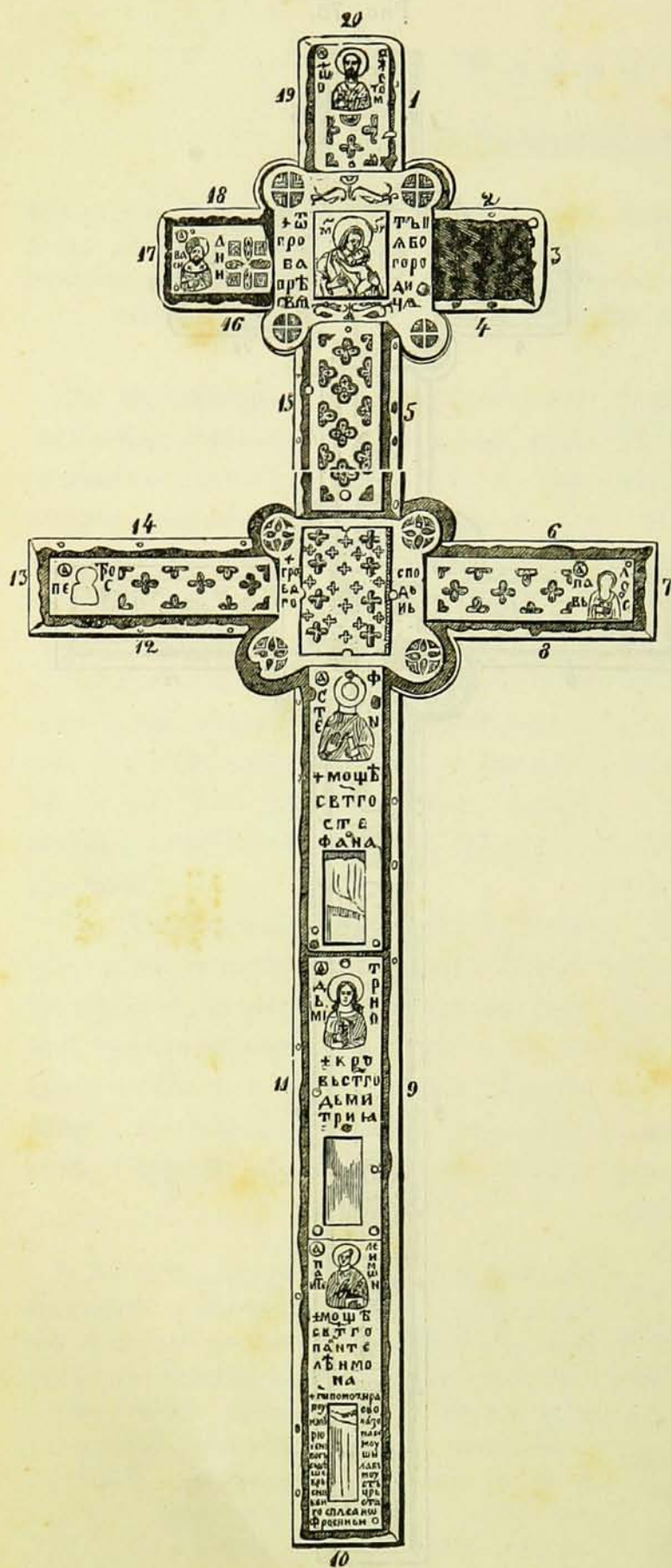
Въ средину нижней или большой перекладины вдѣлана часть камня отъ гроба Господня. На лѣвомъ выступѣ этой перекладины — совершенно изгладившееся изображеніе св. апостола Петра, а на правомъ — изображеніе св. апостола Павла, отъ котораго уцѣлѣли только одежда и рука, держащая книгу.

Ниже подъ частицей гроба Господня — полуистертое изображеніе св. первомученика Стефана, со свиткомъ въ лѣвой рукѣ; подъ изображеніемъ мощи этого святаго. Ниже изображеніе св. Димитрія, подъ нимъ — частица его крови, наконецъ еще ниже — изображеніе св. Пантелеймона и часть мощей его; по обѣ стороны сихъ мощей вырѣзана, весьма мелкими буквами, слѣдующая надпись:

† ГИ ПОМОЗИ РАБОУ СВОЕМУ ЛАЗОРЮ НАРЕЧЕНОМУ БОГШИ СЗДѢЛАНШЕМОУ КРЪСТЬ СИИ ЦЕРКВИ СТАГО СПАСА И ѠФРОСИНІИ.

Въ боковой надписи, начертанной какъ видно изъ снимка, (рис. 75) вокругъ всего креста,

Рис. 74.

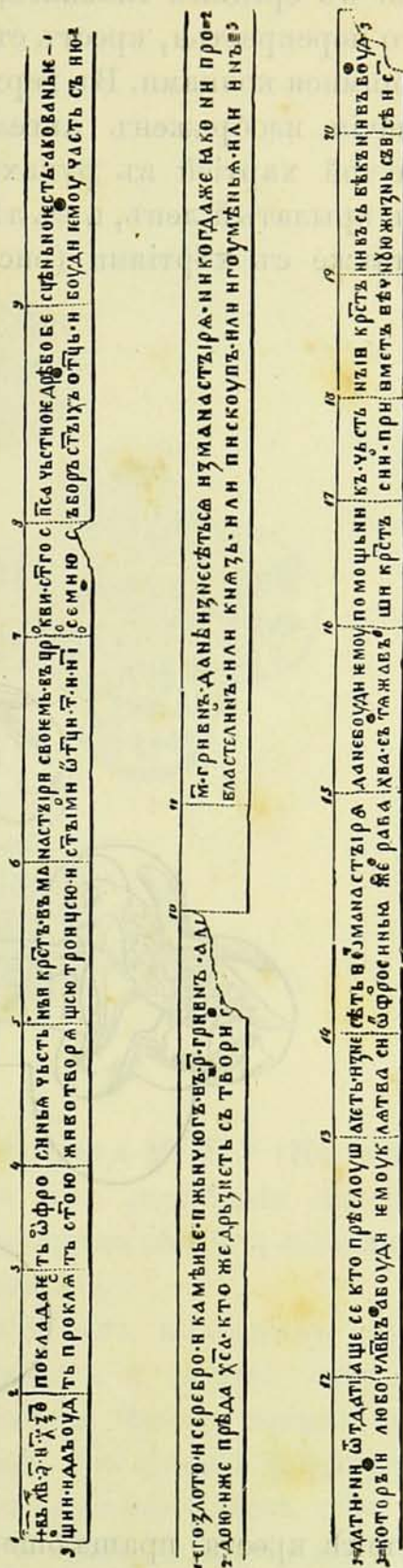
на серебрянныхъ вызолоченныхъ дощечкахъ, изображена св. воля преподобной Евфросиніи, что бы этотъ крестъ, положенный ею въ церковь монастыря св. Спаса, оставался въ ней навсегда и никѣмъ не былъ отчуждаемъ, подъ опасеніемъ проклятiя. Изъ этой же надписи узнаемъ также, что употребленные на сооруженіе креста, золото, серебро, драгоценные камни, жемчугъ и проч. украшенія стоили 140 гривенъ, т. е. почти 1,400 руб. серебромъ. Судя по наружности креста, онъ былъ, по краямъ, обложенъ жемчугомъ, что съ лицевой или правой стороны его было вставлено восемь большихъ драгоценныхъ камней, что подобными украшеніями были убраны углы малыхъ крестиковъ, покрывающихъ капли крови и частицы живоноснаго креста Господня.

Вмѣстѣ съ описаннымъ нами крестомъ преп. Евфросиніи въ Спасо-Евфросиньевской женской обители, хранится и другой памятникъ стариннаго православiя, менѣе извѣстный и едва ли относящійся ко времени преподобной Пароскеви, дочери князя Рогвольда—Василія, которой по преданію онъ принадлежалъ.

Форма креста двѣнадцати конечная, съ закругленіями выступовъ перекрестій, длина съ ушкомъ $4\frac{5}{8}$ ан. дюйма, толщина около $\frac{1}{4}$ ан. дюйма. Крестъ серебряный позлащенный, раскладной, съ разгородками внутри для храненія мощей и другихъ священныхъ предметовъ. Въ настоящее время онъ сильно помятъ, позолота мѣстами сошла, обратная сторона изломана; хотя крестъ этотъ довольно великъ для тѣльнаго, но будучи снабженъ ушкомъ могъ быть носимъ, въ слу-

чаѣ надобности на шеѣ, или повѣшенъ на стѣнѣ, чѣмъ существенно и отличается отъ ручнаго креста

Рис. 75.

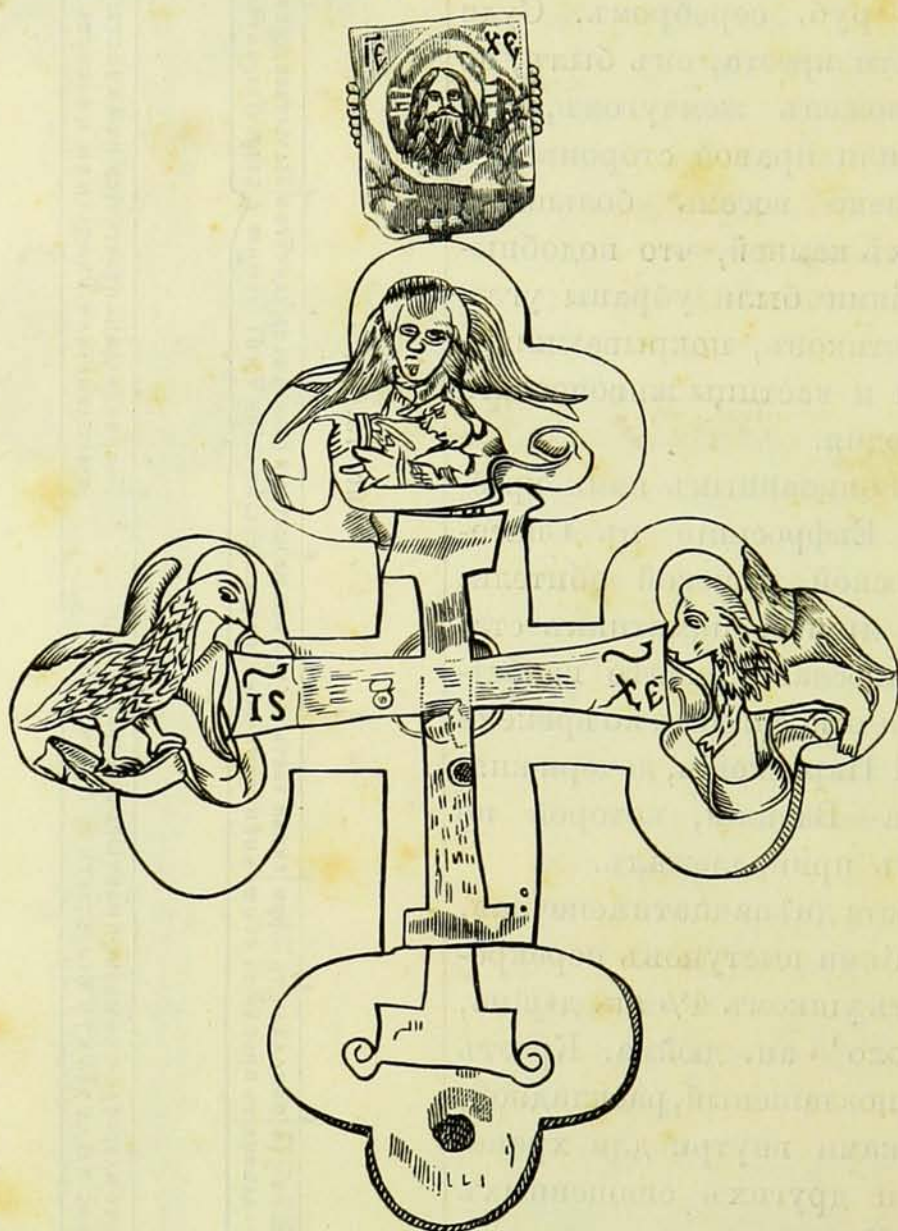
преп. Евфросиніи, предназначеннаго къ постоянному храненію въ храмѣ, хотя и этотъ послѣдній крестъ есть

вмѣстилище мощей и другихъ священныхъ предметовъ.

На лицевой сторонѣ креста преп. Пароскеви весьма грубо изображены рѣзцемъ: въ срединѣ главнаго, т. е. средняго перекрестья, крестъ съ расширяющимися концами. Въ верхнемъ трехконечіи изображенъ ангелъ съ развернутой хартіей въ рукахъ, въ правомъ крылатый левъ, а въ лѣвомъ орелъ также съ хартіями (рис. 76).

динѣ сторонѣ креста, весьма грубо, въ перепутанныхъ строкахъ литерами разныхъ величинъ и формъ, съ большими ошибками, часто съ замѣной одной буквы другой, вырѣзана надпись, обозначающая хранящіеся въ крестѣ мощи святыхъ. Надпись эта согласна съ уцѣлѣвшими еще надписями на бумажкахъ, находящихся въ гнездахъ, внутри креста, въ кои были завернуты частицы мощей. При внима-

Рис. 76.

На ушкѣ креста, вращающемся на ширнирѣ, изображенъ образъ нерукотвореннаго Спаса, сравнительно не дурно.

На обратной, изломанной въ сре-

тельномъ разсмотрѣніи надписи можно допустить, что она составлена не въ одинъ разъ и не однѣми руками. Характеръ надписи въ верхнемъ перекрестіи видимо отличается отъ над-

старинный, но далеко не древний, окажется не тѣмъ, о которомъ говорили лѣтописцы. При этомъ невольно рождается вопросъ: не была ли въ Евфросиньевскомъ монастырѣ другая монахиня именемъ Прасковія и не ей ли принадлежитъ этотъ крестъ?

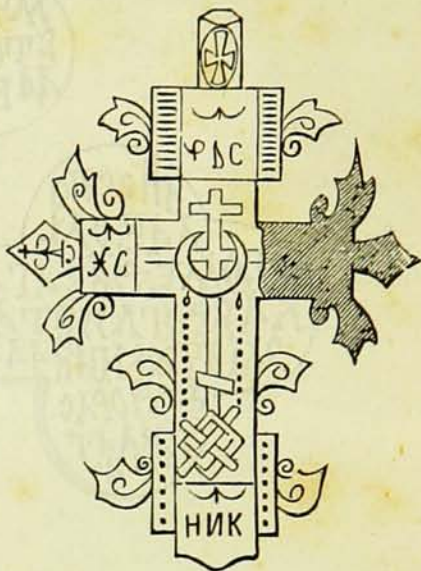
Изъ русскихъ ученыхъ, писавшихъ о крестѣ св. Параскевіи, Кеппенъ выражаетъ сомнѣніе, чтобы находящійся нынѣ въ монастырѣ крестъ былъ временемъ св. Параскевы, скончавшейся въ Римѣ въ 1239 году. Судя по почерку надписи, онъ относитъ его къ XV вѣку. Востоковъ не дѣлаетъ положительнаго о древности креста заключенія, такъ какъ видѣлъ только рисунокъ его, который признаетъ не правильнымъ, усматривая въ надписи значительныя орфографическія ошибки, но ошибки эти, какъ читатель можетъ усмотрѣть изъ точнаго снимка надписи, существуютъ на самомъ дѣлѣ, и, по всей вѣроятности они произошли отъ незнанія рѣзчикомъ русскаго языка и вообще плохо владѣвшаго рѣзцемъ. Лучшее доселѣ описаніе креста и точную литографію съ нею, мы находимъ въ брошюрѣ А. П. Сапунова, перепечатанной въ 1886 г. (№ 8—19) изъ „Витебскихъ губернскихъ вѣдомостей“.

Въ нѣдрахъ Витебской земли покоится не мало памятниковъ св. православія; но они къ сожалѣнію, доселѣ остаются намъ неизвѣстны, хотя нѣтъ сомнѣнія, что время отъ времени выходятъ на бѣлый свѣтъ, но доставаясь въ руки народа, гибнутъ безслѣдно. Такъ мы много разъ слышали о находкахъ древнихъ металлическихъ крестовъ въ курганахъ и на поляхъ Лепельскаго, Полоцкаго и Люцинскаго уѣздовъ, а также близъ

Двины въ Динабургскомъ. Изъ нихъ одинъ небольшой серебряный крестикъ, найденный лѣтъ 20 тому назадъ вмѣстѣ съ древними монетами, перстнями и ожерельемъ въ Люцинскомъ уѣздѣ, попалъ въ наши руки, но и то изломаннымъ и безъ правой половины перекрестья.

Вотъ лицевая сторона его; оборотная гладкая (рис. 78).

Рис. 78.

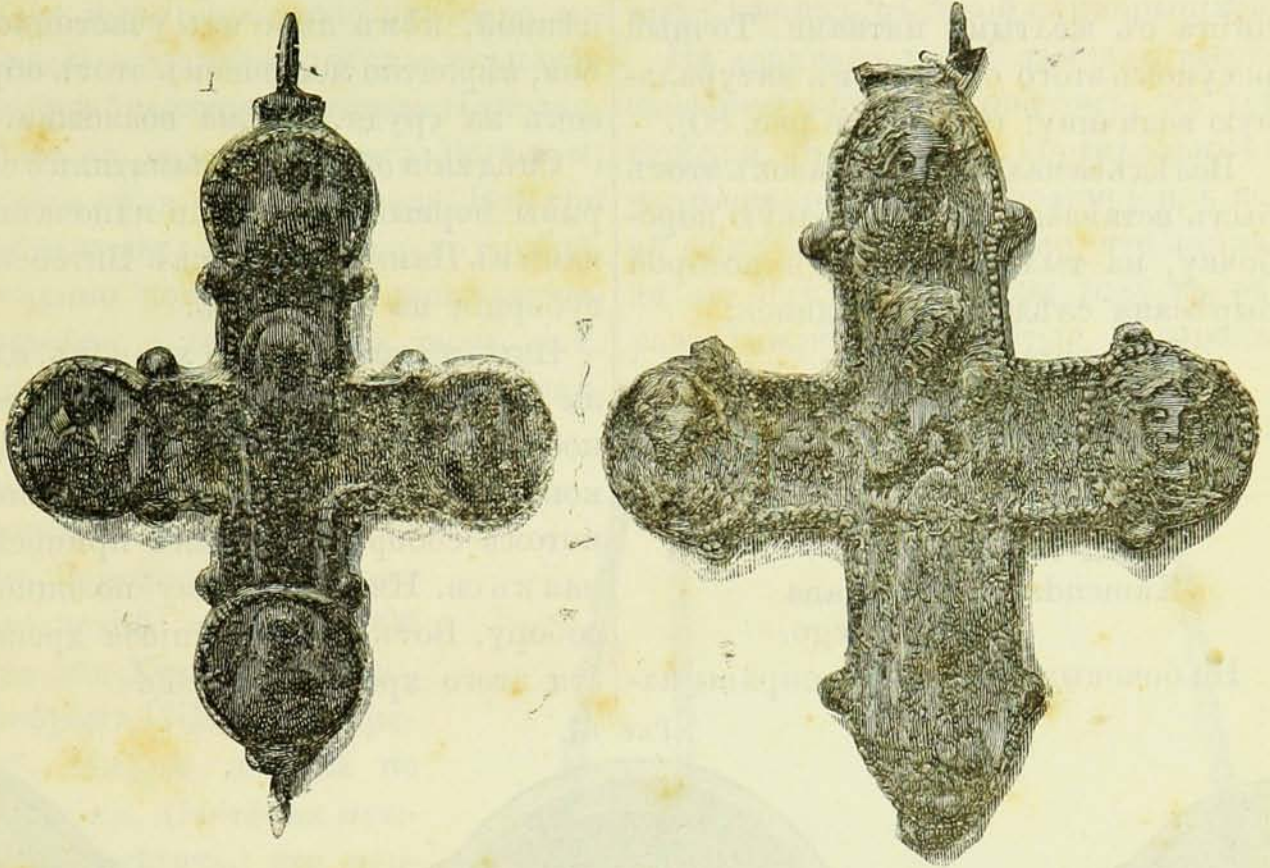
Въ археологическомъ отдѣлѣ Тверскаго музея, хотя имѣется весьма богатое собраніе крестовъ, но такой формы и съ такимъ рисункомъ, какъ нашъ крестъ, не имѣется. Крестъ № 372 значительнымъ расширеніемъ на концахъ верхнемъ и нижнемъ и отчасти изображеніемъ, и крестъ № 227 украшеніемъ концовъ перекрестій, — нѣсколько напоминаютъ крестъ нашего собранія; но въ подробностяхъ рѣзко отличаются отъ него. Ушко нашего креста очень похоже на ушки крестовъ Тверскаго музея, значащихся подъ №№ 231 и 343 *). Другой же серебряный крестъ, такого же точно рисунка, съ славянскими буквами но

*) См. Древности 1885 г. Описаніе Тверскаго музея.

гораздо большихъ размѣровъ, найденъ, лѣтъ 15 тому назадъ, однимъ изъ моихъ знакомыхъ на маломъ крейцбургскомъ островѣ, что на р. Запад-

мѣстности, гдѣ было нѣкогда зданіе фарскаго костела, что нынѣ губернской архивъ и древняя Благовѣщенская церковь, найденъ весьма древ-

Рис. 77.

ной Двинѣ, въ предѣлахъ Динабургскаго уѣзда, насупротивъ г. Якобштата Курляндской губерніи. Обратная сторона этого креста, также какъ и перваго гладкая.

Въ нашемъ собраніи древностей хранятся еще два мѣдныхъ древней формы креста; но мы къ сожалѣнію не можемъ съ точностію указать мѣста гдѣ и когда они были найдены; тѣмъ не менѣе прилагаемъ изображеніе ихъ, въ натуральную величину, въ надеждѣ, что сравненіе таковыхъ съ другими подобными находками принесетъ пользу дѣлу археологіи. (рис. 79).

Около 160 лѣтъ тому назадъ, именно въ 1737 году въ г. Витебскѣ, въ районѣ бывшаго нижняго замка, въ

нѣй каменный образокъ на коемъ Пресвятая Дѣва изображена какъ бы

Рис. 80.

скорбящую; лѣвая рука Ея поддержи-
ваетъ нѣсколько наклоненную голову,
а правая покоится на груди.

Рѣзьба изображенія глубокая, но
весьма грубая; употребленный для
образка камень-порфиритъ чернаго
цвѣта съ желтыми пятнами. Точный
рисунокъ этого образка въ натураль-
ную величину: (См. выше рис. 80).

Вслѣдъ за находкой, образокъ этотъ
былъ вставленъ въ серебряную коро-
бочку, на тыльной сторонѣ которой
вырѣзана слѣдующая надпись:

Ten obrazek z nale-
zioni u Witebsku w
ziemi roku 1737 przy
kosciele farskim za
imei Xiendza Kazi-
merza Lukaczewica
Kamendarza i dziekana
Witebskego.

На боковыхъ сторонахъ оправы на-

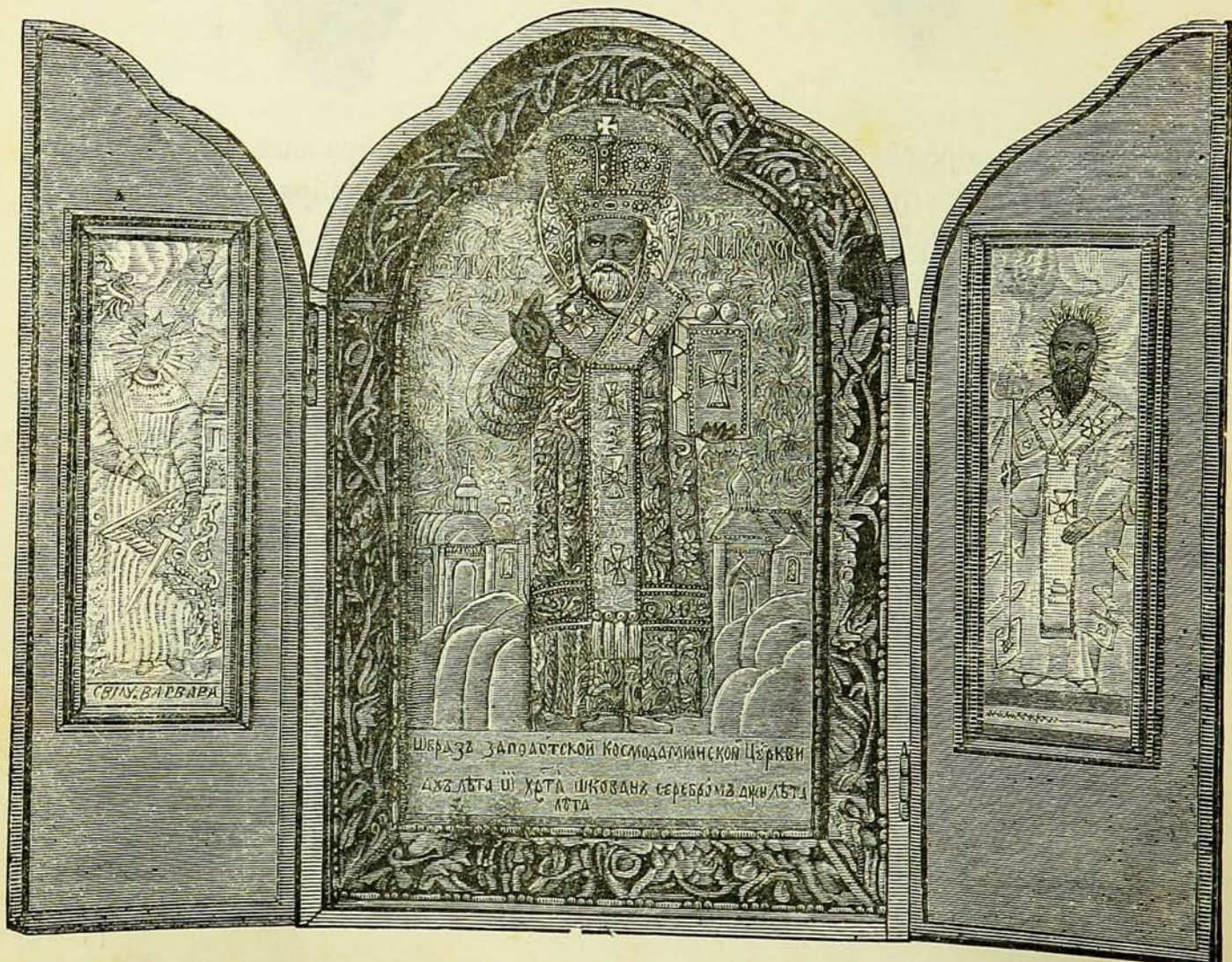
чертано: Matko Boża prziczinsie za
namі S. S.

Витебскіе замки столько разъ были
свидѣтелями кровавыхъ битвъ, между
русскими и поляками, что потеря этой
святыни, по своему времени весьма
цѣнной, кѣмъ либо изъ участниковъ
боя, вѣроятно носившемъ этотъ обра-
зокъ на груди, весьма возможна.

Свѣдѣнія объ этомъ памятникѣ ста-
рины первый разъ были напечатаны
нами въ Памятной книжкѣ Витебской
губерніи на 1886 годъ.

Изъ православныхъ храмовъ, едва
ли не болѣе другихъ, богата древ-
ностями полоцкая Софійская цер-
ковь, бывшая некогда кафедральной,
потомъ соборной, а нынѣ приписан-
ная къ св. Николаевскому полоцкому
собору. Вотъ сохранившіеся древно-
сти этого храма (рис. 81).

Рис. 81.

Большой складень, въ родѣ устраниваемыхъ нынѣ при полковыхъ церквахъ. Составляющіе его образа помѣщаются въ деревянномъ голубаго цвѣта кіотѣ, украшенномъ простой старинной рѣзьбой; высота складня около одного, а ширина около полутора аршина. Въ средней части складня помѣщено изображеніе святителя Николая, справа св. великомученицы Варвары, а слѣва св. апостола Іакова. Всѣ три изображенія работы довольно грубой, и видимо подновлены; такого же достоинства и серебряныя ризы ихъ. Подъ образомъ святителя Николая, прикрѣплена жестяная досщечка съ надписью слѣдующаго содержанія: „Образъ Заполоцкой Косьмо-Деміанской церкви 1606 лѣта отъ Христа, окованъ серебромъ 1708 г. отъ Христа“. Цифры писаны по славянски. Считаемо нужнымъ замѣтить, что церковь Косьмы и Даміана была за рѣкою Полотой, въ той части стараго Полоцка, гдѣ и былъ собственно городъ, тогда какъ остальную, нынѣ главную часть города, занимали верхній и нижній замки. Нынѣ заполоцкая часть составляетъ бѣднѣйшее предмѣстіе Полоцка, по преимуществу населенное жидами.

Мѣсто, гдѣ стояла Косьмо - Даміанская церковь обращено подъ огородъ, принадлежащій Софійской церкви, на немъ нѣтъ и слѣдовъ бывшаго храма.

Въ Софійской церквѣ, обращаетъ на себя вниманіе серебряная лампада предъ образомъ Покрова Пресвятыя Богородицы; она большихъ размѣровъ, хорошей старинной работы, подвѣшена на трехъ массивныхъ серебряныхъ цѣпяхъ, съ такой же накрывкой.

На верхнемъ поясѣ лампы вырѣзана стариннымъ шрифтомъ, въ три строчки, раздѣленная вертикальными черточками польская подпись изъ коей между прочимъ видно, что лампада эта сдѣлана въ 1692 году къ образу Покрова Пресвятыя Богородицы полоцкой Софійской церкви.

Рис. 82.

Начало и конецъ подписи раздѣлены особымъ знакомъ, представляющимъ: лукъ со стрѣлой, прикрытый короной по сторонамъ буквы: S.S.R.V.

А самая подпись выражаетъ:

Panno pzenaiswientszo-titulem Pokzowi swentei (w sezkwі Zophei swentei w Polocku wistawiona, ktura ma wisie nadlugie iuz wstawione wieki) ktorzi sluzie gotowi Maz Domu Rodziewiczow.

K misowa wistawilo oltarz na shwaleiei wzientei (na szecs onei przed obrazem lampe zawieszona) niech tim pomoga kto ie dal itrzima na wieki). Nie przestanie z ona oroz Domu Mishnewicow. Do tey lampy starchy Klastoru X. Babinski vilozyf) srebra Klastornego griwien cztirynascie. A. 1692. msca Augusta 20 dma. Форма и украшенія лампады (См. рис. 82).

Рис. 83.

Изъ предметовъ, хранящихся въ ризницѣ, заслуживаютъ вниманія своя стариной, оригинальностью рисунка или формы шесть вещей: три орлеца, коверъ, митра и кресло.

Орлецы вытканы изъ грубой шерсти, опущены бахромой, они гораздо большихъ размѣровъ, чѣмъ нынѣ употребляемые и не совсѣмъ круглой формы. Бѣлые, одноглавые, съ цвѣтками въ клювахъ орлы этихъ ковровъ представлены на голубомъ полѣ, долженствовавшемъ, вѣроятно, изображать воздухъ, стоящими на землѣ съ полуприподнятыми крыльями, какъ бы въ намѣреніи подняться.

Поле орлецовъ окружено широкой, желтой съ оранжевыми краями каймой, на которой грубо вытканы красные звѣздчатые цвѣты, соединенные между собой продолговатыми зелеными листьями (рис. 83).

Церковный коверъ, хотя тоже сотканъ изъ грубой крученой шерсти, и, какъ видно было много лѣтъ въ употребленіи и не особенно тщательно бережень, все еще мѣстами сохранилъ яркость красокъ и ясность рисунка. На срединѣ его, въ крестѣ съ закругленными краями представлены апокалипсическіе звѣри и выткана славянскими и греческими литерами надпись: „На агнцаивасиліска наступиши и попрешл льва и змія да некогда

преткнешь о камень ногу твою“*).

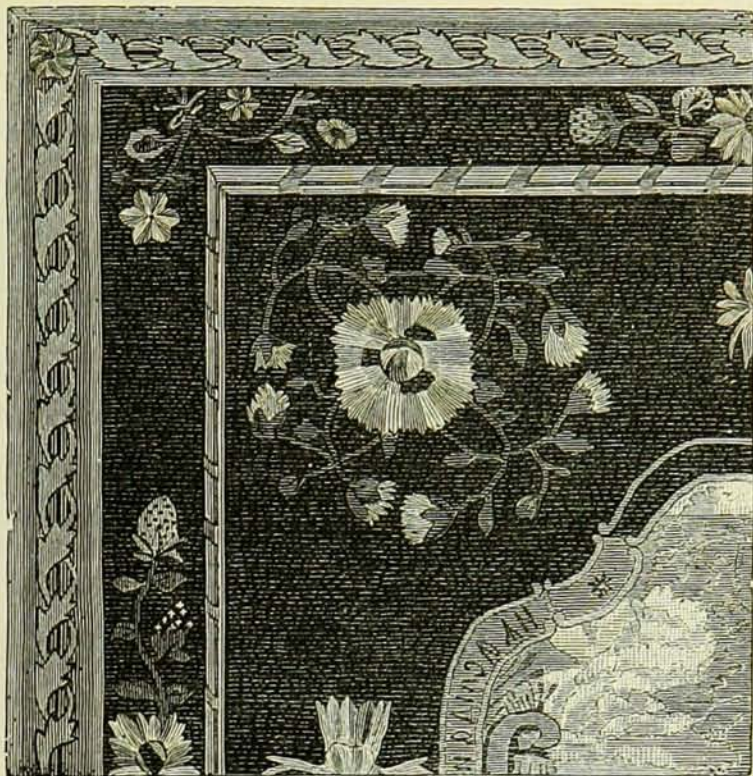
Прилагаемое изображение одного из угловъ и части середины ковра лучше всякаго описанія познакомятъ читателя съ этой старинкой (рис. 84).

Гораздо большаго въ археологическомъ отношеніи вниманія заслуживаетъ хранящаяся въ ризницѣ зеленая бархатная митра, нисколько не похожая по формѣ ни на нынѣшнія, ни на старинные уборы этаго рода. Софійская митра имѣетъ видъ скуфьи, или обыкновенной домашней шапочки, вершина ея совершенно круглая. Будучи сложенной, митра эта имѣетъ въ ширину $7\frac{3}{4}$ вершковъ, а въ высоту $4\frac{1}{2}$ вершка. На нижнемъ краѣ ея, или по опушкѣ густо вышиты золотомъ дубовыя листья; верхушка, въ центрѣ которой находится малая шелковая пуговица, изящно украшена золотымъ и серебрянымъ шитьемъ, среди котораго оставлено три небольшихъ мѣста, вѣроятно для святыхъ изображеній. Между верхнимъ шитьемъ и опушкой, на зеленомъ бархатѣ вышиты: архангелъ, два ангела и слова **сѣтъ сѣтъ**. Подбой митры зеленый тафтяной.

Судя по значительности размѣра этой митры, и по ея формѣ, можно съ большою достовѣрностью предположить, что она принадлежала полоцкому архіепископу Силавѣ, страдавшему колтуномъ (placa polonica), сведшимъ его въ могилу. Такъ въ завѣщаніи своемъ Силава именно говоритъ: „Я Антоніи Силава, митрополитъ Киев-

скій, Галицкій и всея Руси, архіепископъ Полоцкій, выражая въ настоящемъ писаніи мою послѣднюю волю, объявляю, что страдая по допущенію Божію, около четырехъ лѣтъ

Рис. 84.

въ тяжкой болѣзни колтунѣ, ниспосланной за грѣхи мои и чувствую крайнее ослабленіе во всѣхъ членахъ тѣла и во всѣхъ чувствахъ моихъ, за которымъ обыкновенно наступаетъ смерть“ и т. д. Для нагляднаго ознакомленія читателя съ этимъ головнымъ уборомъ многострадальнаго архіепископа Антонія Силавы, прилагаемъ точное изображеніе его. (рис. 85).

Рис. 85.

*) Псал. 90. Живыи въ помощи Вышняго.

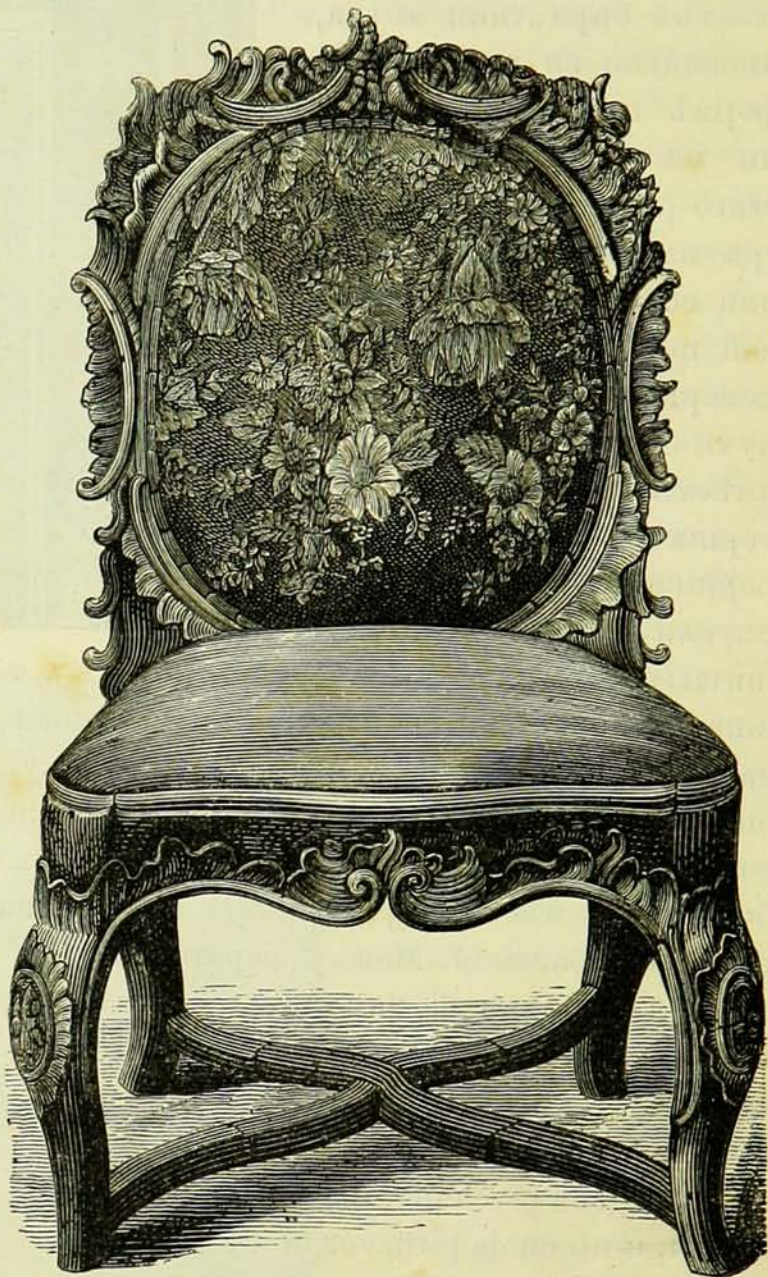
Что касается найденнаго нами въ 1877 году, въ квартирѣ настоятеля Софійской церкви стариннаго церковнаго кресла, на которомъ, въ былыя времена возсѣдали полоцкіе архіепископы, а можетъ быть и посѣщавшіе Софійскій Соборъ царственныя особы, и о которомъ мы упоминали въ составленной нами Памятной книжки Витебской губерніи на 1878 годъ, въ статьѣ „Полоцкая Софійская церковь“, то читатель можетъ познакомиться съ этимъ памятникомъ старины по прилагаемому рисунку лицевой и оборотной стороны кресла, сдѣланному, какъ и всѣ предыдущіе рисунки по фотографіи (рис. 86 и 87).

Были въ полоцкой Софійской церкви, а можетъ быть и теперь еще гдѣ либо есть, и другіе памятники старины, напримѣръ рукописныя евангелія, и два другихъ евангелія, переплетъ коихъ обдѣланъ въ обломки серебряной бляхи, покрывавшей раку извѣстнаго Иосафата Кунцевича, на коихъ сохранились рельефы изображеній изъ событій жизни Иосафата; но розысканіе и описаніе этихъ древностей не досталось на нашу долю, впрочемъ, не по нашей винѣ.

Есть и въ другихъ витебскихъ храмахъ, въ особенности монастырскихъ, хотя и въ маломъ числѣ болѣе или менѣ интересная старинная утварь; но предѣлы настоящаго изданія не позволяютъ намъ останавливаться на описаніи ея, тѣмъ болѣе, что многое уже описано нами въ Памятныхъ книжкахъ Витебской губерніи за

прежніе годы *). До какой степени бываютъ своеобразны даже маловажныя вещи изъ старинной церковной утвари, можно судить по прилагаемому ниже рисунку, (рис. 88), жаровницы, хранящейся въ витебскомъ Марковскомъ монастырѣ.

Рис. 86.

*) См. Памят. книжки Витебской губерніи 1864, 1865, 1866, 1867 г. Памятная книжка Виленскаго генераль губернаторства на 1868 годъ. Томъ I. Сборникъ въ память перваго русскаго Статистическаго съѣзда 1872 года. Т. I. Памятная книжка Витебской губерніи на 1878 годъ.

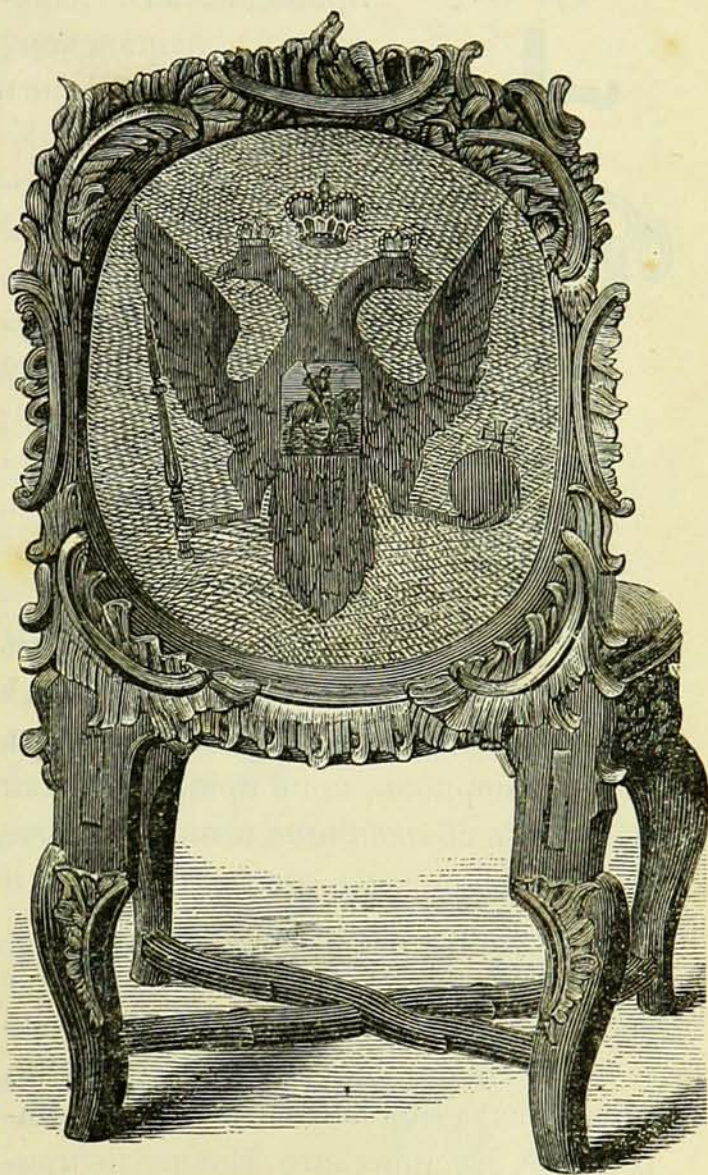
Изъ заслуживающихъ вниманіе письменныхъ памятниковъ православной старины мы можемъ указать на два рукописныя евангелія, одно изъ нихъ несомнѣнно XVI, а другое быть можетъ XV вѣка. Последнее принадлежитъ витебской нынѣ единовѣрческой Благовѣщенской церкви, первое составляетъ личную собственность Дѣйствительнаго члена Императорскаго Московскаго Археологическаго общества М. Ф. Кусцинскаго, коимъ оно приобрѣтено въ Лепельскомъ уѣздѣ въ концѣ 1884 г. или въ началѣ 1885 годовъ.

Благовѣщенское евангеліе написано на листахъ сѣрой толстой бумаги, имѣющихъ на первомъ полу-листѣ водяное изображеніе черепахи. Въ настоящее время Евангеліе переплетено въ зеленый бархатъ, съ золотымъ тѣсненнымъ обрѣзомъ, и украшено, съ лицевой стороны, мѣдными наугольниками и такимъ же осьмиконечнымъ крестомъ; первые наложены, одновременно съ переплетомъ, въ 1842 г., усердіемъ священника Лукашевича, а послѣдній въ 1862 году. Какъ наугольники, такъ и крестъ покрыты голубой и зеленой эмалью, на первыхъ изображены символы Евангелистовъ: ангелъ, орелъ, левъ и телець — всѣ крылатые.

Внутри Евангелія, внизу, подъ текстомъ, начиная съ 3-й страницы, имѣется слѣдующая надпись: Книга Евангеліе святаго Благовѣщенія въ Витебску, лѣта отъ нароженія Сына Божія Иуса Христа тысяча пятьсотъ осьмаго, мѣсяца октября, 11 дня, на память святаго апостола Филиппа единого отъ семи дьяконъ, надалѣ есма сію книгу завѣмою Евангеліе на престольное (тетрь) у соборную церковь

Благовѣщенія пречистое Богородицы, Еже есть у Богоспасаемомъ Градѣ Витебску нижнемъ, Богу кухвалѣ, а себе на память і родителямъ нашимъ понеже далѣ есми вечно и непоручимо. А хто сію книгу отеметь отъ церкви Благовѣщенія пречистой Богородицы, тотъ со мною разсудитца на страшномъ суде предъ милостивымъ Богомъ, вовеки аминь. Надпись

Рис. 87.

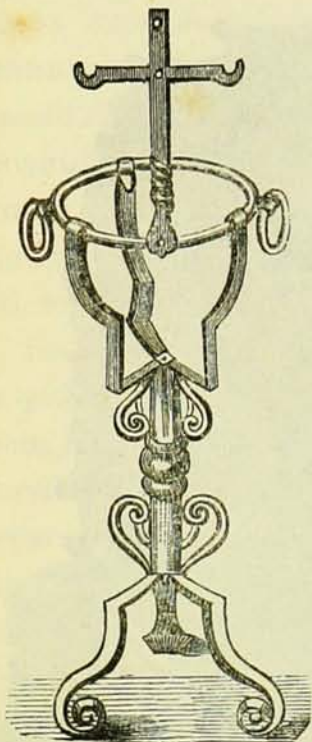

эта, судя по цвѣту чернилъ, почерку и орфографіи, сдѣлана гораздо позже написанія Евангелія. *)

*) Первое извѣстіе объ этомъ Евангеліи напечатано нами, въ 1864 году, въ номерѣ 41 Витебскихъ губернскихъ вѣдомостей; отъ куда оно перепечатано въ 127 номерѣ Виленскаго

На Евангеліи принадлежащемъ г. Кусцинскому годъ написанія его также не обозначенъ. Надпись на немъ А. П. Сапуновъ прочелъ такъ: Сію книгу Евангеліе тетръ. . . . попъ З болоти Порфирей променилъ в церковь Божею. . . . страстотерпцу на славу и честь боярска Юрю Семенову сыну. М. Ф. Кусцинскій надпись эту толкуеть слѣдующимъ образомъ: *) Лепель **) въ половинѣ XVI вѣка

Рис. 88.

принадлежалъ извѣстному дворянскому роду Зеновичей; одинъ изъ нихъ—Юрій Зеновичъ былъ старостой Дисненскимъ и начальникомъ отряда войскъ Сигизмунда-Августа въ войну его съ Іоанномъ Грознымъ. Въ это время съ отрядомъ своимъ Юрій Зеновичъ стоялъ въ Лепелѣ, входившемъ въ составъ его владѣній, гдѣ онъ, какъ ктиторъ

возводя церковь, могъ пріобрѣсти для нее чрезъ священника и описываемое Евангеліе, о чемъ отецъ Порфирій и сдѣлалъ приведенную надпись. Въ г. Лепелѣ и доселѣ существуетъ деревянная Юрьевская „церковь на болотѣ“ чѣмъ, до нѣкоторой степени, подтверждается объясненіе почтеннаго М. Ф. Кусцинскаго. Евангеліе при-

вѣстника, а затѣмъ повторено, вѣскольکو сокращениѣе, въ 1 томѣ Витебской Старины. А. П. Сапунова; гдѣ находимъ какъ рисунокъ Евангелія, такъ и факсимиле надписи и начала Евангелія отъ Іоанна. *Асторъ.*

*) Письмо Кусцинскаго, 16 марта 1885 года.

**) Уѣздный городъ Витебской губерніи, единственный по лѣвую сторону З. Двины.

надлежащее г-ну Кусцинскому писано на сѣрой толстой бумагѣ, имѣющей, на нѣкоторыхъ листахъ водяные знаки такого вида (рис. 89 и 90).

Рис. 89.

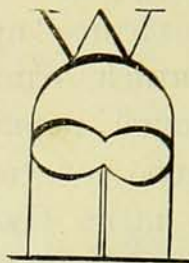
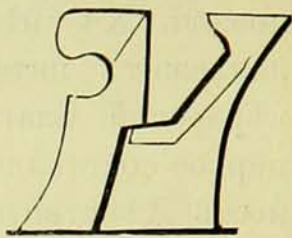

Рис. 90.

На бѣлыхъ, ближайшихъ къ переплету листахъ изображенъ всадникъ, наподобіе литовскаго герба. Книга переплетена въ дубовые доски, обтянутыя краснымъ сукномъ.

Передавая на безпристрастный судъ читателей настоящій трудъ нашъ, мы почтемъ себя счастливымъ, если онъ принесетъ хотя нѣкоторую пользу отечественной археологіи и исторіи, броситъ лучъ свѣта на темныя и спорныя мѣста ихъ и обратитъ вниманіе на необходимость немедленнаго принятія серьезныхъ мѣръ къ сохраненію для потомства, погребеннаго въ нѣдрахъ могилъ и сокрытаго въ церковныхъ кладовыхъ достоянія его предковъ, такъ святотатственно расхищаемого жадными до легкой наживы невѣжественными кладоискателями и малообразованными хранителями общественной собственности.

Мы въ твердомъ упованіи на святое провидѣніе, несмотря на вечеръ дней нашихъ, надѣемся еще встрѣтятся съ читателями на историческомъ кладбищѣ обитателей другихъ частей изучаемаго нами края и найти подъ сводами святыхъ храмовъ его хотя остатки памятниковъ, свидѣтельствующіе о его прошломъ, нерѣдко мрачномъ, но нерѣдко и славномъ.

СНИМОКЪ СЪ ФОТОГРАФІИ

ДРЕВНЯГО РУКОПИСНАГО ЕВАНГЕЛІЯ ПРИНАДЛЕЖАЩАГО ЧЛЕНУ
ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
М. Ф. КУЩИНСКОМУ.

ВІСІАНАСТЕБЕБЕВАННЕ

Въ началѣ бѣ слово, и слово бѣ
 оуба, и бѣ бѣ слово. сѣ бѣ иско
 нноуба. вса пѣмъ быша. и
 безнегоннчпоже бы, бѣ же бы.
 въ томъ живѣтѣ, и жи
 вѣтѣ свѣтѣ члкъ. и свѣ
 вътѣмъ сѣ вѣтѣ писа, и пѣма
 еронеобълтѣ. бычакъ поаманъ
 ѡбѣга, и маемѣ ѡванн. сѣприн
 девъ свѣтѣлство, да свѣтѣлствѣ
 етъ ѡ свѣтѣ, да в снѣроу и мѣ
 ѣмѣ. не вѣтѣ свѣтѣ, но да свѣ
 телствѣ етъ ѡ свѣтѣ. бѣ свѣ
 въстоу и великоу и ѣ пасхы. налі

гла
а

Довв. пенз. Слб. 11 Дек. 89 г. ИМЕНИ ЛЕНИНА

Гипо-лит. Н. Стефанова

1301.

